

ДОНБАС – АРЕНА ВІЙНИ

Вінниця
Т. П. Барановська
2015

УДК 82(477)
ББК 84(4УКР)
Д67

Auswärtiges Amt

Фонд Східна Європа

Видання здійснено в рамках інформаційної кампанії «Почути - Зрозуміти - Порозумітися», яка проводиться Вінницькою ГО «Інформаційно-просвітницький центр «ВІСЬ» в рамках проекту «Сприяння плюралізму та діалогу в українському суспільстві», що реалізується Фондом Східна Європа за підтримки ChildFund Deutschland e.V. та Міністерства закордонних справ Федеративної Республіки Німеччини.

Відповідальність за зміст збірки несе ГО «ІПЦ «ВІСЬ», думки авторів не відображають позиції Фонду Східна Європа.

Упорядкування та передмова О. Тараненко

Донбас – арена війни / упорядкув. О. Тараненко. – Вінниця : Д67 Т. П. Барановська, 2015. – 150 с. + 8 с. іл.

ISBN 978-617-7233-13-7

До збіркивійшли тексти своєрідних життєвих історій, аналітичних роздумів, публіцистичних есеїв та філософських міркувань, спровокованих ситуацією на буремному Донбасі в 2014 та 2015 роках.

Це тексти авторства як дуже відомих письменників, поетів, фотохудожників та журналістів, так і дебютні, написані вперше, саме для цієї збірки. Переважно усі автори мають відношення до Донецького національного університету (це його викладачі, студенти, випускники) – українського вишу, який було евакуйовано до Вінниці у зв'язку зі збройним захватом університету бойовиками ДНР у Донецьку в вересні 2014 року.

УДК 82(477)
ББК 84(4УКР)

ISBN 978-617-7233-13-7

© О. Тараненко, упорядкування, 2015

ПЕРЕДМОВА

Шановний читачу!

Перед Вами – тексти своєрідних життєвих історій, аналітичних роздумів, публіцистичних есеїв та філософських міркувань, спровокованих ситуацією на буремному Донбасі в 2014 та 2015 роках.

Це тексти авторства як дуже відомих письменників, поетів, фотохудожників та журналістів, так і дебютні, написані вперше, саме для цієї збірки. Переважно усі автори мають відношення до Донецького національного університету (це його викладачі, студенти, випускники) – українського вишу, який було евакуйовано до Вінниці у зв'язку зі збройним захватом університету бойовиками ДНР у Донецьку в вересні 2014 року.

Ця книга – результат вже не першої взаємодії кафедри журналістики ДонНУ з ГО «Інформаційно-просвітницький центр «ВІСЬ». Знаковими є назви наших проєктів: *«Діалоги порозуміння»*, у підсумку якого з'явилась публіцистична збірка *«Історії несепаратисток»*, та *«Почути – Зрозуміти – Порозумітися»*, результатом якого і є ця книга. Саме поняття діалогу як можливості висловитися та почути іншого, а втім – і як можливості краще зрозуміти себе, об'єднало нас з нашими вінницькими партнерами. Ми впевнені, що справжній діалог – це завжди важка робота. Перш за все, над собою, над своїми помилками, над власними упередженнями та забобонами. Справжній діалог змушує нас немов би встати над собою, вийти на межу власної особистості так, щоб побачити і себе з боку, і свого співрозмовця: побачити, почути, роздивитися – при цьому не втративши себе, свого неповторного «Я». Справжній діалог передбачає, що під час нього «Я» та «Вони» перетворюються на «Ми».

Саме таке розуміння важливості діалогу між Донбасом та Україною поза його межами; між вимушено переміщеними особами та мешканцями українських міст, що їх приютили; врешті-решт, між донбасівцями, що поїхали та тими, що залишилися, об'єднало нас із нашими міжнародними партнерами, за сприяння яких ми маємо таку важливу можливість висловитися: МБФ «Український жіночий фонд» у першому проєкті та Фонду Східна Європа, (за підтримки ChildFund Deutschland e.V. та Міністерства закордонних справ Федеративної Республіки Німеччини), з яким ми співпрацюємо зараз, у рамках міжнародного проєкту «Сприяння плюралізму та діалогу в українському суспільстві».

**Олена Тараненко,
в.о. завідувача кафедри журналістики
Донецького національного університету**

Евгения Бильченко

КТО Я?

21 февраля 2014

Я – мальчик.
Я сплю, свернувшись в гробу калачиком.
Мне снится футбол. В моей голове – Калашников.
Не вовремя мне, братишки, пришлось расслабиться!
Жаль, девочка-врач в халатике не спасла меня...

Я – девочка-врач.
Я в шею смертельно ранена.
В моём городке по небу летят журавлики
И глушат Wi-Fi, чтоб мама моя не видела,
Как я со своим любимым прощаюсь в Твиттере...

Я – мама.
О фартук вытерев руки мыльные,
Звоню на войну я сыночке по мобильному.
Дитя не берёт! Приедет, – огрею веником!
«Его отпевают», – слышу ответ священника...

Я – батюшка.
Я собор свой открыл под госпиталь
И сам в нём служу медбратом, помилуй Господи!
Слова для души, что чреву – пуд каши гречневой:
За это крестил поэта я, пусть и грешен он...

Я – просто поэт.
Я тоже стою под пулями.
Кишка, хоть тонка, как лирика Ахмадулиной,
Но всё ж не настолько, чтобы бояться красного:
Нужнее стихов сегодня – мешки с лекарствами...

Я – старый аптекарь.
Мне бы – давно на пенсию:
Сидеть и блаженно пялиться в ящик с песнями.
Но кончились бинт, и вата, и маски вроде бы:
Начальник, пришли термальной воды для Родины!

Я – Родина.
Я ребёнок – и сплю калачиком.
Назначенный государством, ко мне палач идёт,
Из недр моих вырыв мрамор себе на логово:
Налоговой сдал налог он, но Богу – Богово.
Я – Бог.
И я тоже – Папа. Сынок Мой Ласковый
У вредины в классе детский отнял Калашников.
Сказал, мол: «Ни-ни!» – и прыгнул без парашютика...
Спи, золотко.
Спи, Мой Мальчик.
Я Воскрешу Тебя.

КАНТ

11 октября 2015

Владиславе Пилипенко (Донецк)

Иммануил не ждёт от судьбы наград.
Иммануил не вернётся в Калининград.
Чтобы вернуться, надо
Сменить башмаки на берцы:
Башмачник Иммануила расстрелян
Под ратушей Кёнигсберга.
В доме Иммануила царит аврал:
Там поселился свадебный генерал.
Пишет депеши, разводит крыс,
Обращает девчонок в баб...
В доме Иммануила – военный штаб.
Над домом – всё то же небо и Млечный Путь.
Иммануил пытается вспомнить хоть что-нибудь:
Стада недоеных звёзд – единое Божье вымя.
Могила Иммануила –
Так именита, что потеряла имя.
Возле дома – гимназия.
Школярка с дырявым ранцем:
Дырки от бубликов, дырки от пуль,
Дырки от дефлорации.

В ранце – нет ничего, кроме сэндвича и тротила.
Школярка всё ещё любит Иммануила.

Она звонит ему раз в неделю
По вторникам или средам
С воплями: «Иммануил!
Ты – беженец! Ты нас предал!
Нас здесь всех убивают
За то, что мы – «не такие»,
А ты плывёшь себе звёздным морем –
Семь футов тебе под килем!» –

И тут же бросает трубку,
Не прощаясь и не простив.
Она давно забыла моральный императив:
Когда по цене свободы на вокзале сбывают ксивы
Категорические императивы
Теряют силу.

Но дом стоит, – как собор.
Как снайпер над головой.
Ограбленный дезертирами.
Обшарпанный, но живой.
Дом превратился в призрака.
Дом превратился в зомби.
Дому вообще плевать, что он трижды взорван.

Дом Иммануила будет стоять, пока
Руки Иммануила помнят его бока,
Помнят его подсобки.
Помнят его подвалы...

Философию гимназистки.
Философию генерала.

Владислава Пилипенко

«ПРИВІТ, БАБУСЯ!»

Мене звуть Слава, і я з Донбасу. Я люблю свій край і дуже хочу додому. Ні, мене все влаштовує, я знайшов роботу, вчуся на 5-ому курсі й у мене є ще живі побратими та друзі. Але я нестерпно хочу повернутися у свій дім. Мене не було там вже півтора року.

В моїй кімнаті з білою стелею та синіми стінами залишився «жовто-блакитний» прапор. Там дуже багато квітів, вікна виходять на проїжджу частину, а напроти стоїть дерево. Йому, напевно, вже років 100. Коли я прокидався вранці, дивився у вікно на нього – це був такий ритуал – він допомагав мені почувати себе вдома та в безпеці.

Сьогодні я не бачу свого дома, свого дерева, своєї кімнати. Я бачу Тросщину з 23-го поверху. Мені дуже подобається цей вид, але я сумую, все частіше й сильніше. Я дзвоню своїй бабусі до Авдіївки, хоча знаю, що, напевно, вона не відповість. Така в нас карма: коли фашисти дзвонять до сепаратистів, ті не відповідають.

Трохи подумав, я дзвоню ще і ще. На передостанньому зумері вона піднімає слухавку і невпевнено каже: «Алло». Ми розмовляємо десь хвилин 10-ть, за цей час вона розказує мені як гримить «Град», що таке «Тюльпан», та як люди їдуть працювати і не повертаються додому. Я не можу їй відповісти... останнього разу, коли вона не витримала і кинула слухавку, я сказав, що ненавиджу її, і мені соромно, що вона моя бабуся. Я вже говорив їй, що вони у всьому винні. Це вони, казав я, звали Росію, це вони стріляли по школах і це точно вони знімали сюжети про нас – фашистів...

Я чую як слухавці реве танк, і падає міна. Вона здригається від цього і важко сопе у слухавку. Я не можу нічого з цим вдіяти, тому що тепер я точно не знаю що можна казати. Будь це зовсім чужа людина, я би просто допоміг їй грошима. Але вона моя бабуся, моя родичка, моя кров. Я знаю хто винен, я бачив підвали, і я ненавиджу їхні брехливі диванні війська. І в мене є вибір: воювати з бабусею чи залишитись людиною. Як знайти відповідь?

Одна з найголовніших проблем цієї війни – небажання слухати та тотальна брехня. Кожен, хто не був на Майдані – тепер кричить, що він був у першій сотні. Чиновник, який боїться люстрації, який не брав у руки калаша і сидів (у кращому випадку) на ДУЦІ у тилу, чи ще десь –

каже що він стріляв у сепаратиста і тепер потребує визнання. Той, хто не знає Донбас – каже, що був там раніше і знає, що там немає людей, а одні debilи. Тому я просто слухаю трансляцію «російських новин» голосом моєї бабусі і більше не сперечаюся.

На цій війні я обираю допомагати нашим воїнам та залишатися людиною.

ИСПОВЕДЬ ДОНЕЦКОЙ БЕЖЕНКИ

Я – беженка. Да, наконец-таки я это осознала. Я живу в Киеве. Мне нравится этот город, и мне хочется жить в нем. Быть с ним, дышать его воздухом... он разрывает мои легкие, превращает их в жесткие, шитые из конского волоса, мешки. И мне это нравится.

Но радость омрачается разочарованием. Мне казалось, что здесь прекрасно все. Прекрасны здания, люди в них, улицы, человеки, гуляющие по ним.

...не понимаю беженцев из Донецка, приехали они тут... Мы вот на Майдане стояли и защищали свою родину. А чего они приехали, что, защитить свою родину не могут. Когда я смотрю на мужиков, которые приехали сюда, мне хочется плюнуть им в морду. Почему люди из Западной Украины, молодые ребята, должны отвоевывать Ваш город?

...О, ты беженка, сочувствую. Ужасно, что ты родом оттуда... ужасно. Но сейчас-то все хорошо? Или?..

Отвечаю на оба эти вопроса. Я свинья, я нашла грязь в людях, долго искала и все-таки нашла. Да, мы трусы, мы не были на Майдане, но каждый день смотрели на него через *Эспрессо* и *Громадское*. Да, мы трусы, которые сидели дома, мы работали и молились за Вас, ребята. Прнося свою веру сквозь безразличие шахтеров и замерзшие розы. Мы молились за Вас. За каждую каплю крови на Майдане. И приехав сюда, мы чтим память «лучших сыновей» Украины за их кровь, за нашу общую победу. Мы трусы, мы не смогли отстоять Донецк сами. Не взяли оружие, не пошли в чужой дом, потому что не были готовы к этому. Да, мы трусы, ребята. Мы трусы. Мы не смогли выдержать удары вражеского народа, мы просто спрятались, оставили свои дома. Но с верой в сердце приехали к Вам. И да, на нас, на трусах «народа украинского», лежит ответственность за ребят из Западной Украины.

И еще. Я – беженка. Это моя ноша, моё клеймо, моя вина. Я сбежала из родного мне города, где последние два месяца пряталась в своей комнате, забивала на сессию и выходила из дома только в магазин. Сбежала из своего города, где меня называли фашисткой и «гребанной патриот-

кой». Где вывесили на сайте мою фотографию и дали мне понять, что живая я им не нужна. Меня выгнали из моего родного города понаехавшие из вымирающих городов босые пацаны и девки, допивавшие «Жигулевское» и громко кричавшие: «Долой бандеровцев, долой хунту, долой фашизм».

Да, я беженка. Беженка из ДОНЕЦКА. Вы слышите меня, патриоты, сепаратисты, вы слышите меня? Я жива. Но я скучаю по родине, по ее голым скверам, по лицам простых донецких ребят. Скучаю по друзьям, по кошке, что осталась дома. Я скучаю по дереву за окном, скучаю по ночному магазину и по прогулкам по улицам... Скучаю по ребятам из моей театральной студии. Мне больно осознавать то, что я больше не там. Не в эпицентре событий. Что больше я не вижу из окна липкую 21-летнюю картинку, не меняющуюся годами. Мне грустно, ребята. Грустно.

Но, несмотря на это, я не согласна с этими обвинениями: трус, беженка. Клейте мне на спину эти слова, кидайте в меня свои упреки. Я никогда не отрекусь от своего родного УКРАИНСКОГО города с дебилами, как вы окрестили донецких. Я там выросла, там я стала тем человеком, которого знаете вы. Не будь его, не было бы и меня. Моего роддома, моих школ, моего университета, которого там уже нет!

Но я не принимаю киевских поэтесс и поэтов, которые, не зная Донбасса, пишут о нем. Вы не чувствуете мой город! Не пишите о том, чего не знаете. Что такое Донбасс? Город шахтеров и роз? Нет. Донецк – это Украина. Донецк – это железное сердце родины, нашей общей Родины. Там тысячи патриотов, таких же, как и я, тех, которые выходили на митинги и держались друг за друга, вымученно улыбаясь. Потому что иначе не могли. Они молились за Украину и, понутив головы, плакали о первых жертвах.

Этот город молчал, потому что боялся смерти. У нас не было оружия и все, кто болел за Украину, за Майдан – они как Юра, Юрочка Живаго... не могут стрелять в людей, и если стреляют, то в дерево.

Это люди с мечтой в глазах, отчаявшиеся люди...

Таким как я, больше нет места в моем городе. Так где же мне жить, киевляне, украинцы, майдановцы? Где же мне жить, если не рядом с Вами?

ВОНЗДА: ГЕТЬ З ДОНБАСУ?

Минуло півтора роки. Я не вірю. Згадую і не вірю, що це було півтора роки тому в Донецьку, в якому я не була вже більше року...

П'яте березня. Після ганебного «проросійського» мітингу першого березня – з титушками, з привезеними невідомо звідки бандитськими пиками, які тепер для всієї України – усталена картинка «донецьких», нам усім ясно, що треба виходити і визначати вибір свого, українського Донецька.

Чи було страшно? Поки ти це обговорюєш зі своїми, поки зосереджуєшся на деталях – що брати з собою, де зустрічаємося, звідки підемо, чи брати прапори з собою, чи там буде якась атрибутика – може, трохи і страшно, проте якесь збудження сильніше за страх. По-справжньому страшно стане потім, коли побачиш на головній площі міста-мільйонника величезний натовп тих, кого ти в своєму Донецьку до цього не бачив чи не помічав – замість обличчя у цього натовпу роззявлений рот, з якого тхне ненавистю, люттю, смертю. І хвили безжально страшного скандування, що котяться над площею: «ВОНЗДА!...ВОНЗДА!...»

Ти входиш в ці хвили ненависті, як у відкритий космос, у тебе перехвачує подих, повітря не вистачає, і ти не можеш зрозуміти – чи це тобі і що вони кричать? Бачиш своїх, їх більше, трохи передихаєш, з кимось вітаєшся, комусь посміхаєшся, читаєш плакати, що їх принесли твої друзі (наприклад, «У Донбасі війна весна»), розгортаються прапори, прив'язуються на пальта жовто-блакитні стрічки, гуртуємося, щось обговорюємо, хтось співає, щось кажуть зі сцени... А до краю «нашого» материка дрейфують групки п'яних титушек, смикають дівчат-студенток: «Дівчачки, ви что с етими п...сами?» І все більше накатує те дивне «ВОНЗДА!...ВОНЗДА!...»

Коли воно стає вже нестерпно гучним, і відчуття небезпеки буквально матеріалізується, пресується навколо нас якоюсь абсолютно реальною присутністю, я, нарешті, розумію, що вони кричать: «ВОН С ДОНБАССА!», «ВОН С ДОНБАССА!». Це вони мені. Нам. І вони не сумніваються в тому, що мають на це право, що нашого, українського Донбасу тут не має бути, а залишитися тут мають тільки вони. Над площею розгортається величезний прапор України, ми стоїмо під ним і співаємо, закінчується усе дуже напружено, розходимося хто як, а потім

узнаємо, що хлопців – вболівальників «Шахтаря», які були найактивнішими та які уносили прапор, сильно побили. Когось з тих, хто малими групами йшов з мітингу, також виловлювали та били. І чоловіків, і жінок. Міліція все бачила, проте... Вони вже тоді знали, що «ВОН С ДОНБАССА!» – це не їм, це нам.

Тринадцятого березня нас було ще більше, проте і їх також. І вони були вже з бітами, міліцейськими раціями, заточками та ножами. І вже не просто кидали яйцями, борошном, фарбою та пляшками з водою, як п'ятого, а били по-звірячому. І вбили Дмитра Чернявського. Йому було двадцять два. І покалічили багатьох. І все це не просто на очах у міліції, а й за їх сприяння. Я і зараз бачу, як міліціанти організовано розступаются і пропускають їх за спину хлопців з Самооборони, що стоять із зчепленими руками – вони разом, і це їх єдина зброя.

Були у Донецьку і спроби автомайданів, і камені та пляшки летіли в машини, витягували водіїв та пасажирів, чоловіків та жінок, хлопців та дівчат, і били металевими прутами...

Мабуть, ви цього не знали, бо, немов би за якимось тасмним зговором, картинка Донецька для більшості українців – це захоплена ОДА, ганебний референдум 11 травня і ті фейкові вибори, які невтомно показують і показують, немов навмисно тавруючи нас цими картинками.

А для нас та гірка весна 2014 – це, може, перше свідоме відчуття, що ми – українці і ніколи не погодимося на інше. Абсолютна незгода з пропозицією «ввічливого сусіда» захистити наші російськомовні інтереси. Незабутня образа на те, що саме ми маємо забиратися геть з Донбасу, бо хтось так вирішив за нас. А згодом – і те страшне 5 липня, коли вмерла наша надія, коли у Донецьк із Слов'янська ввійшли «гіркінці» із Стрелковим, і стало ясно, що це місто вже не той Донецьк, у якому ми народились, вирости і який вибудовували. А може, вже ніколи і не буде тим.

Для мене той, мій Донецьк, скінчився 18 липня. Вони зробили вибір за мене, коли за доносом сусідів прийшли до нас з обшуком та заарештували чоловіка. Коли четверо озброєних днр-івців з «Руської православної армії» пояснювали нам, що за знайдені у нас українські прапори треба вбивати, у вишиванці сина нас треба спалити, а я із дипломом викладача російської мови та літератури, що маю таку українську бібліотеку з книжками Донцова, Шкляра, «Броньбійної публіцистики» – взагалі, якась зрадницька потвора, що не має права на існування. Коли я раділа тільки тому, що синів-студентів ми вмовили поїхати з Донецька напередодні, а мама зараз не гостює у нас. Коли після майже тижня по-

невірянь нам вдалося виїхати з рідного міста. З рідного дому, де я народилася, куди мене немовлям принесли з пологового; з рідного двору, де буяли, проводжаючи мене, рожеві, білі, червоні та жовті троянди – незмінні символи Донецька; з рідного саду, де кожне дерево має свою історію – чи пам’ятає мене ще маленькою дівчинкою, чи посаджене мною та чоловіком до якоїсь пам’ятної події; з рідного університету, в якому я навчалася та працювала, і з яким мене пов’язують тридцять найкращих років життя.

Мій дім не встояв і року, хоча, я впевнена, він чекав на нас... Чекав з терпінням і любов’ю, якою ми його наповнили, чекав, бо не міг збагнути, чого це «сюди ніхто давно не приходив», якщо «звідси ніхто не пішов» (Сергій Жадан). Тепер, кажуть, він стоїть порожнім, з нього винесено усе, навіть двері, котел та батареї опалення. А те, що залишилось, розтрощено вщент, мабуть, з почуттями, пануючими тепер у «молодій республіці» – заздрістю, ненавистю та люттю. Вибач мені, мій дім, мій простір любові та життя, я не захистила тебе від зла та бруду, не змогла... Та хай буде за Жаданом:

Хай стоять непокірні будинки.
З якої не починай сторінки –
Час перемотує рвані жили,
Перетягує сірі бинти.
Тебе тут надто сильно любили,
Щоби звідси піти.

Дякувати Богові, мої рідні зі мною, а Дім там, де родина. Університет неймовірними зусиллями нас усіх збережено, тож маю і роботу. Боюся тільки одного – щоб те тавро «донецьких» не зробило нас вічними винуватцями та біженцями, щоб не почути після «Геть з Донбасу!» і з уст не донецьких українців: «Геть з України!». Щиро сподіваюся, що така фобія не справдиться, бо ж ми на те не заслуговуємо.

Веніамін Білявський

*Моїм колишнім друзям
з Донбасу присвячую*

* * *

2.10.14

Ось хлопчик впадає у відчай
бо в нього немає цукерки,
і хлопчик у відчай вістря
встромляє у братове серце.

А відчай усе не минає,
і не проходить образа.
І степом тиняється Каїн,
чатуючи вбитого брата.

ПРОЩАННЯ ЗІ СТЕПОМ

3.10.14

Пам'ять мені зберегла хилитку ковилу,
Скітських фалосів й баб кам'яних недолугі постави...
Териконів кургани пішли в забуття, у пільму,
Більш не втонуть ніколи ні місяць, ні хмари у ставі.

Треба звикати до того, що степу нема.
Хтось його згвалтував і брехнею заповнив по вінця.
Я до нього тягнувся душею, в долонях тримав,
Та його вже нема, як води в спорожнілій криниці.

ШАХІВНИЦЯ

13.07.2015

Що ми є пішаки на шахівниці,
на цій картатій мапі паперовій,
я знав завжди, хоча й було огидно,
коли чийсь брудні нахабні пальці
мене пересували взад-вперед.
І було дивно те, що білі й чорні

мінялися місцями безупинну,
а пальці, що за карк мене хапали,
гравцям належали не двом —
було їх безліч...

Як равлик, що згортає в черепашку
весь світ навколишній,
так я сховав в собі
свій світ ясний,
а що було назовні,
здавалося мені почварним сном.

Але за рогом вже чекав на мене
такий собі куцак-годинникар
з годинником, що навпаки години
відкручував у напрямку зворотнім.
Сон обертався у потворну дійсність,
де сонце йшло від заходу на схід,
а парость поверталася у землю,
дощі тікали вгору від землі,
вертаючи вологу хмарам.
І він тримав мене вже не за карк:
своїми пальцями міцними
стискав упевнено моє він горло.
І дивним робом, чим міцніш стискав,
тим швидше час збігався навпаки.

Отож лишатися у власній оболонці
я вже не міг, бо світ почав згортатись...
До того, вже ніхто не розрізняв
початок справи і її кінець,
бо той куцак облудними речами
приспав ледь не усіх,
і крав, і крав наш час.

Елена Самойленко

ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ – ВСЕ, ЧТО МЕШАЕТ ЖИТЬ

2014

Я буду писать по-русски, хорошо? Ведь это так предсказуемо для донецких, которые якобы не знают украинского языка и не хотят на нем говорить... Что касается выходцев из родного Донецкого национального университета (преподавателей, выпускников, студентов), они развеяли этот миф сразу по приезду в Винницу, поразив своей языковой грамотностью местную общественность – от вахтера в учебном корпусе до ведущей на государственном радио. Ну а раз есть, кому защитить донецкую украиномовность, я буду писать по-русски, потому что я так думаю.

Я буду писать то, что думаю, ок? А думаю я, что всю оставшуюся жизнь каждый нормальный «донецкий» так или иначе будет доказывать свою человечность, порядочность и «не сепаратизм» – это карма. Причем возникла она не вчера и не в мае прошлого года... Лично я в поездках по Украине ощущала удивление людей от несоответствия восприятия меня как человека и журналиста и меня как «донецкой» всю свою жизнь в профессии, а это двадцать лет... Признаюсь, иногда мне даже нравилось парой фраз перевернуть чье-то сознание. Сейчас это стало долгом, обязанностью – работой. Что ж, я люблю свою работу, наверное, потому я ее и сохранила.

Я работаю в Донецком национальном университете в Виннице. Это очень странная фраза, ее не каждый поймет, даже в Украине. А живу я в Донецке. Ну, как «живу»? Скорее, имею недвижимость и «прописку»... С некоторых пор я веду кочевой образ жизни: Мариуполь, Бердянск, Запорожье, Киев, Винница – почти обычный маршрут. Меня, я знаю точно, ждут в Кировограде, Черновцах, Полтаве, Днепропетровске, Черкассах. Ждут в гости как «донецкую», родную, с новостями и передачами (не больше трех килограммов, пожалуйста!) – чтобы спросить: как дом – цел? как мама – закрашивает седину? как черепаха – еще помещается в аквариуме? а китайская роза – цветет? а орхидея – не зачахла?

Я кочую и привожу своим знакомым «приветы» из дома: семейный фотоальбом, диск с записью выпускного дочери (последние, условно

мирные, донецкие воспоминания – 30 мая 2014 года в аэропорту Донецка уже шли бои), любимую брошку, медицинскую карту, блокнот с бабушкиными рецептами...

А потом я снова куда-то еду, и только в поезде или автобусе могу себе позволить поплакать, чтобы не видели те, для кого я – сплошной позитив, оптимизм и улыбка.

Вот уже много месяцев я вижу своих растерянных, разбросанных, распадающихся на атомы от тоски друзей и родных, получивших новый социальный статус временных переселенцев. Им всем повезло: они, их родители и дети живы, здоровы, не голодают, не мерзнут... Им всем не позавидуешь: они выживают, а не живут... Кто-то «спасает бизнес», кто-то (в основном – женщины) уже пашет (именно пашет, на износ, за двоих, а то и за троих!), кто-то пытается найти себе новое дело, кто-то даже нашел... Но и те, кто пока еще имеет возможность посещать спортивные залы и заниматься бальными танцами, кто ходит на курсы английского языка и в салоны красоты, – существуют. Потому что настоящая жизнь, как ни крути, осталась в Донецке (Горловке, Макеевке, Енакиеве...).

«Я как дерево, которое вынули из грунта, а пересаживать почему-то не стали», – это слова человека, который никогда не идеализировал наш город, человека сильного и, несмотря на принадлежность к слабому полу, очень мужественного. В Донецке у ее семьи был перспективный бизнес и амбициозные планы, комфортное жилье в городе, домик в деревне, два приличных автомобиля и машина-«рабочая лошадка». Именно на ней летом, уже под «градами», были вывезены из «зоны» больше сотни людей, жизни и свободе которых в Донецке угрожала реальная опасность («приличные автомобили» для этой цели не годятся – лакомая и легкая добыча для любого вооруженного желающего). Эта семья, как и тысячи других, уехала из города именно по причине своей украинской самоидентификации и категорического отторжения происходящего в родном городе переворота (в том числе, и переворота сознания общества).

...Как же таким, знающим, думающим, умеющим работать, сейчас трудно! И дело не в пропитанной запахом кошек съемной малосемейке (а то и коммуналке), где они вынуждены обитать. И не в продавленном диване, оставляющем своим допотопным скелетом следы на ребрах временных жильцов... И даже не в том, что работодатели, узнав, что претенденты на должность из Донецка, вдвое увеличивают испытательный срок и втрое снижают зарплату («Вон вас сколько – а работа

одна!)). ... Дело в том, что «прижиться» на новом месте может лишь тот, кто этого хочет!

А мы не хотим «приживаться», потому что верим в то, что вернемся в наши дома в нашем городе и станем ходить на работу привычными маршрутами, а по выходным выезжать на пикники в «насиженные» посадки (естественных лесов в донецкой степи, как известно, нет). Как это ни парадоксально, именно вера и надежда мешают нам жить на новых местах. А еще любовь. К родному городу, изнасилованному войной. К родной стране, ставшей поперек геополитического горла. К наивным соотечественникам со слабым, как выяснилось, информационным иммунитетом. К детям, у которых если не отобрали светлое будущее, то сделали его уж очень трудно достижимым...

Мы, «донецкие», ведь тоже люди, и ничто человеческое нам не чуждо. Особенно Вера, Надежда и Любовь...

2015

Уже второй учебный год я добираюсь на работу как минимум сутки. Это в мирное время 800 км от Донецка до Винницы можно было преодолеть за 10 часов на машине. Теперь расстояния меряются не столько километрами, сколько временем, потраченным на преодоление блокпостов, прохождение таможен и границ, ожидание попутного транспорта и поездов в двух «точках входа» в оккупированную часть Донбасса – Мариуполе или Константиновке. Да, я по-прежнему кочую между Винницей и Донецком, боясь порвать нить, которая пока еще связывает место моего обитания и моей жизни, ведь, согласитесь, полноценная жизнь любого существа (уж не говоря о разумных, к которым я себя отношу) возможна только на воле...

Вот уже год как у меня появилась специальная шкатулка, полная ключей от жилищ моих уехавших друзей и родственников. И теперь, совершая регулярные обходы не своих владений, я точно знаю разницу между домом и квартирой. Помнится, в первые месяцы «великого переселения» народа Донбасса, летом и осенью 2014-го, социальные сети пестрили просьбами хозяев помочь перевезти их домашних питомцев с оккупированной территории на «свободную землю». С кошками, как правило, проблем не возникало: упаковал в «переноску», погрузил в машину – и вперед, а вот с собаками...

Так вот, квартира – она как кошка, в принципе, ей все равно, кто польет цветы и сотрет пыль, кто проводит... А дом... Он предан своим хозяевам настолько, что разлука для него порой убийственна. Он умира-

ет просто на глазах: выветривается запах тепла и уюта, подергиваются смертной тоской стекла окон, чахнут растения в палисадниках, ржавеют дверные замки и петли на калитках...

В каждом таком покинутом жилище остаются сотни частичек чьей-то жизни. Я пакую посылки вот уже больше года, и каждый раз поражаюсь, из скольких необходимых мелочей состоит человеческий быт! Забрать, увезти все свое, родное, невозможно даже на грузовике, что уж говорить о пресловутых клетчатых сумках-«челночницах»? И я продолжаю отыскивать в недрах комодов и шкафов любимые кем-то шарф или кроссовки, скрепя сердце соглашаюсь привезти утюг или блендер, которые здесь лежат без дела, а «там» покупка бытовой техники явно пробьет брешь в бюджете вынужденных переселенцев...

Как ни странно это звучит, но, кажется, я выполняю свои прямые профессиональные обязанности – осуществляю социальную коммуникацию, связывая по мере сил разные части общества, взорванного войной. И процесс этот двусторонний, ведь в Донецке тоже нуждаются в весточках «с Большой Земли» (именно так называют свободную от оккупации территорию адекватные дончане, хотя нередко уже можно услышать и неутешительное «из Украины»). Я далека от щенячьего восторга, с которым встречают каждого вернувшегося в Донецк некоторые особо патристичные особы. Люди возвращаются по разным причинам и с разным настроением, так что ждать от них объективной информации о жизни «за границей» не приходится. Но вот что касается материальных «приветов» из разряда «зроблено в Україні» – им искренне и неприкрыто радуются все.

И дело даже не в том, что в Донецке все дорого или чего-то нет в продаже! Просто... «Брожу по магазину и не знаю, что купить – не понимаю, дорого это или дешево (цены-то в рублях!) и вообще, что скрывается под незнакомыми русскими названиями, напечатанными на упаковках. В результате, как правило, ухажу не солоно хлебавши или покупаю что попало...», – делится впечатлениями одна из тех, кого обстоятельства оставили в Донецке. «Я не могу жарить синенькие на этом российском суррогате, который они называют подсолнечным маслом!» – возмущается другая. «Их конфеты не имеют ничего общего с шоколадом, это крашеный пластилин!» – злится третья...

Как я их понимаю! Как мы все, лишившись привычных банальных радостей, вдруг поняли и оценили счастье от возможности выбирать привычное, вкусное, полезное, модное, недорогое, такое, какое нужно и хочется! Ключевое слово здесь – выбирать, то есть быть свободными от необходимости «брать, что дают» и довольствоваться «тем, что есть». Именно потому и на обратном пути из Винницы или Киева, Мариуполя

или Константиновки в Донецк мой багаж не помещается в «одни руки». Львовский кофе – соседке снизу, рошеневские шоколадки – дочке подруги, пирятинский сыр и житомирские колготки – маме, а мужу для фирменной аджики – килограмм жгучего красного перца, купленного на винницком рынке за смешные 13 гривен!

...Я готова возить неподъемные сумки, пересекая искусственные границы и преодолевая любые расстояния. Я готова безропотно поливать цветы во временно пустующих квартирах и сообщать показания счетчиков проверяющим инстанциям. Я готова растягивать удовольствие от конфет и кофе «от возвращения до отъезда». Я готова жить в изоляции, общаясь вживую только с самыми близкими и верными из оставшихся. Я готова чувствовать себя не самой востребованной в профессиональном плане журналисткой и преподавателем. Я ко многому готова. Только не к тому, что все останется так, как есть!

И да, я все еще верю в торжество справедливости, надеюсь на чудо, и люблю Донецк!

Еліна Свенцицька

ДОНЕЦЬК – 2014

* * *

У густому диму
І в кромішньому домі...
Я тут просто живу,
Тут, в землі невідомій.

Добрі люди стоять
У межі злої ями,
Роздивляються, що ж
Відбувається з нами.

Суд почався страшний,
Чи то інша потреба.
Час збирати каміння –
Й летить воно з неба.

Йдуть там сірі сніги,
Йдуть там люди в покорі,
І хрущоби вночі –
Зуби велетнів хворі.

Там, де стид – як реп'ях,
Існування – як втеча,
Де вмирає життя
В метушні й колотнечі,

Де залізо тече
Із небесної вати,
І не знає ніхто,
Де себе заховати,

Там, де сила нечиста
Містами гуляє, –
Я тут просто живу.
Де живу я – те й маю.

Сонце. Кров на землі.
Вітер. Двері закриті.
Я тут просто живу.
Комусь треба тут жити.

* * *

Це життя по клаптинках збирали ми всі.
Чорний дим над домами зникає потроху.
Ми в Слов'янську жили, ми в Донецьку жили,
Наші душі розсипані смертним горохом.

Як з самої землі, із самісіньких жил,
Із самісіньких м'язів, нап'ятих пільмою,
Вийшов чорний вогонь і пішов через світ –
Від нечистої правди до неправди святої.

Досить, досить гарматних атак на птахів,
Бо коли б ми могли, як птахи, відлетіли –
Ми в Шахтарську жили, ми в Донецьку жили,
Ми хотіли додому, додому хотіли.

Баговиння війни поглинає нас всіх
Серед площі ворожої в місті чужому.
Ми в Луганську жили, ми в Донецьку жили,
Ми хотіли додому, додому, додому.

А від дому лишилися тільки ключі.
Перемога – безрука, огида – без краю.
Україна стоїть в європейській ночі,
Смолоскипом високим палає, палає.

Татьяна Нагорняк

ОСЕНЬ, ЗИМА, ВЕСНА, ЛЕТО... И СНОВА ОСЕНЬ

«Снова осень закружила карусель мелодий...» Люблю ее любую – капризно-дождливую, решительно-пронизывающую, заигрывающе-обманчивую, резкую в августе и не сдающуюся в ноябре – люблю. Навсегда в памяти залитый солнцем бульвар Пушкина, аромат кофе под шелест листьев в парке, вкус глинтвейна, приготовленного мужем в уютной кухне (в желтых тонах, как давно вымечтали), звук просыпающегося города – такого пустого воскресным утром, а еще кашемировая палитра чувств в этот сезон. Осенью 2014 года потерялся прежний трепет первых звонков в школах, умиление первокурсниками-политологами, желающими стать непременно президентами, живительная энергия леса в Славянске, беззаботная Варька (наша собака), жующая сливы без косточек, радость в момент поиска подарков ко дню рождения близких... Донецкая осень – 2014, как обида из детства, ноет где-то в солнечном сплетении и не отпускает. А ты кричишь ей в прошлое, что все это уже было и не повторится (наверное), что ты выросла и умеешь накладывать повязки, но тщетно.

Несколько раз садилась за этот текст и оставляла пустой лист. Мысли бегут и сразу кажется, что точно знаешь, что сказать, но что-то не дает буквам складываться в слова, а словам – в предложения... может, потому что этот год жизни – это слишком противоречивая осенняя палитра красок, в которой преобладает стыд и вера, боль и решительность, растерянность и, конечно, любовь.

Весна – 2014

«...за лисой гонялся быстрый кречет». Мой любимый Донецк стал умирать еще весной 2014-го, когда все должно наоборот расцветать и наряжаться. Университет всегда напоминал мне вокзал, на который по расписанию приходят и уходят элитные вагоны и товарняки, электрички и скоростные поезда. Одни глубоко задевают, заставляя отслеживать их дальнейший путь, радоваться за них и грустить. Других отпускаешь сразу в надежде, что еще будет та важная станция, которая что-то изменит и заставит повзрослеть. Но как бы ни складывалось, вокзал всегда ждал возвращения всех, кто был, и кто без расписания возвращался. А этой весной коридоры университета стали похожи на зал ожидания людей, которые потерялись. Их глаза устали в поисках ответов, плохие дороги и коммунальные тарифы из реальной жизни медленно переместились на страницы прошлогодних газет, в приемной декана толпились родители и родственники студентов, требующих документы якобы на ксерокопию, и не возвращались. Украинские митинги в Донецке, ночные рейды с завязыванием сине-желтых ленточек, «русская весна», предательство милиции, вой в ушах «Вон с Донбасса!», исчезающие продукты и лекарства из города, «Крым наш», однозначные взгляды соседей – все перемешалось в непонятное и зыбкое. Нависло немое молчание и раньше банальное, а теперь до боли понятное, «только бы не было войны»... Университет перестал работать в прежнем режиме, по скайпу и вживую, с утра до поздней ночи принимались экзамены и защиты выпускных работ, а между строк «Донецк - это Украина!», «наши ушли из Славянска», «снова ночью был аэропорт», и из открытых окон – навязчивый громкоговоритель на обладминистрации: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!»...

Лето – 2014

«Часто люди плывут по течению времени, а между тем утлый челнок наш снабжен рулем». Страна, город, отпуск, работа и любовь – все, что было жизнью и будущим, ютилось теперь в подвале на Гладковке. В нем я просто хранила варенье и запасала овощи на мирную зиму, а оказалось, что там можно спать, трудно дыша, пережидать бомбежки, прокручивая сто раз в голове схему, увиденную в интернете «как выйти из подвала в случае прямого попадания в дом» и считать палочки зарядки на телефоне. Испытания бывают разные, но они всегда дарят опыт – новые знания, слова, страхи. То лето было странным и последним донецким летом, после которого жизнь разделилась на «до» и «после» войны. На фоне четкого осознания, что нужно до последнего быть

в Донецке, рождалось предчувствие большой беды и безысходности. Внутренний диалог все больше сводился к молитвам за Украину, ежедневный словарь пополнялся фразами «прилетело по адресу» и «это – запуск, быстро в подвал, ждем ответку», важными вдруг стали номера полезных служб на случай попадания.

Но не покидало какое-то внутреннее убеждение: «однозначно есть другие миры, в которых можно петь»... Я и сейчас, вспоминая погибших ребят, знаю, что есть другие миры, в которых они поют!

Вместе с ребятами умирал и Донецк... Мало машин, участки города с мигающим желтым светофором, озирающиеся по сторонам пешеходы, много ухоженных, привыкших к авто людей, ехали в трамваях, не выглядывая в окна. Утром – все на работу, вечером – домой. «Хозяева города» в том же режиме с триколорами РФ и цветными флагами псевдореспублик – колонна военной техники с боевиками в направлении Макеевки днем и назад вечером – в Донецкий аэропорт. Так и работают...

Это сначала было страшно, потом принимаешь как привычный билборд, по ходу на работу, только движущийся. И посыл такой же – эмоционально влиять на массовое сознание, пытаться вызвать нужную реакцию – тихо сидеть или бежать из города! Город пустел, люди уезжали сначала в отпуск, потом «на время», еще позже «а куда возвращаться?», шопинг не приносил удовольствие, он превратился только в наблюдение. Покупательская корзина без претензий и особых радостей. Оплата карточкой. Все знают, что в городе деньги снять можно с огромным трудом, поэтому первое, что интересует при входе в магазин, это наличие терминала оплаты. В корзинах у людей крупы, хлеб, овощи, консервы, спиртное (!) и шоколад (!). В магазине вооруженные люди в поисках мороженого (!). Всем плохо!

Паника нарастала, «скорые» выезжали только на огнестрельные, инфаркт после программы новостей российских каналов или кома из-за непринятого вовремя инсулина перестали быть актуальными.

И это жуткое «мы за мир»... Дантовское «самые жаркие уголки ада оставлены для тех, кто во времена величайших нравственных потрясений сохранял нейтралитет».

Середина августа была решающей. Нужно было принимать решение, где жить и работать, а главное – где перспективы для наших детей? Было представление и договоренности, но в один из похожих на предыдущий день зазвонил телефон: «У меня к Вам личная просьба – позанимайтесь факультетом, пожалуйста»...

Последняя Осень. 1 сентября – 5 октября 2014

Назначение исполняющей обязанности декана истфака ДонНУ имело значение только в контексте «новой жизни», но не личного выбора. Ничего общего с моими желаниями и представлениями перспектив это не имело. «Всё вернётся, обязательно опять вернётся», – крутилось в голове весь сентябрь. Факультет к началу учебного года подготовился – студентов отправили на «практику», основной контингент преподавателей был за чертой города, еще веря, что все закончится через 2 недели! Невозможно было поверить, что это всерьез и надолго, что Донецк примет этот ужас, что университет забудет, зачем создан и станет заигрывать с сепаратистами и боевиками...

Отрезвление пришло быстро. Кто-то из своих писал синхрон речи коллег для террористов, кто-то призывал «держаться в подобающих рамках», кто-то пытался договориться с боевиками, кто-то наоборот вешал украинский флаг и громко пел гимн в ответ на унижения. 16 сентября стало все ясно. Мы узнали, что нас захватят накануне. Узкий круг обсуждал пути развития ситуации и функционирования университета. Мнения были разные. От «приостановить функционирования вуза», до «нужно договариваться и с ними выживать» и «уезжаем тем составом, кто готов восстанавливать университет в экзиле».

И снова много новых впечатлений. И снова так много людей, позволяющих себе оценивать «как правильно», находясь далеко от Донецка. Это они ровно через год начнут возвращать университет в Донецк. И можно порадоваться, что о войне эти люди знают из новостных лент и личных переживаний других. И, наверное, в их случае «понять и простить» – дело благородное и правое, только вот Божье это дело. Кто я, чтобы «метить» людей и судить их поступки?! Но я точно вправе помнить, как арестовывать меня пришли мои студенты с автоматами и люди, которые имели паспорт «Криворожской республики» задолго до этой осени. Я вправе себя винить, что не научила и не приняла всерьез, как и в том, что позволяла себе роскошь – не общаться с чужими по духу людьми.

Христофор Колумб тоже не знал, будет ли ветер, отправляясь в путь. Период с 16 сентября по 5 октября был судьбоносным. Он принес в мою жизнь ветер перемен. И даже сегодня однозначно сказать сложно, был ли то попутный ветер свободы или сквозняк к ларингиту?!

Складывалась команда, ясно было, что нам в Украину. Чиновники играли в нашу жизнь как в «политический проект». Киев, Тернополь, Винница? И вот 5 октября моя маленькая зеленая карета мчит нас с

близким теперь человеком 750 км, глаза радуются украинским флагам и осознанию, что ДонНУ быть, и это «быть» есть кому создавать. Нас назовут «инициативной группой», но для меня важно другое – то единение студентов, сотрудников, деканов, ректора и винничан, которое не вернуть и не забыть.

Винница. «Любить - так любить!»

На что мы надеялись? Воздух мирной Украины кружил голову, вера в университет давала силы, способность даже из Винницы продолжать вытаскивать из плена людей и вывозить на мирную территорию формировали обманчивое чувство нужности. Прошло немного времени и пришло осознание, что «спасение утопающих – дело рук самих утопающих». Люди часто предполагают, что полюбить – значит обязательно быть счастливым, забывая, что любовь – это работа, ежедневная и кропотливая. В каждом из нас живет ребенок, он живет и в университете, его нужно любить и беречь. И тогда он вырастет в целостную и перспективную личность. Каждое неаккуратное движение в хрупком возрасте или в критический период жизни может быть смертельным. Любовь, интеллект, талант, порядочность вне возраста, пола, национальности и территориальной привязки. Любить – это желание и умение отдавать, дарить безвозмездно, без оплаты и условностей. В случае с университетом – не исключение. Или ты работаешь, как живешь и любишь его по-взрослому, без идеализации и страсти, просто бережешь и укрываешь перед сном. Или не мешаешь любить другим.

Категорично? Не время полутонув. Мы уже видели, к чему привело «мы за мир». А теперь знаем, что любить насильно тоже можно, если громко и напоказ. Только все настоящее в жизни – бумеранг, не бартер. Опыт Винницы научил меня, что, если люди делают что-то против меня, в конечном счете, я становлюсь лучше.

«Будем жить!»

Я уже не загадываю и не планирую, но точно знаю, чего нужно бороться по-настоящему, и как выглядит счастье. Проходит вторая осень в Виннице, и она не последняя тут. Политический проект возвращения, легитимации сепаратистов и вытирания ластиком слова «переселенец» из официального дискурса уже запущены. Только быть Учителем – это не проект, а для того, чтобы остаться собой и быть счастливым этим, нужно мужество... и песня.

Ирина Исаченко

ОКО ТАЙФУНА

Русская весна в Донецке для меня лично началась по календарю – 1 марта. До этого дня все внимание было приковано к событиям в Киеве. А в Донецке – кроме вечерних собраний евромайдановцев под памятником Шевченко – практически ничего экстраординарного не происходило... Осенью и зимой, мы с коллегами морально готовились к наступлению полной информационной блокады, к «режиму», к «закручиванию гаек» и тому, что нам, возможно, придется работать практически из «подполья». Не исключали что пропадет телесигнал и однажды вдруг интернет... Мы обсуждали альтернативные способы связи, договаривались обмениваться видеоматериалами... А потом в Киеве начали убивать – десятки, сотни людей. В феврале на звонки из киевской редакции я отвечала: «У нас подозрительно, ненормально тихо. Не страшно. Но жутко».

Донецк оказался как будто в центре урагана – мертвая зыбь с редкими заказушными митингами бюджетников в поддержку Януковича и Ко. Какие-то бредовые слухи о едущих в Донецк вагонах с бандеровцами и правосеками – которые тиражировали местные чиновники... В трамваях и троллейбусах ездили «подсадные утки». Вот как работала схема: прилично одетая женщина средних лет доставала мобильник и начинала громко на весь салон с кем-то обсуждать, что мол на Мотеле видели несколько автобусов с татуированными бойцами с Майдана... В распространении этих слухов были задействованы и таксисты. И если у кого-то эта информационная накачка не вызывала ничего кроме скепсиса, то неискушенные люди в фейки верили. И в качестве иллюстрации к горячечному бреду – заваренные входы в ОГА. Какие-то казаки с нагайками вокруг админзданий... «Вот оно! Стало быть и впрямь – едут!» – шептались запуганные обыватели. Интуиция подсказывала что-то такое недоброе зреет. Зрело-созрело... И 1 марта - прорвало.

Субботний митинг на площади Ленина для меня стал откровением – как будто распахнулись ворота в следующий круг ада. Мы снимали огромную толпу под триколорами, а я щипала себя за руку, чтобы проснуться. Большинство лиц там были незнакомыми. За почти 2 десятка лет работы и жизни в Донецке я уже успела присмотреться к заведомо массовых акций. А здесь... Это были какие-то странные люди. В массе своей очень бедно одетые. Среди них, в толпе, равномерно были

рассеяны однотипные паренки в черных шапочках «пидарках», трениках и дутых курточках. И что было тоже неожиданно для меня лично – от толпы словно накатывали мощные волны истеричной агрессии. Я привыкла к толерантному общению с любыми слоями, и чаще всего эмоционально, при освещении конфликтов и акций протеста становилась на сторону оскорбленных, требующий что-то от власти людей. Для них журналисты – особенно журналисты национальных каналов – были проводниками мнений, их обид и требований туда, наверх, в теплые чиновничьи кабинеты. Мы пытались им помогать, ведь это был и наш Донбасс... И когда что-то получалось – была общая радость и победа. А здесь, впервые – журналисты вдруг оказались мишенью. Какие-то жуткого вида растрепанные и неопрятные теткли требовали сжечь всех украинских брехунов-нацистов. Это они нас почему-то так называли. С ненавистью рвали из рук микрофон, замахивались, матерились. И флаги – откуда в Донецке взялось такое количество – сотни – российский флагов???... Что-то столь откровенно психопатическое, и реально опасное было во всем этом, что мы очень быстро упаковали камеру и ушли. Когда я позвонила в Киев и сказала шеф-редактору, что журналисты Интера теперь и в Донецке – «враги народа», то мне сначала не поверили. Интер называли «врагами» на Майдане, а у нас... у нас, повторюсь, было – око тайфуна.

Потом было 8 марта и первый штурм толпой ОГА. Мы снимали его с козырька над входом и еле успели уйти через подвал. Я сильно испугалась, потому что понимала – насколько опасна может быть обезумевшая толпа. Потом вдруг объявился некий Губарев, который заплетающимся языком выдвигал плохо сформулированные требования а-ля «земля крестьянам – заводы рабочим». На фоне этого абсурда я бы уже не удивилась и появлению моряков с Авроры... Это у нас пролетарская революция штоле или дурно слепленный спектакль?... WTF?... Мотивы были неясны. Заказчики... тоже. По теории заговоров – автор сценария обычно один. А здесь какое-то коллективное творчество игроков с разнонаправленными интересами. Был некий чел из группы «горловских титушек», который любил покурить и поговорить типа «за жизнь» с журналистами. Он откровенничал: «Не... сегодня штурмовать не будем, не ждите. Сегодня не запланировано»... «Да там такие деньги зашли, вам и не снилось»... «А откуда зашли-то?» – осторожно интересовались мы. «Да оттуда – от дяди Вовы...» – хитро улыбался и махал неопределенно рукой. Временами появлялась надежда, что вот сейчас из-за кулис выйдет главный и скажет всем: «Ша, расходись!».

Они то захватывали ОГА, то уходили. Первыми их жертвами стали разноцветные рыбки. Кто-то, во время очередного штурма, разбил аква-

риум в холле на первом этаже. Потом начали убивать людей на митингах. Появлялись «решалы» – все решить в 2 недели пообещал журналистам, добро улыбаясь, Тарута. Потом приезжал Яценюк и тоже пообещал «все решить». Новый начальник облУВД, новый прокурор, новый глава СБУ... Они говорили – все пучком, все решим вот-вот. Только с каждым днем становилось все хуже и хуже.

Журналисты возмущались и говорили, что стало совсем невозможно работать! На нас целенаправленно охотились. На митингах толпу прочесывали крепкие пареньки – искали «украинских журиков». Это была хорошо отработанная тактика. Как только находили – нас брали в кольцо, постепенно его сжимая. На первый план опять выдвигали беснующихся фурий. Конструктивного разговора с ними априори не получалось. А если журналист проявлял настойчивость и не сбегал быстро – доходило до рукоприкладства. Парни были неместные, в лицо никого из нас не знали, поэтому какое-то время удавалось еще снимать, заменив брендованную ветрозащиту на черный анонимный набалдашник. Но хитрость не прошла. Выкристализовалась идея-фикс «Донбасс – это Россия!» и неожиданно быстро стала популярной. При упоминании «российских пенсий, российских зарплат» глаза говорящих словно перекрывало мутной пленкой... С этим выпавшим третьим веком все они были на одно лицо: и женщины с золотыми зубами, и соседи, и вчерашние друзья, и парни в милицейской форме, которые только делали вид, что они здесь для того, чтобы обеспечить порядок. Так что, родные еще вчера дончане, с которыми мы вместе многие годы пытались отстаивать закрывающиеся школы, больницы, шахты, заводы; дончане, знающие журналистов и по именам, и в лицо, – теперь с энтузиазмом сдавали нас «понаехавшим». Звонки с угрозами, и обещаниями прийти, поймать, избить стали обыденностью. Нас выдавливали, потому что через несколько недель на улицах должны были появиться российская техника и «командировочные», а свидетели – со средствами фиксации и возможностью транслировать эту картинку в эфир – были не нужны. В принципе так же «отрабатывали» украинских журналистов в Крыму.

А те, что обещали «вот-вот все решить» уже в открытую говорили журналистам: «Мы вас защитить не сможем, так что – не провоцируйте!»... Не провоцировать – означало не выходить на улицу, не снимать, не задавать вопросов, избегать визуального контакта – вообще, забиться под плинтус и не дышать!...

Все три месяца весны 2014 слились в один липкий ком страха и неизвестности. О захвате Славянска я узнала тоже субботним утром во время съемок разгромленной ночью облпрокуратуры. И фокус внима-

ния сместился уже в Славянск, Горловку... Я сказала киевскому начальству – все, в толпу я больше не пойду, снимать невозможно, опасно, я банально – боюсь. Здесь никакой бронезилет не спасет... Тогда нам стали присылать киевских журналистов – в командировку. Мои коллеги, с опытом работы в горячих точках мира, приезжали с мощным зарядом бодрости и намерением «разобраться». Поработав пару дней, и познакомившись с реалиями – прозревали и признавались – такой агрессии в свой адрес до сей поры не испытывали.

Еще в марте я вытащила из кладовки чемодан и побросала туда какие-то вещи. А потом ходила и каждый день спотыкаясь о него, думала – ну это же не всерьез, ну я не могу же бросить свой дом?... С какой стати?... Но выслала дочь вообще из Украины вон – к бабушке. А потом «русская весна» закончилась. И началась война. В июле, когда в Донецк зашла колонна из Славянска, уехала и я.

Говорят – зло бывает красивым и обаятельным. Согласна, бывает. Но в инверсию – в то, что добро может иметь отвратительное лицо спившегося маргинала – не верю. Я не понимаю идеологии «русского мира», хотя если уж говорить о национальности, по крови – русская. Русская из Абхазии. Взрослевшая на русском роке, русской литературе и получившая прививку от насилия во время абхазо-грузинской войны. Я всегда хотела быть как можно дальше от политики. Для меня страшен крах привычного, обжитого мира. И чужда идея этнического превосходства, любой национальной идеи. О какой бы нации речь ни шла – грузинской, абхазской, русской или украинской. Наверное, с точки зрения патриотов Украины я тоже – «слабое звено». Да, я ненавижу «режимы», зажавшихся хозяев жизни, вороватых чиновников, тотальную продажность и коррупцию. И если бы в Донецк и впрямь вдруг приехали радикально настроенные «правосеки» или оголтелые свободовцы со своими нац-идейными приоритетами, то честно скажу – я была бы среди тех, кто им сопротивлялся бы. Но они не приехали. В мирный на тот момент Донецк первыми приехали пацанчики в трениках из ростовской и воронежской глубинки. И полезли срывать украинские флаги. И лишили нас работы и дома.

Иногда думаю – а если бы проект «русская весна» был в красивой обертке? Если бы русскую идею несли в массы представители интеллигенции? Если реализация проекта планировалась на 2016-17, то так и могло быть. Жителям Донецка всучили бы конфету. И получили бы в ответ поддержку как в Крыму, где электорат – созрел. Но вышло вот так – второпях. Небрежно, грубо, грязно и кроваво. А история не терпит сослагательных наклонений.

Костянтин Родигін

СОВА МІНЕРВИ НАД ПОРОХОВИМ ПОГРЕБОМ

(Донецькі спогади)

Згадуючи культурне й інтелектуальне життя міста мільйона тро-
янд останніх передвоєнних років, не можна оминати увагою вихід фі-
лософської збірки «Метафізика Донецька». З-поміж багатьох нарисів
цієї збірки мені найбільше запам'ятався «Есей про трамвай» професора
Ігоря Трохимовича Паська, «патріарха донецької філософії». Я читав із
захватом. На перший погляд твір здавався чимось чудернацьким та екс-
травагантним, проте плин грізної історії згодом показав його справжню
глибину. Філософ вів читача химерним шляхом – через барокові вулич-
ки старої Європи, старовинні узвози золотоговерхого Києва, вечірні вогні
витонченого Петербурга, сувору простоту донецько-макіївської пром-
зони, показуючи трамвай не просто як просто засіб пересування, а як
феномен метафізичний і сутнісно європейський – «плавильний тигель»
громадянського суспільства... Розкрив Ігор Трохимович і власне доне-
цький аспект непростого сприйняття цього феномена, – і зрештою вивів
з нього тривожне пророцтво про можливий колапс і загибель Донбасу.
Це було у теплому, сонячному і ніби благополучному 2012-му, коли До-
нецьк переживав свій «зоряний час», ставши в один ряд із європейськи-
ми столицями, і ніщо, здавалося б, не віщувало катастрофи, яка сталася
якимось двома роками потому.

* * *

Зараз, напевно, перед багатьма постає питання: чому так сталося і
чому сталося саме так? Потрібно осмислити ці болючі питання, погля-
нути на них із певної відстані. Декотрі скажуть, що погляд бічний та
відсторонений нічого не дасть, бо досягнути суть процесів, що відбува-
ються в Зоні (колишній промзоні, нинішній зоні АТО або, можливо, й
зоні відчуження), роздивитися правду в усій її страшній анатомії можна
лише безпосередньо там, де проходили урагани та смерчі «вогню і сір-
ки». Можу на це заперечити: велике бачиться на віддалі, а погляд впри-
тул не виключає «аберацій близькості», до того ж, на жаль, безпосеред-
ньо бачити – ще не означає робити висновки. Мої думки підкріплено
власним досвідом.

Донецьк. Липень, серпень, вересень, жовтень чотирнадцятого.
П'ять кілометрів від легендарного Аеропорту. Напружене рахування се-

кунд скаженого свисту між пострілами та розривами. Вимітання битого скла. Обережне роздивляння воронки на шкільному підвір'ї, форма яких вкупі зі знанням часу польоту снаряда по-зрадницьки виказувала дійсний напрямок і навіть приблизне місце стрільби. Напевне, багато місцевих мешканців встигли побачити ті воронки перш, ніж ті, кому це було потрібно, завбачливо замели сліди. Одначе побачити очевидне, поставити собі питання «Кому це вигідно?» й повірити власним очам, а не фантазмам телевізійної ненависті, – не так просто, як здається.

Тож давайте облишимо емоційний запал і спробуємо з певної віддалі поміркувати над підвалинами донецького буття. Звісно, без претензій на вичерпність: її немає навіть у такій ґрунтовній праці, як згадана «Метафізика Донецька», яку бажано було б прочитати якомога ширшому колу вихідців зі Сходу і не лише ... І нехай сова Мінерви вилітає опівночі (дідусь Гегель, на жаль, знову мав рацію), проте краще пізно, ніж ніколи.

Поза сумнівами, те, що сталося з Донбасом, сталося не випадково, і, мабуть, наша спільна вина в тому, що ми не помічали (або не хотіли помічати, або бачили та не могли нічого вдіяти) тривалого й планомірного перетворення краю на пороховий погріб. Зокрема, міни сповільненої дії було закладено у найглибші підвалини буття – ментальні. Небезпечні релікти тоталітарного мислення ретельно консервувалися і чекали свого часу, і ніхто так і не спромігся вчасно і грамотно знешкодити їх. Про це й буде моя історія.

* * *

Якось давно шляхи студента-практиканта привели мене до однієї донецької загальноосвітньої школи (за іронією долі, саме на її підвір'ї багато років потому я вдивлявся у воронки від мін). У просторому холі першого поверху я побачив дивне панно, виконане у стилі вітражу, – перлину радянського образотворчого мистецтва. На першій частині композиції було зображено двох могутніх чоловіків у гостроверхих будьонівських шоломах, із трьохлінійкою та червоним прапором. Постаті червоноармійців виглядали фантастичними, складеними з гострих кутів та геометричних фігур. Праворуч від них гордо стояв боець у касці та плащ-накидці, з пістолет-кулеметом Шпагіна у руці. Над ним кружляв білий птах, під ногами лежала свастика, за спиною бігли інші бійці та височів знов-таки червоний прапор на куполі Рейхстагу. На наступній частині вітражу я не побачив людей. Стояв лише якийсь завод, по-під ним грізно їхали танки, чомусь червоного кольору. Над ними в небі летів червоний літак із величезними крилами і силуетом стратегічного бомбардувальника. Після цієї картини постала інша – солдат у шинелі, з

легендарним автоматом Калашникова, стоїть на варті, а за спиною його височіють арсенали ядерних ракет. І, нарешті, те, що мене збентежило, – ліворуч та праворуч від композиції на вогняному, брунатному і жовто-гарячому тлі великими червоними літерами – слово «МИР»...

Тоді мої враження були такими сильними, що я не втримався від того, щоб записати їх у свій студентський нотатник негайно. Раптово прийшло усвідомлення, що художник, змальовуючи одне, мимоволі показав дещо інше. Я побачив тут підсвідомо зашифроване гасло: «Війна – це мир». Саме цей девіз, на перший погляд абсурдний, зустрічаємо в геніальному романі Джорджа Орвелла «1984» поряд із іншими: «Свобода – це рабство», «Незнання – сила». В їх основі – принцип «doublethink», здатність людини дотримуватися двох протилежних думок водночас. Здавалося б, таке є можливим лише в похмурій антиутопічній фантастиці або в параноїдальній атмосфері сталінсько-гітлерівської епохи. Аж ні. Історія довела, що люди не змінилися, і наші сучасники й земляки, вірячи в порослі мохом міфологеми першої половини ХХ ст., стали чинити страшне і займатися самознищенням, так і не зрозумівши, хто їх справжній ворог.

Дивлячись на вітраж, я подумав, що ніколи не було більших миротворців, ніж більшовицькі революційні воїни, які мріяли кинути світ у пожежу всесвітньої революції: «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем» (О. Блок), залізом і кров'ю насаджували всезагальне щастя і знищили клятих буржуазних націоналістів – Українську Народну Республіку. У 1940-х же держава Рад, ціною мільйонних втрат і жертв подолавши нацистського монстра (не прийнято згадувати, що спочатку вона допомагала йому, схоже, сподіваючись за його допомоги підірвати Старий Світ зсередини), при цьому прокотилася половиною Європи, відрізавши її від світу «Залізною завісою». Зразкова миротворча акція. Подальші картини репрезентують часи «Холодної війни», коли грізні червоні танки їдуть творити мир в Угорщині 1956 р., Чехословаччині 1968 р., Афганістані 1979-1989 рр. тощо, могутній стратегічний літак приховує в своєму череві атомну бомбу, а ракети за спиною вартового з «Калашниковим» націлені на весь «вільний світ».

Тоді, коли я вперше побачив цю композицію, мені спав на думку пропагандистський вираз «примус до миру», вжитий стосовно російсько-грузинської війни «08-08-08». Саме так, думав я, все вірно, тому що для тоталітарної держави мир – це війна. Водночас прослизнула й інша тривожна думка: ми можемо бути наступними. Зрештою так і сталося, і тепер на теренах історичного Дикого Поля, ніби чотириста років тому, знову точиться війна (попри голоси з обох боків, що нібито війну

завершено, до справжнього миру ще дуже далеко, та й «справжній» мир може, на жаль, виявитися крихким та вибухонебезпечним, з великим ризиком рецидиву). Чи то війна, чи то, як у старому сумному анекдоті, така боротьба за мир, після якої не лишається каменя на камені. Якщо поринути з головою у doublethink-дискурс «мирних ополченців», пересташ звітувати собі, що коли твій нібито захисник воліє ховатися за твоєю спиною, з цим захисником щось не так.

* * *

Бажання певної частини донбасівців повернутися до радянських часів нарешті реалізувалося, проте не так, як їм хотілося б: повернення відбулося не в «стабільність» 1970-х років, а в криваву м'ясорубку 1920-40-х. Розруха, злидні, репресії, розстрільні льохи, безвихідь, ненависть і страх. В цьому, на жаль, теж немає нічого дивного: тому, хто ступив на шлях відтворення радянського тоталітарного архетипу, доводиться заново проходити його генезу від самого початку: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем...». Однак історія показує, що зруйнувати весь свій світ навколо не так вже й складно, а ось сакраментальне «а затем...» може й не статися ніколи. Проте, як казав хтось із класиків, історія змушена повторюватися, оскільки її ніхто не слухає.

«Кто был никем, тот станет всем». Ці рядки пролетарського гімну завжди здавались мені чи не найстрашнішими, і тепер бачимо їх унаочнення. Традиційний патерналізм і гіпертрофована опозиція «свій-чужий» зіграли з донеччанами злий жарт. Образно кажучи, сакралізація фігури Вождя через його належність до «своїх» перетворила його на непогрішимого і незамінного Бога-Імператора, а коли одного разу кумир упав, а королівська рать похитнулася й побігла, їм не знайшлося тут адекватної заміни: аж надто ретельно й наполегливо вони зачистили паростки громадянського суспільства. Відтак у 2014 р. утворений вакуум влади зі свистом і жадібним булькотінням втягнув у себе вчорашніх маргіналів, які й стали новими господарями життя, для яких автомат Калашникова є вищою формою легітимності. Виступи небайдужих донеччан – супротивників війни та прихильників вільної України – були криваво придушені. «Кто был никем, тот станет всем». Або ж інакше, практично за Стругацькими: там, де торжествує сірість, до влади приходять чорні. Однак про це і так уже багато написано.

До речі, дуже шкода, що нині на трибунах суспільної думки якось «не модно» згадувати мирний проукраїнський рух Сходу, який прогнозовано захлинувся, практично не знайшовши дієвої підтримки решти України (інформаційна блокада? пережитки «столицентризму»? байдужість?

посттравматичний шок?). Тепер, звісно, простіше і приємніше огульно винувати в сепаратизмі всіх «донецьких» без розбору (переселенців, «залишенців», «поверненців»...), щоб позбутися можливих докорів сумління. А, між іншим, це наша спільна біда. На жаль, з обох боків зараз повно людей, що перебувають у полоні чорно-білих схем, ненависницьких міфів, популістських гасел; жадають простих рецептів на всі випадки життя й не бажають брати на себе жодної відповідальності.

* * *

Наостанок доречним буде згадати думку професора Олени Стяжкіної (вперше я прочитав її ще влітку чотирнадцятого, у перервах між обстрілами, коли з'являвся Інтернет): Донбас не повернеться в Україну, оскільки Донбасу більше не існує. Думка ця виглядає провокативною лише на перший погляд. Міфологема «Донбасу» – це перш за все продукт жорстокої сталінської індустріалізації, складений майже виключно з вугілля і сталі. Місце зі стертою історією, зона штучного культурного відчуження, полігон соціальних експериментів. Зрештою, – дегуманізований, інфернальний топос, «де люди під землею живуть» (за словами одного з героїв соцреалістичної п'єси Олександра Корнійчука «В степах України»). Грамотний демонтаж цієї міфологеми, віднайдення автентичної, живої, «людської» ідентичності донецьких земель є нагальною потребою нашого суспільства. Без цього ми не зможемо реінтегрувати й розбудовувати український Схід (останній фронтір Європи, як каже професор Хіроакі Куромія). Нехай знання донецької метафізики допоможуть нам у цьому.

Тарас Москалюк

РЕВОЛЮЦИЯ ЛИЧНЫХ ОБИД

Уже почти два года я живу в состоянии постоянного стресса. Два года я не могу собраться с мыслями, чтобы понять, что же произошло. Со мной, с моим родным городом (24 года жизни...разве не родной?), с моей страной, людьми. Людьми, которые были рядом и казались знакомыми и понятными.

Начнем по порядку. То есть – с себя. Примерно с декабря 2013 года, когда началась «заруба» на Майдане в Киеве, жизнь моя перестала казаться размеренной и предсказуемой. Телевизионная картинка из Киева и

интернет-заголовки настораживали, беспокоили и, не знаю, как других земляков, но меня пугали. Я казался себе обычным человеком, для которого стабильность существования была основой. Что такое моя стабильность? Здоровая мама и все члены моей семьи, собственное здоровье (а оно к 40 годам уже иногда тревожило), спокойная и здоровая жизнь моих друзей, без которых уже невозможно было бы дальше жить, наши маленькие, но незыблемые дружески-семейные традиции. В последний день 2013 года я переехал в новую квартиру, такую, о которой давно мечтал.

И, конечно, работа. На тот момент у меня их было даже две. Я передавал материалы из Донецка на УТ-1, они практически ничем не отличались от того, что передавали на Киев мои коллеги с СТБ, Интера или 5 канала. Были сюжеты и с донецкого, крайне малочисленного, но активного евромайдана, и с митингов, организованных обладминистрацией, и о заваренных наглухо коридорах админзданий на случай прихода грозных правосеков. Так что, обвинить меня в работе на «злочинну владу» вряд ли у кого-то получится. С другой работой, конечно, было сложнее. Коммунальная телекомпания облсовета, маленький продакшн, которым я руководил, как ни крути, а был рупором власти. Убогеньким, слабеньким, тщедушным, но рупором. В уставе ТРК «Регион-Донбасс» было четко записано – «освещать деятельность органов местной власти и местного самоуправления». Однако, сейчас, вспоминая те программы, вижу, что никому мои ребята ничего не лизали, и места в 20-минутной передаче хватало и для освещения работы губернаторов (сначала Близнюка, потом Шишацкого), и для сюжетов на кричащие и больные темы: старики, инвалиды, дети-сироты, ЖКХ... «Барометр журналистской честности» Леша Мацука расслабляться не позволял, поэтому (да и не только поэтому) работать надо было прозрачно сбалансированно. Одна программа до сих пор не дает мне покоя, о сланцевом газе... Она, действительно была похожа на агитку (чем, по сути, и была), но даже в ней мы постарались соблюсти баланс мнений как сторонников добычи сланцевого газа, так и противников. «К чему он все это? Оправдывается?» – скажет кто-то. Возможно, да, оправдываюсь, потому что не снимаю с себя вины в том, что произошло в Донбассе.

Я виноват. Настолько, насколько виноват каждый журналист Украины. Хоть с УТ-1, хоть с 5 канала, хоть с «Новостей Донбасса». (Черт возьми, как все сумбурно и нелогично получается. Какой бардак у меня в голове). Зимой 2014 года противодействие майдану (организованное противодействие) начало набирать обороты. Бейсбольные биты, угрозы, избиения, разлитая зеленка, толпы титушек. Я откровенно не

понимал – если у памятника Шевченко собирается так мало людей, то чем они могут быть опасны? Зачем эти толпы гопоты против полутора десятков студентов? Но, признаться, устремлений сторонников майдана я не разделял. Потому что всегда был против любых революций и ее последствий. Потому что к 40 годам помнил и путч, и 91-й, и 2004-й... Спорил в Фейсбуке с друзьями (с некоторыми «расспорился» навсегда) о том, что бить женщин плохо (это история с Черновол), еще хуже использовать это в достижении цели любой ценой. Спорил, что одержимость, «упоротость», если хотите, не приведет к взаимопониманию. Спорил, что Украине не нужны ни Таможенный Союз, ни Договор об Ассоциации с ЕС, а нужен свой путь развития. Путь, который дает Украине ее удобное «транзитное» географическое положение. Но...не об этом речь. Ведь я хотел написать о том, когда началась «моя война».

Из «зоны собственной нестабильности» я вышел, как я уже сказал, в декабре 13-го. Но, честно говоря, не предполагал, что всё только начинается. Я бы мог описать, что я чувствовал и что думал в то время, когда бушевал Майдан в Киеве. Мысли мои путались. Я – репортер. Я 20 лет рассказываю в телевизоре только то, что я видел своими глазами и что снял мой оператор.

1 марта 2014. Субботнее утро. В Киеве уже всё произошло. Януковича уже нет. Донецк дает ответку. Тут, конечно, Донецк надо было бы взять в кавычки. В то утро на сцене под памятником Ленину было много представителей местной власти. А секретарь Донецкого горсовета С.В.Богачев обращался к толпе со словами «вы поддерживаете ВАШУ власть?», но я не знаю (а может быть, и знаю), понимал ли он, к кому обращается. Перед началом того митинга я обошел с микрофоном почти всю площадь. Люди разделились на несколько категорий. Первая, явно местная категория сразу посылала подальше брехливых украинских журналистов. Приходилось утереться и идти дальше. Вторая категория, довольно малочисленная, спокойно и рассудительно отвечала, почему она против майдана и новой власти, которая, как они говорили, незаконно залезла на престол и выгнала легитимного президента Януковича. Ну, и третья категория, она была самой многочисленной. Это люди, которые держали в руках российские флаги и заранее подготовленные плакаты с трехцветной символикой. «А шо за канал такой? Перший? (не пэрший, как в украинской транскрипции, а именно пЕрший, с протяжным русским Е). В свое время мне часто довелось бывать в Ростовской области. Там и сейчас живут мои друзья. Как говорят в Ростовской области, я прекрасно знаю. Эта речь очень похожа на нашу, донецкую. Разница только одна – там совсем не понимают украинского языка. Поэтому, мне было

абсолютно ясно, откуда привезли этих людей. Не было только понятно – что они здесь делают. Но потом что-то пошло не так, а возможно именно так, как и планировалось. На сцене появился Паша Губарев...

Дальше помнят все. Потом были захваты облсовета. Торжественное «восшествие» на сессию под руку с начальником милиции «народного губернатора». Палаточные городки и баррикады под ОГА. И я снова вспоминаю гостей из соседнего государства... Утро под обладминистрацией. Полевые кухни, палатки, забитые провизией...

– А что у вас тут? Чем кормить будете?

– Ну, шо люди принесли, тем и накормим. Отут колбаска. А отут купорка.

Я сразу вспомнил, откуда я знаю это слово – купорка. Так говорят все мои ростовские друзья. И молодые и пожилые. Но моя мама, всю жизнь прожившая в Дружковке, купорку называет консервацией. Так же, как все мои донецкие знакомые. Возможно, я привел не самый веский аргумент. Но для меня он показателен. А потом удалось и паспорта «гостей» подсмотреть (но это уже без микрофона и камеры) – Ростовская область (она, родимая, я ее сразу «опознал»), Ставропольский край и Краснодарский. Так в Донецк пришел русский мир.

Сначала страшно не было. Мало ли мы бывали на митингах? Пусть даже самых «жестких». Я работал на 5 канале в Донецке в 2005 году. Мне ли толпы бояться? Страшно не было даже тогда, когда толпа крушила решетки на окнах обладминистрации, а журналисты продолжали снимать эту вакханалию с верхних заблокированных этажей. Страшно стало, когда мы с коллегами увидели «В контакте» сообщение с просьбой за любые деньги предоставить телефон и адрес нашей коллеги с одного из каналов. Для расправы. Сепаратистские группы в соцсетях мы мониторили постоянно. И поняли – работать нам уже не дадут. Идти в толпу с микрофоном, чтобы записать ее мнение (чертов баланс, будь он неладен) становится опасно. Не просто опасно. Смертельно опасно. (Об этом же пишет Ира Исаченко).

На тот момент лидером выглядел только Губарев. А после одной знаменитой сессии горсовета нам показалось, что у этого «невменяшки» есть хозяин, который собственно и вкладывает в его уста эти бредовые мысли, идеи и слова. И мы с коллегами, посоветовавшись в одном тихом месте, решили – не сходить ли нам к этому товарищу и не заручиться ли гарантиями безопасности? Молодой и респектабельный «хозяин» заверял, что к «движухе» не имеет никакого отношения, но безопасность пообещал. Как и еще один, который в то время показался самым вменяемым и даже где-то интеллигентным. Мы же не знали и предположить

не могли, что уже совсем скоро он возглавит батальон отморозков под названием «Восток». А нам в то время, той беспокойной весной хотелось просто одного – возможности безопасно работать и передавать информацию в редакцию. Но мы уже стали для них врагами, потому что сразу назвали их сепаратистами.

А теперь – о людях. Близких и не очень. В тот день, когда «народный губернатор» «триумфально» (как много кавычек) вошел в зал облсовета, начав фактически его штурм, большая группа журналистов оказалась заблокированной на одном из верхних этажей. Мы разыскали телефон Губарева, и одна наша коллега (девушка, надо сказать, очень мягкая и воспитанная) с металлом в голосе потребовала у него немедленно начать эвакуацию журналистов. Как ни странно, но нас начали потихоньку выпускать, а тех, кто был с камерами «вежливо» приглашать вернуться в сессионный зал, чтобы снять исторические кадры. Всего через полчаса после завершения официальной сессии, зал был заполнен ... Ну, как бы так сказать, чтобы никого не обидеть? Подобное я видел только в детстве в фильмах о революции 17 года. Тут тебе и морячки, и небритые дядьки, и беззубые тетki. Все, как положено. Не то, чтобы я отказываю всем этим людям в возможности подниматься по социальной лестнице. Ни в коем случае. Пусть растут и развиваются. Но в глазах у всех была немыслимая злость. Даже ненависть. Животная такая, от которой холодок по коже.

– Ты, Тарас, смотри, всю правду говори, – обратилось ко мне нечто с гнусным перегаром. – Ты ж наш, донецкий. Брехать не будешь.

– Не буду, конечно, – ответил я незнакомому существу. – Так и скажу, «облсовет захватила толпа пьяных мужиков».

– Слушай сюда, урод, – гегемон приблизился так близко, что я почти понял, какой колбасой он сегодня закусывал. – Дობоговались вы, мудаки. Теперь мы пожить хотим. А вас тварей на х...й первешаем.

– С кого начнете, революционеры?

– С тебя, га...на бандеровского и начнем. Роман Николаич, может не пускать этого?

Революционер обратился к тогдашнему начальнику милиции Роману Романову, который оказался рядом с нами. Главмент на секунду остановился, я воспользовался паузой и пошел в сессионный зал вытаскивать своего оператора. За спиной услышал слова Романова: «Стои там, где тебе старший приказал». Как я понял, они были обращены к моему собеседнику-революционеру.

Потом мы с трудом вырвались из захваченной ОГА, выпрыгивая через разбитые стекла первого этажа и пролетая сквозь толпу, оцепившую

здание. Обычно их называют деклассированным элементом, люмпенами, босотой, гопниками и т.д. Я бы не стал употреблять все эти определения. Я понял, как мне кажется, главное — они обижены. Они обижены на всех: на власть, которая их всю жизнь обкрадывала, на соседа, у которого дом и машина, на жену, которая только зарплату требует и пилит постоянно за нищету и пьянство, в конце концов — на себя. А на себя, потому что власть обкрадывает, у соседа машина, а жена пилит. Черт возьми, не вина их, а беда, что родившись в Торезе или Докучаевске, не каждый может чего-то достичь. И вот подвернулся случай и возможность доказать, что он что-то решает, от него что-то зависит. И он гордо рвется в бой, сгоняя с кресел уважаемых депутатов или гадя на ковер в кабинете чиновника. Он, конечно, не понимает, что его используют, как изделие номер один. Он обижен и идет мстить обидчику. Революция личных обид.

Обидевшихся я встречал и среди тех, кого можно было считать людьми состоявшимися и успешными. Кто-то поверил русскому телевизору, кто-то банально не хотел отдавать кредит. И «богатых», и «бедных» я потом встретил на площади Ленина, где «триумфально» высадили чеченский десант. С криками о величии Алла, выстрелами, салютами... А бабушки со слезами на глазах крестили «своих мальчиков», не подозревая, какое оскорбление наносят приезжим мусульманам.

Но до этого момента Донецк еще пытался сопротивляться. Не весь Донецк, конечно. А тот, кто понимал. Понимал, что людей используют, защищая свои деньги, власть и влияние организаторы этого антиукраинского сопротивления, которые, как мне кажется, в какой-то момент просто упустили ситуацию.

Хронология событий известна всем. Мне же интересны детали.

Я ждал, когда толпу возле ОГА начнут разгонять, а пушилиных, хряковых и прочих идиотов в конце концов арестуют. Я рассуждал, как обычный гражданин, который платит налоги с двух зарплат. Налоги идут на содержание спецслужб и армии. Так где же эти спецслужбы и армия? Почему они не защищают меня от обезумевших сограждан, пришлых бородаев и чеченских «братьев»? Когда над донецким аэропортом, уже захваченным, загудели украинские самолеты, я даже немного успокоился. Думал — работают. Но в людях уже вскипела злость, искусственно взращенная и подогретая. Я еще пытался стараться вести обычную жизнь. Когда после нервного рабочего дня мы с другом решили присесть в «Крузо» на бульваре Пушкина, нам казалось, что — весна, тепло, спокойно. И вот на летнюю площадку входит нечто в камуфляже. А по периметру становятся автоматчики. Нечто заказывает себе...мохито! Я никогда

не ел и не пил под дулом автомата. Громко попросив расчет, мы немедленно вышли. А когда опускались по Гурова к Набережной, я кому-то по телефону, громко возмущаясь, рассказывал о том, что я видел пять минут назад. Нас обгоняла женщина лет 60-ти. Услышав мои речи, резко повернулась и ...зашипела проклятьями. «Тварь, ах ты ж тварь!!! Ты на кого, сука, рот открываешь? Расстрелять тебя, повесить на площади! Шоб ты сдох!» И вот тогда стало страшно по-настоящему, до холодка в животе. Пулю можно не бояться. А вот людей... Тех, которые еще вчера улыбались и мило здоровались.

Город. Город медленно превращался в неуютное место. Нет, цветочки, деревья, чистые улицы и фонтаны, все это было на месте. Но было неуютно. Работать я уже не мог. Лукьянченко еще пытался быть мэром. Когда входили к нему как-то на пресс-конференцию, вход прегради малолетка в камуфляже с нашивкой «Оплот». «Кто? Куда? Зачем? Сейчас старший решит – пускать вас или нет!» Черт возьми, я хожу на пресс-конференцию к мэрам Донецка 20 лет. Почему кто-то с нашивкой «Оплот» теперь решает – можно мне здесь быть или нет. А на посту сидят два мента. «Ребята, а вам не стыдно?» – спрашиваю у них. Молчат. Глаза опускают. Возможно, до сих пор там сидят...

Но однажды меня все же повеселили две донецкие старушки. В начале июля, когда в город вошел «безумный реконструктор» Гиркин со своей кодлой, в донецких магазинах появилось много разновозрастных групп мужчин. Я встречал их в «Бруснице», «Амсторе», АТБ... Парни даже не знали, как надо вести себя в супермаркетах. Один, такой бравый, но слегка растерянный, что-то покупал себе в АТБ на Набережной возле моего дома. И болтался он по магазину с автоматом на плече. У кассы он стоял один. Люди не решались занять очередь рядом с пришлым воякой. Уже на крыльце магазина он направился к банкомату, а следом выходили две старушки. Милые такие, в шляпках. Постоянно перешептывались. Следом за ними выходил и я. Боец сосредоточенно «общался» с банкоматом, карточка уже была внутри. «Что, сынок, гробовые снимаешь?» Я похолодел и почти отпрыгнул под крону невысоких, но пушистых деревьев. И, притаившись, решил досмотреть. Я был почти уверен – будет нечто страшное. «Воин» повернулся к старушкам и принялся объяснять, что он пришел защитить их от Правого сектора, бандеровцев, фашистов и т.д. «Ехал бы ты домой, сынок. Мы уж тут сами как-нибудь разберемся». Беседа продолжалась. Каждый находил свои аргументы. И в этот момент деньги, которые уже появились в отверстии банкомата, медленно вернулись обратно. «Суки, старые твари, что мне делать теперь, постреляю щас на хрен...уууу, сукииии!!!» Женщины рванули от магазина, как

юные нимфетки. Со смехом. Боец замахнувся автоматом на банкомат, но разбивать его не стал.

Даты уже перепутались. Подробности стираються. Забываються лица бывших коллег и бывших знакомых. Друзья, слава Богу, со мной, кто-то далеко, но со мной. И семья со мной. Моя старенькая, но «боевая» мама ТАК высказала своє отношение к «референдуму» 11 мая, что соседи боялись к ее квартирі в Дружковке підходити. Могла і костьюлем запустити.

13 юлія 2014 года я сел в поезд, который тогда еще ходил по маршруту Донецк-Киев, и уехал из любимого города навсегда.

Я постоянно следиł за тем, что происходит в Донецке. Как содрогается город от обстрелов, как стонет от абсурда, в который он погрузился. Я начал другую жизнь. Жизнь без тебя, Донецк. Но 31 декабря 2014 года я был в Песках и смотрел на твои окраины и руины аэропорта. Я плакал, потому что не могу быть сейчас в своей квартире на Набережной вместе с моими близкими друзьями за новогодним столом. Но в тот день я плакал в последний раз. Надеюсь, в последний раз. Раз уж ты обиделся, то позволю себе обидеться и я. Получается, что я тоже – участник этой революции личных обид. Буду стараться забыть тебя. Хотя, вряд ли смогу забыть, как обезумевшая толпа убивала на площади Ленина моих земляков, как твои новые хозяева бросали в подвал и приставляли автоматы к вискам моих друзей. И я, конечно, буду помнить, как твои «ополченцы» стреляли по мне из миномета под Дебальцево. Прощай, любимый город. Твой бывший житель Тарас Москалюк.

Ніна Урсані

СПОВІДЦЮ ПРО ГОЛОВНЕ

Із того часу, як відбатоїв холодний осінній вітер донецької осені, пройшов уже рік. Не пам'ятаю, скільки часу збирала валізи, але плакала постійно. Сталося саме жакливе: я покидала дім і йшла у невідомість. Можливо, за інших обставин нікуди б і не пішла, але відповідальність за двох малих синів мене зобов'язувала.

До того часу вже було багато пережито. Це літо надії. Із весни не покидала віра, що всі після виборчі перипетії швидко завершаться і життя буде далі плинути у звичайному руслі. Моєму меншому сино-

ві якраз виповнився другий рік, а тому дорога з роботи додому, безліч буденних проблем переобтяжували мене навіть більше, ніж соціальна складова. Але із зростаючою напругою мій погляд все більше прикипав до екрану телевізора, а у душі зростав неспокій за день завтрашній. По проїжджій частині з'явилися блок-пости. Люди чергували в холод, сніг і дощ. Ставало моторошно від автоматів. Так підходила до нас війна, в яку ще ніхто не вірив.

Під кінець навчального року до школи, де навчався старший син, навідалися люди в камуфляжній формі, всі озброєні, наказали учителям вивести дітей на вулицю. Школярі довго ще згадували про пережите... А потім пролунав останній дзвінок без будь-яких гімнів і прапорів із піснями про мир, який так і не наступив.

Я уявляла, що закриюся від війни зачиненими на замок дверима, заштореними вікнами, що зможу пережити її звуки, але переоцінила свої сили. Коли почала працювати артилерія в Красногорівці, у нас тремтіла підлога і стіни, я почала задихатися від страху. Душу раптом охопив такий відчай, а все життя втратило сенс. Тоді ми поїхали на море до родичів, як і більшість з Донецька, з надією, що до вересня все завершиться. По дорозі стояли поля зі стиглою пшеницею, соняшником, а над ними височіло чисте блакитне небо. Мріялося про те, що ми в безпеці, що скоро прийде мир на нашу землю. Майже два місяці жили у двоюрідної сестри у флігелі. Зранку завжди нас будив півень, кури, качки і кози. Сестра везла на продаж рибу. До Маріуполя автобусом вирушали іноді й ми, аби відпочити від лона природи у шумному місті. Думалося, що тут повна безпека. Але родичі розповідали, що перед нашим приїздом прикордонники одної ночі вирили біля моря окопи, лежали в засаді, а потім поїхали. Такі події дуже налякали місцевих селян, які з того часу вороже стали ставитися до військових як до джерела небезпеки. Хата родичів знаходиться саме над дорогою, по якій курсують автобуси, а іноді військові машини. Пригадую, що усі з острахом сприймали появу військових на трасі: чому вони тут, що їм потрібно?

А тітка Марія, царство їй небесне, пригощала нас пишками, жареною рибою і все повторяла, що Бог послав на нас страшне випробовування довгою війною, радила терпіти й молитися. Іноді приходив в гості старий дід, підопічний сестри Світлани, адже вона працювала у реабілітаційному центрі, що надавав допомогу старим самотнім людям. Після того, як попав під машину під час звільнення Маріуполя, старий вижив і повернувся до Самсонового. Його там лагідно кличуть «Жора», він посміхається, а коли лише заграє українська музика, дід Жора танцює. Як правило, увечері тіло жеруть ненаситні комарі, а душу невтішні новини.

Я часто телефонувала мамі в Донецьк. У нас було все тихо, але ходили чутики, що вже скоро все розпочнеться. Люди облаштовували підвали, готувалися пересидіти військовій дії.

Десь із 10-го серпня наше мирне життя завершилося. Залпи із важкого озброєння було чути із боку Новоазовська, селяни перешіптувалися, що це б'ють по українській таможні з Таганрогу. Люди збирали пожитки, щоб врятуватися від війни, Багато хто вже думали від'їздити до Росії. Звуки війни чулися і вдень, і вночі. Ми боялися, що опинимося між двома фронтами, тому думали, як би повернутися додому в Донецьк. Тітчин кволій погріб не надійний, але вже були й митті, коли приходилося там ховатися від страшних звуків війни.

Скоро на трасі з'явилися українські «погранці» у подертих гумових шльопанцях, голодні, просили у людей води, їжі. Молоді хлопці були дуже налякані. Люди жаліли молодих хлопчаків, яким ще й двадцяти немає. Хлопці втікали до Маріуполя, але потім виявилось, що їх, мабуть, українське командування повернуло назад. Усі вони так і загинули під Безіменним. Це вже потім, після нашого від'їзду сталося.

У Маріуполі автобуси переповненні. Бажаючих повернутися із моря додому сила силенна. Наступає пора жнив для таксистів. Здається, що в рідних стінах буде легше все пережити, я навіть вірила, що можу бути сильною. Нас радісно зустріли мама та сусіди. Усі наперебій розповідали про одну страшну ніч, коли дуже стріляли.

Бог нам подарував у Донецьку лише один тихий день і спокійну ніч. А потім ми поринули у страхітливі будні. У цей час я згадала усі молитви, які знала і вивчила нові. У мить, коли тремтять вікна, дрижить підлога, серце зжимається від болю, виявляється, що із Богом можна говорити напрому. Напевне, тоді я і заробила найбільший гріх у своєму житті, бо просила Його, щоб ми або вижили всі, а, якщо це неможливо, то, щоб мої діти померли зі мною.

Ми вижили!..

Розбитий дитячий садок, музикальна школа і магазин на кінцевій зупинці лякали усіх. Хотілося заснути, щоб проснутися під мирним небом, проснутися в минулому, але це було неможливо. Я відчувала себе живим трупом, ноги ватні, шум в голові, жах в душі. А дні ставали холоднішими і напруженішими. Старший син не пішов до школи. Всі чекали, що навчальний рік розпочнеться із жовтня. Все частіше діти збиралися і грали у підвалі. Часто син попереджував: «Я в бомбосховище гратися». А з меншим не виходило навіть погуляти на вулиці. Тільки одягнемось і вийдемо – гучні розкати із важкого озброєння. Здається, що все розривається в повітрі над головою. Я не могла себе контролю-

вати, плакала. Одного теплого дня до шахтного містечка наїхало багато військових на великих машинах, поселилися у місцевому клубі. Усі місцеві одразу почали цікавитися, чи надовго. Військові заспокоїли: «Переночуємо, поїдемо!». Але вони залишилися надовго.

Я дивувалася, як люди могли сміятися, радіти життю. У мене ж нічого не виходило. Меншого сина не залучала від груді, боялася голодного дня чи ночі, коли не зможу приготувати їсти. І він настав. Стріляли довго і сильно. У бомбосховищі всі старші діти сиділи тихо, а мій менший плакав, просив їсти.

Наступив той день, коли мене викликали на роботу. Зранку сильно стріляли. Люди в автобусі напружено мовчали... Вже з корпусу намагалася додзвонитися додому, але чоловік не відповідав. На Університетській тремтіли стіни від тяжких пострілів. Колезі із кафедри, що мешкає зі мною в одному мікрорайоні Донецька, зателефонувала мама, щоб розказати, що влучило в їхній дім. А мене охопив жах. Я їхала додому, молилася Богу, щоб мої рідні вціліли... Ніколи так не була ще щаслива, як побачила дітей, чоловіка і маму. Із того часу я більше не їздила на роботу, хотілося розділити кожну мить життя із рідними.

Напевно з того часу я заробила ще один непростенний гріх, бо проклинала до сьомого коліна усіх, хто затіяли цю війну... Якщо людину заганяють в капкан, то душа її наповнюється такою ж люттяю і силою, як і в звіра. А так хочеться звільнися від почуттів, що спопеляють тебе. Коли градом розбило квартиру в сусідньому кварталі, надія на те, що рідні стіни порятують розтанула. А коли осколки літали по нашій вулиці, надія на мир щезла.

Рішення про виїзд далось тяжко: рідні стіни тримали, але не було надії на порятунок. Жовте й багрове листя вже майже опало з дерев, як і моя надія на шоре завершення війни щезла. Ми поїхали на мою малу батьківщину, на Вінниччину.

Нові мирні обставини вразили мене. Я виявилася із когорта тих «донецьких, які понаїхали, яким квартири не здають». Штамп у паспорті із донецькою реєстрацією виявився «чорною міткою» і домінував над моїм подільським походженням. Але ми вижили! Навіть перед Новим роком, коли учителька англійської мови наставила синові одиниць в друкованому до підручника зошиті за першу чверть, яку він провів в бомбосховищі. Після контрольного удару градом одиниць вижили, хоча розстріляти дитячу душу молодому педагогові вдалося. Ми все пережили – це головне!

А відповіді на питання – що далі, – я не знайшла. Кожен день в турботах про рідних, роботу. Надія в душі, то оживає, то зникає. Сумую

за мирним небом над Донеччиною, за своїм домом. Навіть не знаю, в чому сенс нашого існування. Звичайно, жителям на мирних територіях є з донецьких зиск – здати житло за божевільні гроші – прибутковий промисел сьогодні для багатьох...А ми живемо, бо вижили! Кожен новий день є нашою сповіддю перед Богом про те, що було, а сокровенне бажання не змінилося.

Коли я розпочинала роботу над статтею, то думала, що до «почути, порозумітися» я готова. Але зараз можу точно стверджувати, що до цього етапу потрібно ще дозріти. Проте маю за честь, що я з тих «донецьких», які готові стати на цей тернистий шлях.

Андрій Тараненко

СОБАКА З ЖОВТОЮ КЛІПСОЮ

«Мы больше не волки»

В. Высоцкий

Тепло і сонячно. Їду собі над спокійною річкою по новому для мене місту. Хоча не такому вже й новому, бо тут ми зимували. А це чогось-то варте. Сьогодні в місті свято, відкриття фонтану. Буде дружина Президента з дітьми. Буде «Брутто» – це той, що співає «Воины света». Обов’язково прийдемо. Раптом погляд чіпляється за таку щемляче-мирну картину, що я зупиняюсь і стою, шукаючи очима оператора з камерою і режисера. Подумав – напевно знімається реклама. На зеленій галявині між ялинок двоє десь восьмирічних дівчаток-янголяток розклали ковдру, виймають з ковдри наїдки та напої. На велосипедах під’їжджають двоє хлопчаків такого ж віку. З ними – маленьке цуценя такси зі стрічкою на шиї. Починається пікнік, гра у доросле життя. Господи, та чого ж ніхто не знімає?! Як давно таке саме було в покинутому нами місті...

Аж раптом щось не за сценарієм. З-під мосту вийшла вона – Собака. Звісно, собака українською – «він». Але сьогодні хай буде «вона». Велика, гарна, не худя й не брудна. Спокійно і з гідністю підійшла до дітлахів, лягла і поклала голову на краєчок ковдри. Може, вважала, що веселі діти завітали до неї в гості, бо вона живе поруч – під мостом. Може, просто хотіла привітати зі святом. Але не за їжею – це я відчув точно. Одна з дівчаток сміливо вхопила Собаку за задні лапи і зі

словами: «Мабуть ще й блохасте», відтягла її геть під ялину. Собака не пручалася. Переживала й не таке. Але чому «ще й блохаста»? Аж тут у вусі Собаки в променях сонця виблиснула жовта кліпса. Он воно що...

Тавро. Клеймо. Дзвіночок прокаженого. Тоді, Собака, ми з тобою однієї крові. В мене номер стільникового починається з «050» а номер автомобіля – з «АН». І взагалі, я вже бачив тебе не тут, у спокої та мирі, а там де люди перетворилися на звірів. Ми з тобою це бачили і знаємо. *Бо вони «їли фарш»...*

* * *

...Фарш тем и хорош, что его можно глотать не жуя, не напрягаясь. Он лезет в неограниченном количестве из ТВ, радио, газет и Интернета. Сначала его приправляют ложью, извращенной логикой, отрицанием очевидного. И люди превращаются в стадо овец. Потом в фарш добавляют ненависть. И овцы превращаются в свору гиен, преступая человеческие законы.

Те, кто остался людьми, защищали свой город, как могли. Их не было меньше, чем отравленных фаршем. Но они не смогли. Революцию достоинства защищали Львовские, Херсонские, Запорожские сотни. На Майдане были Донецкие и Харьковские палатки. А мы были одни. Нас убивали на площади Ленина, топили со вспоротыми животами в речках, обыскивали дома, арестовывали, расстреливали и насиловали. А как же милиция? Как положено – с народом. С тем, который вооружился ножами и битами.

Но о нас в другой раз. Сейчас о том – почему с нашими земляками произошла эта жуткая трагедия.

...Очень молодые города. Действительно тяжелый и практически рабский труд. Громадные коллективы с жесткой иерархией на полувоенизированных предприятиях (секретность, взрывчатка и т.д.) Культ «сильной руки», «красного директора» или «крепкого хозяйственника». Масса колоний. Освободившиеся в подавляющем большинстве оставались жить тут же. Русификация. Лучшие результаты 70-летнего эксперимента по искусственному выращиванию «советского человека». Исторических героев не нашлось, поэтому памятники начали ставить еще живым – Кобзону, Бубке, называть улицы именами Звягильских...

Судорожные попытки самоидентифицироваться. А уж самоутвердиться – лучше за чужой счет. *«Донецким Киев – не указ!»* (Вот если бы из Москвы указ – тогда да!), *«Только тот любит солнце и высокое небо, кто поднялся с зарёй на-гора»* (т.е. другим в этом праве отказано). Чем только ни гордились: *«Да у нас каждый день кого-то убивают – прям*

как в Чикаго!», «Да у нас такая экология – куришь или нет – а лёгкие все равно черные, вы бы тут не выжили!» Пока искали себе определение среди «кормильцев всей Украины», «бандитов справедливых» и «павлинов лексусных», кричали «Донбасс порожняк не гонит!» порожняк-то и случился. Со второй попытки вытолкнули на самый верх рецидивиста (там еще и третий срок должен был быть, если кто не знает) с сыновьями. Как там, в «Собачем сердце»: «Кто он? Клим, Клим! Клим Чугункин! Вот что-с: две судимости, алкоголизм, «все поделить», шапка и два червонца пропали. – Хам и свинья».

И через полгода запестрели офисы и предприятия надписями «Аренда» и «Продажа». Работать и зарабатывать при таком «покращен- н» стало невозможно. Конечно, если ты не обслуживаешь «Семью». Как мантру твердили: «Донбасс никто не ставил на колени и никому поставить не дано!». Встали сами – даже не на колени – на брюхо упали в кровавую грязь, чтобы было удобнее лизать сапоги оккупантов – «защитников русскоязычного населения». Всегда пытался понять – кто этот «русскоговорящий».

Ответ получил на практике, в апреле 2014 года перед Донецкой ОГА. Человек пятьсот, не больше – скандировали «Ра-си-я!» и «Путин – введи войска». Подошел к пожилой семейной паре и поинтересовался, зачем они кричат с пеной у рта «Россия!». Ответ: «Россияне – наши братья». Т.е. мы и не украинцы, потому что зовём чужую армию, и не россияне как бы тоже! А кто же? «Русскоязычное население». С того дня для меня «русскоязычный» – синоним «слабоумный».

Или еще – «Услышать голос Донбасса». Да только его и было слышно по всей стране! И на проплаченном антимайдане в 2004 г. и при голосовании за зэка (голосование – это же от слова голос, не так ли?), и на антимайдане 2013-2014 гг. Теперь уже весь мир ужасается, глядя на то, что натворили мои земляки. Как грустно шутил известный донецкий КВНщик Сергей Сивохо: «Бродяга выращивал розы, а рос исключительно мак».

Оценив крымский опыт как положительный, «население» захотело того же. Когда генеральская прислуга, поколениями привыкшая пресмыкаться перед дачниками-хозяевами, потянулась к кремлевской плётке, это стало востребованным и в донецких степях. Бьет – значит любит. Но недавно в телефонном разговоре с товарищем, который остался ТАМ, и с которым мы не находили общего языка по этим самым вопросам, услышал фразу: «Нам обещали одно, а получилось совсем по-другому». Здесь определяющее слово «обещали». Всегда кто-то что-то должен дать, обеспечить, привезти, подарить. Не я, не мы – кто-то.

Мне не понять. Но своего товарища буду благодарить до конца жизни – он спас меня из плена...

Ну а что же всё-таки могли обещать Донбассу? Что может такого хорошего предложить Россия, позиционирующая себя как мессию?

Допустим, благосостояние. «В России зарплаты и пенсии выше, а бензин дешевле». Т.е. *«Родина – там, где жопа в тепле, и ты лучше меня это знаешь»* (Брат 2). Все заживём, как живут москвичи в пределах Садового кольца. Не получится...

2008 год. Едем с друзьями-москвичами на автомобиле из Москвы в Санкт-Петербург (Ленинградская обл!). Трасса – федеральной некуда. Вдоль дороги черные разваленные избы, сорняки, из живности – бродячие собаки. «Как они здесь живут?» – спрашиваю у товарища. «Ну, ходят в лес, собирают грибы, ягоды. Продают, потом покупают водку...»

2006 год. Берег Волги. 18 км от Астрахани. Местные вбивают в землю колья, обвязывают хворостом, обмазывают глиной. Такие дома. Газопровод везде, но к нему почти никто не подключается – дорого. Зимует вся семья на кухне, остальные комнаты не отапливаются. Топят дровами.

Как при первобытно-общинном строе, страна живёт за счет собирательства. Только раньше это были кедровые орехи, лес, воск, мёд диких пчёл (бортничество – воровство мёда), пушнина, пенька. Теперь – нефть и газ (больше половины поступлений в бюджет страны). А как же космос, ракеты и самолёты, спросите вы. Так это было, когда мы были вместе. Сейчас ракеты не летят без специалистов Южмаша (Днепропетровск), самолёты с вертолётами падают каждую неделю. Кстати о «вместе». «Мы (россияне) победили бы Гитлера и без украинцев, потому что мы – народ победитель», – позволил произнести своим поганым ртом собачковский денщик. Мой покойный дед Николай Никанорович, 1917 г.р., в 1933 потерявший во время голодомора на Кировоградщине родителей, троих братьев и сестру, отвоёвывший все 4 года, трижды раненый и закончивший войну в Кёнигсберге, проклинает тебя с того света, как и многие миллионы погибших украинцев. Я присоединяюсь.

Может, Донбассу предложили славную историю России, светлые духовные ценности и человеколюбивую религию? Так и это все краденое. Давно. У Киевской Руси. Хотя есть вариант, что православие в исполнении РПЦ МП со Сталиным на иконах настолько пропиталось мракобесием, что это уже какая-то другая религия, которая нуждается в новых территориях и адептах.

Небольшая цитата. Иван Бунин. Российский писатель: *«Хохлы мне очень понравились с первого взгляда. Я сразу заметил резкую разницу, которая существует между мужиком-великороссом и хохлом. Наш мужик народ, по большей части, измождённый, в дырявых зипунах, в лаптях и онучах, с исхудалыми лицами и лохматыми головами. А хохлы производят отрадное впечатление: рослые, здоровые и крепкие, смотрят спокойно и ласково, одеты в чистую, новую одежду!»*. Писалось это, когда Бунину было 18 – он был юн и непредвзят.

Но, может, Россия принесёт в Донбасс мир и спокойствие? Здесь вспомним в обратном порядке:

1. Война в Украине (а не «на Донбассе»)
2. Крым (оккупация)
3. Абхазия (оккупация)
4. Чечня дважды (карательная операция)
5. Приднестровье (оккупация)
6. Афганистан (интервенция)
7. Вьетнам (т.н. помощь)
8. Сев. Корея (см. выше)
9. Вторая мировая
10. Западная Украина, Польша, Прибалтика (оккупация)
11. Финляндия (аннексия Карелии)
12. Чудо при Висле (атака Тухачевского на Польшу)
13. Первая мировая
14. Русско-японская
15. ...дальше сами.

Почти все правители России входили в историю прежде всего как захватчики чужой земли: «Казань брал», «Астрахань брал». Иван Грозный утопил в крови Новгородскую республику, вырезал со своими опричниками всех на корню, а когда бердыши тупились – топили в реке Волхов жителей Новгорода от мала до велика. Прорубленное «окно в Европу». Казаки на Монмартре. Заблудившийся в Альпах Суворов. Покорение Сибири Ермаком. Потемкин – Таврический. Бесконечные кавказские войны. «Крымнаш». Всего и не упомнишь.

«Русские своих не бросают». Бросают. Бросают в Средней Азии. Бросают в Чечне. А если не бросают, то травят газом, как в «Норд-Осте», или жгут, как в Беслане. И опять бросают. Теперь уже в Украине. Бросают, отрекаясь.

Верхушка власти погрязла во лжи, тянет свой народ в состояние Северной Кореи. Складывается впечатление, что вся внешняя политика сводится к двум фразам, произнесенным в культовом фильме «Брат» оба-

ятельным наемным убийцей Данилой Багровым: «Скоро всей вашей Америке кердык» и «Мы вам всем козью рожу-то построим». Все это прикрывается бреднями о какой-то особой исторической миссии и исключительности россиян.

Некто Гафт: «России Богом отпущено быть чище и сильнее других».

Некто Проханов: «Бог послал на нас луч света».

Х...о Путин: «Вот у нас, русских, душа как-то шире, светлее»; «У нас северных территорий много. Нам бы южных побольше».

Это уже не симптомы. Это – диагноз. Это – фашизм. Настоящий. Без примесу. И вот туда захотели влиться мои земляки. Понимая или нет, что называются они теперь не народом, а «населением» каких-то там «территорий».

И что напишут им в личных делах: «Склонен к предательству», как это было уже в Крыму с изменившими Украине офицерами. И пойдут они воевать куда-нибудь в Сирию. А дети – еще дальше. Неизвестно за кого. «Плохие граждане любой страны», как припечатала их отравленная ФСБшниками Новодворская.

Мы бы очень хотели вернуться в родной город. Но его уже нет. Город ведь – это прежде всего люди. А сейчас там живут наши соседи – люди-крысы, написавшие прошлым летом донос. Люди-гиены, проводившие обыск в доме. Люди-звери, допрашивавшие потом в импровизированной «пытошной».

Когда вывозишь малознакомых обезумевших людей из-под обстрелов, когда в 100 метрах от дома стреляет «Град», когда родной человек, наевшись отравленного фарша, начинает ненавидеть свой народ – это страшно. Но по-настоящему жутко было два раза. При обыске – за жену, только бы не тронули. И в плену, когда в комнату завели человек 20 молодых, необстрелянных «ополченцев» – видимо для обряда инициации. Кожей почувствовал густую, дремучую ненависть и то, как эту кожу сейчас будут рвать голыми руками. Как это остановить, как закончить, прекратить этот ужас, я не знаю.

И не знаю того, кто мог бы знать. К большому сожалению...

* * *

Собака лежала наодинці, вдивляючись в бік острова Фестивальний, коли на авансцену вийшло цуценя. Воно підбігло до Собаки, залізло на спину, грайливо било хвостиком по ребрах, весело заглядало в очі. Навіть лизнуло жовту кліпсу. Не витримав один з хлопців. Підійшов, обережно погладив Собаку по голові, жестом запросив до імпровізованого столу. Далі вони були уже в п'ятьох, разом. Їй пропонували

якісь смаколики, але вона не їла – вона вміє себе прогодувати, і вона не просилася до них додому – вона має де жити. Хотілося лише тепла і уваги. А ще відчути хоч на декілька хвилин як було добре ТАМ, вдома. Раптом дзвінок – і всі швидко зібралися та пішли. Поволі пішла собі й вона, ледве посміхаючись.

P.S.: А я знаю твою таємницю, Собако. Ніяка ти не стерилізована. Часто-густо комунальники гроші беруть, а нічого не роблять – тільки вішають кліпсу, слава корупції. Тож все ще буде. І пес, хай дурнуватий і трохи волоцюга, але дуже закоханий в тебе, і цуценята, і дім, в якому будуть жити поруч з тобою добрі люди. Кліпсу я тобі зняти допоможу. Буде трохи крові, буде трохи боляче. Але що той біль у порівнянні з болем твого зраненого серця...

Анна Хрипункова

ДОНЕЦКИЕ. РОД ПРОБУЖДЕННЫЙ

Год. Год. Невероятно, но уже год! Целый год!

Эти фразы заполонили все, они врываются в ленты социальных сетей, звучат во всех беседах со старыми знакомыми. Донецкие «отмечают» свои годовщины. Год вне дома.

Очень многие из нас уехали именно в июле 2014-го. Большинство – «на две недели». Вместо них мы прожили год, и примерно первую его половину жизнью назвать было сложно. Но сейчас, мысленно фиксируя свои печальные даты, мы что-то поменяли в привычном ходе мыслей. Годовщина отъезда для нас – не праздник (и никогда им не будет). Но, кажется, в эти дни, еще совсем недавно казавшиеся нам черными и страшными, мы больше не будем умирать.

Мы «приземлились». Жизнь в изгнании не требует особой практичности, и первое время мы жили в подвешенном состоянии, каждый раз немножко откладывая свое возвращение домой и каждый раз немножко оплакивая срыв очередной даты. Когда стало понятно, что возвращения пока не предвидится, мы поплакали еще раз, спустились с облаков и пошли работать. В конце концов, это единственное, что нам оставалось. Кто-то купил билет до Львова, в котором все равно хоте-

лось побывать, кто-то наудачу пришел в какую-нибудь понравившуюся фирму, кто-то наизусть выучил, сколько шагов от дома до центра занятости... И вот первый поселился таки в любимом городе и открыл там свой маленький бизнес, второго вдруг взяли на работу без собеседования, а третий «дожал» работодателей и уже трудится на новом месте. Мы начали работать, чтобы выжить, – в первую очередь, не с материальной точки зрения, а с моральной. Нам нужно было отвлечься от тоски. Мы смогли.

Мы открылись. Наша жизнь в Донецке располагала нас к максимальной (простите) стабильности. Работа по трудовой книжке, полное соответствие труда полученной специальности, неременный стаж, мысли о пенсии в 25 лет. Шаг в сторону расценивается, как побег. Но вдруг мы были вырваны из этой стабильной (еще раз простите) почвы. Нам было довольно неприятно узнать, что в Киеве уже есть, кому варить кофе руководителям, а в Днепропетровске привычные нам офисные места уже заняты. Мы вначале расстроились, а потом открыли в себе скрытый ресурс беспечности. Ну да, мы теперь не инженеры, мы наливаем вам кофе на милой аллейке в парке. Мы больше не финансисты, мы создаем шикарные цветочные композиции. Мы перестали быть безликими ассистентами руководителя и стали шить платья. Все это не потому, что **нас заставили**. Донецкие нашли новых себя, потому что они этого **хотели**. Некоторые из «наших», правда, все еще жалуются, скулят и стенают, но это наша проблема. Рано или поздно мы и их вылечим. Когда в тебе открыт целый мир, возможны любые исцеления.

Мы выросли. На самом деле это далось после многих потерь. Мы ведь потеряли не только дом. Каждый потерял еще и кого-то близкого. Кто-то нас забыл, потому что не смог дальше общаться с нами, бандеровцами. Кто-то открыто нагрубил — по той же причине. А кто-то отвернулся, потому что мы, бандеровцы, вдруг сказали ему, бандеровцу, то, что ему не хотелось бы слышать. Мы вдруг оказались совсем не идеальными и для тех, кто нас любил раньше, и для тех, кто попытался нас полюбить сейчас. Нам даже намекали, что мы не очень-то достойны Украины. Нам стало очень обидно, но тут-то мы и повзрослели. Мы поняли, что все логично, это мир взрослых людей, и никто не будет любить нас просто за то, что мы есть. А что до Украины... Украина сама решит, достойны ли мы. И то, что она в большинстве своем остается с нами, – это лучшее, о чем мы могли думать. А неидеальность даже в чем-то перспективна.

Да, об Украине надо сказать отдельно. Мы, конечно, иногда получаем холодный душ. Вопросы пропусков, блокады оккупированных

земель, отсутствие четкой политики по переселенцам и оставшимся в оккупации, все эти «самивиноваты» и «ненадобылопутиназвать» больно бьют по нам. Еще больнее по нам бьют те, кто просит побыстрее убраться в свой Даунбасс и жить там, не отсвечивая. Но мы знаем, что это – не вся Украина. Более того, это — не настоящая Украина. Так же, как те, кто остался в нашем городе и сейчас желает смерти детям укров и мечтает о бомбежках Киева, – это не настоящий Донбасс. Настоящая Украина – та, которая сдала нам квартиры, не глянув на страницу прописки, принесла вещи для нас и наших детей, взяла на работу, не спросив о прошлом опыте. Настоящий Донбасс – тот, который принял все это с благодарностью и сказал, что не предаст свою страну. И тут, и там есть своя шелуха, и скоро придет время избавляться от нее сообща. Мы – лучшие помощники в этом деле. Я же говорю: мы повзрослели.

Мы проснулись. Из нас испарился чумной местечковый патриотизм и полоумная гордость, «потому что мы – донецкие». Мы посмотрели в себя и нашли там осознанную и объективную любовь к своему краю (она не пройдет никогда), но разграничили ее со слепым поклонением и нелепым зазнайством. Также мы осознали в себе любовь к своей стране и поняли, что «донецкий патриотизм» и «украинский патриотизм» – это одно и то же. Донецк – это же Украина. Значит и нам не с руки разделять две любви. Она у нас теперь одна, и жить с этим легче.

Да, слово **жить** тут очень кстати подвернулось. Ведь мы выжили. Из несчастных донецких мы превратились в оптимистов. Вот тут у нас не было особого выбора. В какой-то момент мы почувствовали, что мы готовы жить. И жизнь не зависит больше от того, где она протекает. Главное – чтобы рядом были те, кого любишь. Кто-то не вернется домой никогда, потому что он уже обрел свой дом и свое место в других краях, кто-то съездит ненадолго, чтобы посмотреть на все это еще раз, а кто-то все же вернется навсегда. Но независимо от того, где мы будем, мы выживем. И уже сегодня – несмотря на то, что дома все еще беспросветно, – мы знаем, каким будет наш Донецк. Наш **общий с вами** Донецк. Потому что раз вы подарили нам свои города, мы взамен вернем вам лучшее, что у нас есть. Наш город.

Он...

...будет **чист**. Не физически (физически он и сейчас чист, потому что в нем всегда жили те, кто готов позаботиться о каждой розе), а атмосферно. Злоба и агрессия схлынут с его тротуаров стремительно и бесповоротно. Город очистится от этой скверны так, как будто никогда ею и не болел. Она сгинет, уничтоженная справедливостью, возвращающимся здравым смыслом, укрепляющимся миром. Помнится, в

дни самых сильных стихий ливневая канализация донецких улиц не справлялась с потоками. Но в этот раз она выдержит.

...будет собой. За этот год мы часто, слишком часто слышали, что Донецк – урод. Нам показывали его лица, искаженные глупостью, давали читать его комментарии, искореженные ненавистью. По правде, мы и сами подмечали все это, но, как я уже сказала, мы быстро вспомнили, что это – не наш Донецк, не настоящий Донецк. Оскорбления, глумление, недалекость и дикость – не наш город, как бы сильно это не выпячивалось на первый план. Все это – даже не шрамы, а модные ныне временные татуировки. Они смоются так быстро, что не останется даже следов. И тогда Украина увидит настоящий Донецк. Мы вам его покажем. Это особый город. Великодушный и глубокий. Умный и верный. Добрый и щедрый. Тот, который мы знали. Сейчас мне часто говорят, что его уже не осталось, но я-то знаю, что это не так. Где-то есть та глубина, которой большинству не видно, и сейчас мы, донецкие, ищем мощный прожектор, чтобы ее подсветить. Мы найдем, не сомневайтесь.

...будет Украиной. В это, наверное, сейчас не верит и сам Донецк. Но мы, прожившие целый год между землей и небом, знаем: самая тяжкая печаль все же заканчивается. И уже скоро мы все увидим, как неожиданно легко с нашего города свалится нелепая ослиная шкура, прикрывающая сейчас его плечи. Она слезет, чтобы обнажить платье цвета солнца – все будет так, как написано в сказке. И еще не факт, что после этого Донетчина не станет самым патриотичным регионом страны!

Впрочем, мы больше не стремимся быть «самыми». Нам не нужно быть первыми и «избранными». Мы проснулись не для этого. Хотя, вероятно, после победы именно мы останемся главным мотиватором для Украины. Не потому что мы рвемся на эту роль, а потому, что мы знаем, что такое ад. Мы побывали там (а некоторые еще остаются), мы одолели его в себе, и теперь мы будем делать все возможное, чтобы это не пришло к другим.

Все это звучит оптимистично, а оптимизм, увы, оправдывается не всегда. И некоторые из нас этого не разделят, некоторым все это еще предстоит пройти. Но те, кто живет без дома уже целый год, знают это точно. Правда, мы знаем также, что помимо радостей нас еще ожидают слезы невероятной силы. Это будет в день нашего возвращения. Мы начнем плакать, очень сильно плакать примерно в километре от того места, где стоит белый дорожный знак с надписью «ДОНЕЦЬК».

В этот день будьте рядом с нами. Пожалуйста, просто будьте рядом.

35 ХВИЛИН

Психологи стверджують, що кожній людині для збереження внутрішньої гармонії необхідно як мінімум година тиші на добу, у цей час ми можемо побути на самоті, навести лад у думках, підготуватися до зустрічі з чужим психопростором, таке собі *intermezzo*. Упевнена, що останні півтора роки такі години тиші «донецьким» даються дуже важко. Серед навали важких спогадів, переживань, нездійснених мрій та буденних проблем важко не загубити себе й віднайти душевний спокій. Я особисто страшенно боюся цих хвилин, підсвідомо намагаюся їх уникати. На щастя, коли є мала дитина, це не так і складно. Проте все ж маю гарантовані 35 хвилин тиші на день – дорога на роботу. У цьому випадку часто стає в пригоді плеєр, причому краще аудіокнига, адже з музикою ще гірше, поринаєш у себе, а тут і до сліз недалеко. Сьогодні мені не пощастило: забула вчасно зарядити плеєр, тому впевнено і швидко крокую на зустріч із собою.

На протилежному боці дороги метушня біля входу до школи. Завжди проходжу тут із усмішкою. Адже це моє. У минулому, донецькому, житті я була вчителем, завучем, навколо мене вирувало життя, діти, уроки, заходи, кожного дня нові плани, проблеми й радості. Проте тепер, на жаль, частіше згадується зовсім інше. Я вийшла з декретної відпустки в 2 семестрі 2014 року і побачила школу зовсім іншою. Учителі, які перераховували свої пенсії, чекаючи на Росію, тепер відверто ненавиділи Україну і не соромились нести це дітям. Ті, хто мислив більш тверезо, намагалися мовчати і рідше заходити до учительської. Пам'ятаю, як на 9 травня зробила стіннівку про маки як символ пам'яті жертв Першої світової війни, хотілося, щоб діти знали цю історію, навела вірш Джона Мак-Крея «У полі Фландрії» в оригіналі, що було дуже доречно, адже школа з поглибленим вивченням англійської. Газета провісила рівно урок. Коли я зайшла в учительську, мене зустріла гробова тиша, кам'яні обличчя, георгіївські стрічки на грудях і стіннівка в смітнику. Пізніше була розмова з директором, яка чітко дала зрозуміти: або я закриваю рот, або мені буде дуже важко. Зараз школа працює, більшість учителів залишилися, ходять на паради, ненавидять хунту, вірять у світле майбутнє молодій республіці. Мене радо звільнили у серпні, коли я вчасно не повернулася зі Львова.

Далі було перше в житті резюме, хороша робота, цікаві люди, переїзд до Вінниці, знову нова робота, що спочатку була тимчасовим варіантом, але затягнула. Розумію, що час рухатися далі, повертатися до школи, але страшно, страшно знову бути чужим серед своїх, відчувати на собі засуджуючі погляди, постійно щось комусь доводити. «Чому ви не відстояли Донецьк, адже ми на Майдані змогли відстояти цілу Україну? А тепер через вас гинуть наші сини». Важко пояснити людям, наскільки це різні речі. Вони праві, але це правота переможців. На Майдан з'їхалися небайдужі з усієї країни, і моторошна мапа могил Небесної Сотні тому свідчення. На Донбасі ж тільки регіонали кричали про «сорок автобусов с правосеками», які ось-ось встановлять владу Майдану – а насправді донецькі українці залишилися самі проти всіх: місцевої влади, місцевих бізнесменів, міських божевільних, міліціонерів. І не в останню чергу – проти орків, яким уже заплатили, роздали бити з цвяхами, які купалися у відчутті власної безкарності, в можливості випустити на волю свою справжню сутність.

Я дуже довго проганяла від себе думки про переїзд. У травні 2014 син почав ходити до садочка, від якого наразі мало що залишилося, я готувала матеріали на наступний навчальний рік. Але в липні ситуація загострилася. Не пощастило нам з районом, до аеропорту 1,5-2 кілометри. Доводилося в основному сидіти вдома. Вийдеш з малим їхати в гості до дідуся з бабусею, витягнеш сходами велосипед – над головою починає свистіти – повертаєшся додому і сидиш чекаєш, чекаєш... Кілька випадків допомогли мені прийняти рішення. Якось ми гуляли з сином на майданчику, поблизу зупинилася машина із захисниками «руського мира», звідти вийшли бородаті чоловіки, чи то п'яні, чи то обкурені, та дико регочучі, почали стріляти в повітря. Мамочки похапали дітей та порозбігалися. Розуміння того, що ці люди могли запросто безкарно перестріляти всіх, чи через одного, якби їм захотілося, допомогло прийняти гірку правду: нам нема чого тут більше робити, дитина не може так жити. Останньою краплею став Боїнг. Не менше, ніж сама ця трагедія, вразило відео в Інтернеті, на якому якийсь хлопець, знімаючи момент падіння, із захопленням розповідав, що це «наші хунту сбили, молодцы дэнээровцы». Від усвідомлення того, що життєві шляхи моєї дитини і цього хлопця цілком можуть колись перетнутися, захотілося втекти якнайдалі. І ми втекли.

У Донецьку в мене залишився батько, яскравий приклад того, що російській пропаганді можна й не піддатися. Він усе життя працював на шахті, понад 20 років провів під землею, унаслідок нещасного випадку 14 років тому втратив там праву руку. Тепер живе надією, що

все от-от закінчиться, ми повернемося. Усе буде, як раніше. А поки що зайнятий буденними турботами: «Сходив поменял гривни на фантики, нашел, где курс выгоднее», «Не могу найти сливки, русские их не пьют, что ли?», «Купил сметану, ее даже кот есть не хочет», «Нашел в интернете очередное предсказание очень известного ясновидящего, к осени/зиме/весне все закончится», «У меня все потихоньку, за окном правда веселятся опять». Переїжджати він категорично не хоче, адже є квартира, кіт, є наша квартира, за якою треба наглядати, і могила мами, на яку він і досі якимось дивом примудряється доїхати раз на місяць. Це нове Ясинуватське кладовище, і щоб туди дістатися, тепер треба їхати через Макіївку, витрачаючи на це півдня.

Як йому сказати, що ми навряд чи зможемо повернутися, що людина, яка зараз доглядає його, готує їсти – це, скоріше за все, не тимчасовий варіант? Адже, повернувшись, я вже ніколи не зможу випустити сина надвір без нагляду, не хвилюючись про те, що він може на щось наступити, піти в Путилівську рощу, де навряд чи колись приберуть усю вибухівку, просто комусь не сподобатись чи потрапити під гарячу руку.

Від знайомих та друзів часто чую про те, як вони сумують за Донецьком, яке це чудове, красиве місто. Намагаюся відшукати в собі хоча б крихти ностальгії саме за містом – і не знаходжу. Може, для цього треба було там народитися, бачити ці вулиці з візочка. Моя родина переїхала до Донецька, коли мені було 5 років, усе моє свідоме життя пройшло саме там. Проте Донецьк для мене завжди був потьомкінським селом посеред депресивних сірих містечок із втомленими людьми-привидами. Я сумую за близькими, які там залишилися, за друзями, які роз'їхалися хто куди і навряд чи повернуться, за домівкою, у якій усе було зроблене моїми руками й руками мого чоловіка, але аж ніяк не за містом. От іду я зараз вулицею Талаліхіна, повертаю на Червоноармійську, далі на Фрунзе, але, не зважаючи на ці нашарування радянської епохи, у міста є душа, тут затишно, і не тільки тому, що не стріляють.

На Червоноармійській знаходиться велика військова частина. Дорогою вкотре бачу чоловіків у формі, частіше за все – льотчиків, і ловлю себе на думці, що намагаюся не зустрічатися з ними поглядами. Чому? Чим я завинила? І тим не менш. Хтось із них колись міг бути сам-на-сам із квітневим небом над Донецьком – над нами тоді ходили винищувачі, пильнуючи кордон. Когось із них чи їхніх товаришів улітку збивали над донецькими степами. Із цим дивним почуттям провини мені залишилося побути на самоті ще хвилин п'ять. За рогом чекає порятунок – робота.

Завжди любила Ліну Костенко, раніше найулюбленішими були вірші про кохання, але життя вносить свої корективи навіть тут, по-іншому сприймаєш і переживаєш давно знайомі рядки:

На те й погорільці – будуємо хатку
Над хаткою небо... а знов голубе!
Найвище уміння – почати спочатку
Життя, розуміння, дорогу, себе!

Наталья Казеннова

УКРАИНСКИЙ ДОНЕЦК: ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПОБЕДИВШИЙ ГОРОД

Октябрь 2015

Я решила вернуться в Донецк. Наш. Украинский. Скоро. Насовсем. Прекрасно помню свои слова, что Донецк во мне умер, и не отказываюсь от них. В моем желании вернуться в родной город нет боли. Отсутствует ностальгия. Не вынимает душу тоска, и не зовут домой поезда в оккупацию. С ними я встречаюсь постоянно, и уже куплены билеты на один из них.

Я думаю о поездке в Донецкую область как об очередной командировке и не терзаюсь мыслью, что свидание с родным небом будет столь кратким. Мы встретимся всего на сутки.

Мне удалось оставить прошлое в прошлом и обернуться к будущему. Я вижу себя в Донецке, оглохшем от тишины. Радостно тянущемся к солнцу по утрам. Бодром и деловитом днем. Рано засыпающем по вечерам. Не потому что комендантский час: завтра новый трудовой день, и нужно хорошо отдохнуть.

За время оккупации Донецк соскучился по себе настоящему – дружелюбному муравейнику, размеренному даже в торопливости. Мы умели спешить без одышки и пропускали замешкавшиеся машины в левый ряд. Верю, что сможем вдохнуть новую жизнь в прекрасный город. За время разлуки он стал еще более дорог. Это другая любовь, зрелая, осознанная, без флера глуповатой восторженности и местечкового патриотизма.

Дончане научились разделять главное и второстепенное. Уехавшие прочувствовали, как тяжело без и вдали от дома, прошли сквозь муки

© Н. Казеннова, 2015

встраивания в другую жизнь. Кому-то повезло – после потери всего удалось одержать победу над собой и идти вперед. Кто-то, напротив, окружив себя почти привычным комфортом, остается обездоленным и не может выбраться из затяжной депрессии. Выстоять в борьбе с противником в зеркале удастся далеко не всем.

Многие до сих пор плывут по течению, гнездятся по обветшалым общежитиям и санаториям. Тянутся на жалкие пособия и гуманитарку. Ждут. Одни – Украину дома, другие, «чтобы перестали стрелять», они настроены возвращаться при первой возможности, третьи – пришествия «ДНР» в Славянск или Мариуполь. Они стараются не уезжать далеко и всегда начеку.

Оставшиеся дончане живут надеждой. У каждого она своя. Перестанут стрелять. Вернется Украина. Присоединят к России. Признают «республику». Все дружно верят, что однажды всё будет хорошо. Презрительно шуряют в сторону уехавших: «мы тут под бомбами, пока вы там...». Острые углы сгладятся. Не сразу. Будут выпирать и оставлять садины.

Однажды в спорах и перепалках родится умение прощать, понимать и принимать, которого часто не хватало в мирной жизни. Умудренные войной, мы перестали быть категоричными в повседневности. Миновали пик ненависти и отторжения оппонента. Бабушки отпущения вызывают скорее жалость, чем раздражение и злость.

Стали честнее. Нас возмущает ложь, претит предательство. Мы хотим платить налоги, на которые Украина будет содержать боеспособную армию, готовую отразить агрессию извне. У каждой страны есть враг. У нас он был всегда. Мы предпочитали его не замечать, обманывая себя сказкой о братских народах, и не слушали предостережений.

Мы больше не забудем свою историю. Урок оказался слишком жестоким. Горький опыт передадим будущим поколениям. Без сказок и прикрас. Истерики и бесовских плясок на могилах. Нам хватит мудрости не превратить долгожданную Победу в бессмысленный культ, попирающий память павших за нашу свободу.

В прошлом году мы не были готовы к освобождению и возвращению. Чаша не была испита до дна. Предатели выглядели героями, преступники представляли патриотами, враги маскировались под своих. Год испытаний на прочность, выдержку и мудрость сделал нас взрослее. Ушли горячность и чрезмерная вспыльчивость. Вернулись самообладание и выдержка.

Украина сдала экзамен на право состояться, не треснула дальше, не раскололась. Мы обрели право на мирную жизнь в наших городах. Пока

окупированных. Скоро исчезнет зловещая линия разграничения. Предчувствие счастливой развязки не покидает.

В последние дни я часто вижу себя в донецкой квартире, оставленной впопыхах, ждущей ремонта, новой мебели и старых хозяев. Мысленно давний замысел претворяется в жизнь – в сознании происходят желанные перемены. Я шучу в разговорах с мамой: «Если вы не пользовались какой-то вещью год, значит, ее можно выбросить. Представляешь, сколько всего мы отправим на высылки?»

Станет легче расставаться с вещевым балластом – мы уже знаем, что в одночасье можно потерять все. Оставим по-настоящему ценное – то, что олицетворяет память и связь поколений и не накапливает пыль.

Весь этот год со мной подобного не происходило. Я не ходила на воображаемые экскурсии по собственной квартире, мне почти не снился Донецк и родной дом. Только при встрече с поездами в оккупацию магнитом тянуло сесть в скрипучий вагон и оказаться на Востоке.

Я переболела жестокой ностальгией. Мне было так же плохо, как родному городу в разгар зимних обстрелов. Каждый залп, каждый взрыв толчком отдавался в беспорядочно колотящемся сердце. Боль парализовала, лишала сил.

Тянулись бессмысленно-серые недели, а новый день загонял все сильнее в тиски депрессии, уныния, отчаяния. Черeda неразумных поступков, ненужные и лишние люди рядом, глупые решения... Я уходила от реальности, подменяя иллюзией осмысленности невыносимую, чуждую мне жизнь.

Выздоровление было долгим и трудным. Сейчас жажда творить и созидать сильна, как никогда прежде. Я словно заново почувствовала вкус жизни, щедро приправленной вдохновением и верой в возвращение в родной город. Донецк, я обязательно вернусь.

Марія Дробот

МИ ЩЕ ПОБАЧИМОСЯ, ДРУЖЕ...

Настав і мій час покинути все. Маму, тата, всю родину, мого kota, дім. Всі друзі виїхали ще декілька місяців тому. Тепер настав і мій час залишитись без нічого. Залишити все, з чого складалось моє життя – мій Донецьк. Похапцем зібрані речі у супроводі артилерійських канонад та

© М. Дробот, 2015

вибухів важкої зброї спаковані в скромну валізку, що стоїть біля дверей. Сльози на очах заважають, неначе востаннє, охопити поглядом мій дім. Мама теж плаче. Життя немов зупинилось. Мама турбується, чи буду я в безпеці за її відсутності. Для неї я все ще дитина. Це природньо.

Вже приїхав за мною тато. Ми їхали центром міста, а я кожній знайомій будівлі чи провулку з вікна авто подумки казала: «Ми ще побачимось, друже». Я покидала дім на два тижні. Поки закінчиться війна.

Мої два тижні тривають більше року

«Гуманітарним» пунктом №1 став Харків. Тут я вчилася не лякати-ся натовпу на вулиці, звикала до музики, що лунала звідусіль, до машин на дорогах. Перші дні було важко – поринути в мирне місто. На жаль, до війни ми звикли швидко. Так сталося, що не вона вже викликала паніку, а мирне життя.

Київ. День незалежності України. Той день, коли пророчили, що цей страшний сон буде в минулому. День, коли ми так сподівались отямитися від жаху, що переслідував нас із березня. Але нічого не сталося. Було дуже страшно. Салюти, гучні компанії, що «культурно святкували» на вулиці. Від кожного різкого звуку я підривалася з місця. Мої рідні, у яких я зупинилася, дивилися на мене стурбовані, бо розповідь про війну, цей монолог болю, із кожним різким звуком із зовні, з кожним моїм зойком переривалася. Я вже забувала, про що говорила – лише дослухалася – що там за вікном. Лише салюти.

Здається, вони в Донецьку, навіть по війні, з'являться ще не скоро...

У столиці я зустріла друзів. Уряд дозволив студентам із Зони відвідувати лекції в будь-яких вишах України. Тож ми разом зареєструвались вільними слухачами в Національний авіаційний. Ми заново влаштовували своє студентське життя. Паралельно чекали на завдання і лекції в дистанційному режимі від нашого Донецького національного університету. Але дочекалися лише на звістку про те, що як і все місто, ДонНУ отруїла війна.

Пам'ятаю, кожні декілька годин ми телефонували чи писали на FB нашим викладачам, ми моніторили все, що відбувається в стінах, які за два роки стали нам другим домом. Ми залишили свої домівки, але втратити ще й alma matter дозволити собі не могли.

Впродовж вересня ми пройшли всіма колами аду. Але наші зусилля виправдали себе – нам особисто зателефонував міністр освіти і науки Сергій Квіт.

24 вересня, в його кабінеті «на Перемоги», пролунали найбільш очікувані слова – Донецький університет переїздить. До Вінниці.

Жовтень 2014р. Донецький національний університет, місто Вінниця.

Як завжди, кави і подовжувач? – чули ми від вже знайомих офіціантів. Кави і подовжувач.

Ви себе зовсім не бережете. Кава/чай вже зовсім охолоті.

І ми розтягували те горнятко кави або на декілька годин, щоб якнайдовше можна було попрацювати в кафе, парку, трамваї, але з Інтернетом. Ми з нуля відновлювали базу даних, опрацьовували результати реєстрації тих «хто з нами» з міністерського сайту.

Перший час – не менш, як по 20 годин на добу.

А офіціанти цікавилися, що нового в університеті, бо на їхніх очах відбувалось те, у що майже ніхто не вірив. Вони знали всі новини. Що відгукнулись спонсори, що знайшлось якихось декілька місць в гуртожитку, тож незабаром приїдуть ті й ті. Це для нас було велике щастя. Вони дивились на нас із захватом й одночасно співчуттям, бо наш дім у війні, бо це саме нам доля дала таке випробування.

Сьогодні. Вінниця. Ми кочове університетське плем'я. Ми і сьогодні цілодобово працюємо у Вінниці в ім'я лише одного: прокинутись якогось ранку і почути про те, що війна закінчилась. Що то був страшний сон, який забрала із собою ніч, і вже ніколи не вернеться. В години лиха і в години радості – ми разом. Тільки одна думка дає нам сили рухатись. Вперед. «Ми повернемося!»

Кожна наша хвилинка просякнута думкою якогось ранку знову, зі слезами на очах від щастя пакувати речі. Додому.

3-го листопада святкуватимемо річницю роботи Донецького національного університету у Вінниці.

Ми ще побачимося, друже...

І знову буде дорога. І ми будемо відбудовувати цивілізацію вдома. На нашій, на рідній. Ми обіймемо батьків. Засліпленими очима охопимо кімнати рідного дому. Побачимо знайомих бабусь на лавочці, що, як завжди, обговорюють «актуальні проблеми подвір'я».

І більше ніколи не покинемо те, що дає нам сили на життя.

Артур Біберін

ГОТЕЛЬ «ДОНБАС»: ІСТОРІЯ З ВІДКРИТИМ ФІНАЛОМ

Вперше я реально оцінив масштаби міграційних процесів зі сходу країни, коли переступив поріг одного з київських хостелів. Виявилося, що мої земляки заселили майже всі номери. Адміністратори навіть жартували, що прийшов час перейменовувати їхній хостел в готель «Донбас».

Сотні людей покинули свій рідний дім. І у кожного з них була своя історія. Думаю, деякі з них заслуговують бути розказаними.

Африканський гість

Донецький студент з Камеруну Самуель був одним з тих, хто фактично починав життя спочатку.

Одного літнього дня, ще перебуваючи у Донецьку, він посварився зі своєю дівчиною. Розгнівавшись на коханого, ображена дама вирішила помститися. Вона зателефонувала в одну з силових структур самопроголошеної ДНР і поскаржилася на притон наркоманів. А в якості адреси назвала вулицю і будинок, в якому на той момент проживав Самуель.

Що сталося з хлопцем далі, здогадатися не важко. Не дивлячись на те, що ані наркотиків, ані наркоманів у нього в домі так і не знайшли, свою порцію побоїв і принижень він отримав.

Здавалося, його нове життя в Києві починалося доволі успішно. Африканець досить швидко отримав роботу на одному із столичних ринків. Проте заробіток на базарі важко назвати стабільним. Не володіючи особливими талантами у сфері торгівлі, Самуель все частіше повертався з роботи без грошей.

В один з таких невдалих днів він вирішив повернутися до Донецька. Більше того, не знайшовши себе на новому місці, все частіше розмірковував над тим, щоб відновити стосунки зі своєю дівчиною.

Так, тісна домашня клітка стала для Самуеля більш затишною, ніж безкрайне, але непривітне небо.

Луганський робочий

Юрій, стоячи біля електричної плити, акуратно перемішував картоплю на сковороді і втомленим, але впевненим голосом розповідав свою історію новоприбулому переселенцю:

«Я переїхав з Луганська одразу після референдуму. Як побачив ті натовпи, що пішли голосувати, одразу зрозумів – нічого хорошого нас не очікує. Шкода, до пенсії трохи не дотягнув».

Хлопець недовіркою оглянув доволі молодого як для пенсії Юрія, після чого, нарешті, зрозумів причину:

– Ви шахтарем працювали?

Юрій ствердно кивнув головою і продовжив розповідь:

– У супермаркеті зараз працюю. Вантажником. Не набагато легше, хочу тобі сказати. По дванадцять годин доводиться працювати. Інколи навіть присісти часу не маю. А спина іноді так болить, що розігнутись не можу. Зате годують безкоштовно. Каші, супи. Їсти можна.

– А ставляться як? – питає хлопець.

– Та як, – чуває потилицю Юрій, – нормально. Спочатку придивлялись. Але ж люди бачать, що працюєш в таких самих умовах, що і вони. То і спрацьовуємось. З начальством складніше. Ставлення гірше, але то не залежить від прописки в паспорті. Вони однаково погано до всіх ставляться. Тому що... Не знаю. Мабуть, є такі університети, в яких навчають погано ставитися до людей. А може просто відчують якусь соціальну перевагу, адже вони – менеджери! А ми хто? Батраки звичайні. Але нічого. І це переживемо.

Насупившись, молодий хлопець дістав з кишені пачку сигарет і пішов на балкон обмірковувати отриману інформацію. Юрій крикнув йому вслід: «Кидав би ти цю гидоту. Навіщо гроші на повітря викидаєш? Скрутні часи настали – дорого курити нині».

Самозванець

У той час, коли через можливі проблеми з орендою житла багато жителів окупованих територій доволі часто прагнуть приховати свою регіональну приналежність, деякі навпаки добровільно приміряють на себе образ донецького переселенця.

Дмитро заселився в хостел без паспорта. На ресепшені він пояснив це тим, що його будинок у місті Дебальцеве згорів від попадання снаряда разом з усіма документами. Адміністратор, як прийнято казати в таких випадках, увійшов в положення і заселив хлопця в шестимісний номер.

Там він досить швидко знайшов спільну мову з співмешканцями, більша частина з яких була переселенцями. Відсутність хоч яких речей у хлопця нікого не здивувала. Всі чудово розуміли, що під час бомбардування найменше думаєш про збереження своїх лахів.

Деякі мешканці співчували хлопцеві. Хтось поділився хлібом, інші відсипали зі своїх нехитрих запасів крупи і макаронів.

Проте все, чого хотілося Дмитру – це прийняти душ після дороги. Коли ж його бажання, нарешті, здійснилося, він попросив у одного з нових друзів телефон, щоб зв'язатись зі знайомими, що мешкали десь в Києві. Домовившись про зустріч, Дмитро вийшов з номера, після чого його більше ніхто не бачив.

Наступного ранку на телефон, з якого він зв'язувався зі знайомим, зателефонували з міліції. З'ясували адресу хостела і через півгодини приїхали дивитися відеозаписи з камер спостереження.

Виявилося, що справжнє ім'я Дмитра – Віктор. Народився і більшу частину життя він провів у славному місті П., яке ніякого відношення до Донбасу немає. А його легенда пояснюється тим, що Дмитро (Віктор) – аферист, злодій і на додачу до всього ще й футбольний хуліган. Він доволі успішно входив у довіру, після чого у людей загадковим чином зникали гроші, телефони і золоті прикраси.

Почувши історію нового знайомого, жителі номера сумно обвели поглядом своє добро, вивезене з дому, і в глибині душі зраділи, що все, чого хотів «хлопець з Донбасу» в той вечір – це просто прийняти душ.

* * *

Кожна з цих історій має відкритий фінал. Самюель з першої спроби не зміг проїхати українські блок-пости, Юрій поїхав працювати в Польщу, а де зараз самозванець Віктор – одному Богу відомо.

Навіщо ж розповідати історії, які не мають закінчення? Думаю, для того, щоб, знаючи наслідки, ми могли розібратись в причинах. Тоді в майбутньому, можливо, всі наші історії будуть мати щасливий кінець.

Владимир Брадов

НЕОКОНЧЕННЫЕ ХРОНИКИ «МОРДОРА»

— **А** вы не пробовали уехать?

Кажется, этот вопрос мой собеседник за прошедшие пять-семь минут телефонного разговора уже задавал. Или мне показалось? Может, не придал значения? Теперь – что? Ответить? И потом «пережевывать послекусие оправдания»? С подоплекой вопрос. Тебя как бы спрашивают: ты за кого, по какую сторону баррикад? Кому это пришло в голову: остался – сепар, уехал – патриот? А обстоятельства? Их у каждого

оставшегося с лихвой наберется. Престарелые родители, лежащие больные, обязательства перед близкими, детьми, внуками. И какой меркой оценить чье-то нежелание просто бросить свой дом, который строился собственными руками, с фундамента? Или страх потерять все и остаться ни с чем где-то на окраине чьей-то жизни? В конце концов, надежда на то, что «вот-вот – и наши придут» – это не мотив остаться? Да мало ли какие причины остаться в оккупированном городе еще могут быть?

Дурацкий все-таки вопрос. Пробовал – не пробовал... Как ни поверни, но – оправдываешься. В чем? В чем ты виноват? Что не получилось жить где-то? Что элементарно моя любимая держава (без кавычек!) не смогла уберечь меня от внешнего зла? А может только беда случилась – и здесь на свет выплыли заготовленные «целевые программы» как выжить целому региону в случае форс-мажора? Да куда! Внутреннее зло поперло... Беспомощность, сопли, предательство своих сограждан... Мародерство... Унижение...

Да, для кого-то отъезд стал единственным вариантом сохранить жизнь: свою и близких – слишком уж реально нависла над ними угроза смерти в родном Донецке. Но бегство от войны – непростое дело. У кого-то получилось более-менее приспособиться в незнакомом месте, у кого-то «привыкание» до сих пор продолжается, трудно и сложно.

У меня не получилось. Почти месяц выкатывал с семьей деньги по соседним областям, на каждом гаишном посту как «донецкий» шел записываться в какую-то амбарную книгу, часами простаивал под воротами «троюродных» родственников, которые вдруг «неожиданно» уезжали куда-то по своим срочным делам. Потом, откликнувшись на зов друзей, ехали в Крым, но только проехав Чонгар, я начинал понимать, что вряд ли смогу долго продержаться здесь, наблюдая на билбордах Жирика в обнимку с его неведомо откуда всплывшими островными единомышленниками, престарелого Зюганова, широким жестом приглашающего в ряды компартии, и лыбящегося вчерашнего нардепа от партии регионов (а тут – лидера местной ячейки всероссийской партии «Родина»!) перерожденца Колесниченко.

Севастополь встречал еще не прошедшей эйфорией местных от «присоединения», триколорами и вывесками с чужой административной лексикой, торгашески расцветенным разномастной символикой Приморским бульваром. А мы каждый день «в порядке живой очереди», в оставленной на время друзьями квартире, мониторили в интернете происходящее в Донецке, обзванивая (и не по разу, в зависимости от интенсивности и мест «прилетов») после очередного артобстрела) оставшихся там родню и

друзей. Но, в конце концов, не выдержали и, собрав свой дорожный скарб, не дожидаясь возвращения хозяев, двинулись в обратный путь, домой, на восток.

* * *

– Там три трупа и человек десять перевязочных... Да, вызвали... Не успевают... Нет, у парня руку оторвало, у остальных – от стекла.... Ну ладно, давай, а то я в транспорте, – женщина отключает телефон, укладывает его в кармашек сумочки. Троллейбус движется по улице Артема от жд-вокзала к центру. Через несколько остановок – областная травматология.

* * *

Возле Киевского райисполкома водовозка сливает содержимое прямо в пересохший фонтан, в центре сквера. Люди черпают воду оттуда.

Район без воды третий день. На Университетской, у неоконченного новостроя, очередь у торчащего из колодца шланга. Пожилая женщина предусмотрительно интересуется: бесплатно или «за деньги»? Кто-то делится информацией: «Хозяин сказал, сколько надо, пусть столько и берут. За его счет. Так что, выходит – бесплатно».

Мужчина, уложив набранные емкости с водой в багажник стоящего неподалеку авто, возвращается к очереди. «Если кому по пути, в район «Бруснички», могу подвезти» ...

* * *

От названия магазина – «Украинские сувениры» – остались только «Сувениры». Но внутри ассортимент тот же – булавки, тарелки «с До-нецком», рушники, вышиванки...

* * *

Рано утром можно наблюдать, как по дворам проскакивают в поисках еды стаи брошенных собак. Вчера с Натальей искали сучку с двумя маленькими щенками. Перед этим несколько дней сильно «бахало» – все попрятались. Теперь она выводит малых только под вечер. Отыскали подопечных недалеко от мусорных баков. Только малышня начала уплетать принесенный «тормозок», как из-за угла дома показались стая из 7-8 взрослых собак. Еле отогнали...

* * *

В коридорах филфака ДонНУ гулкая тишина. На доске объявлений, рядом с кафедрой журналистики, цветастое объявление на хорошей мелованной бумаге, приглашающее студентов вступать в ополчение, с

обещанием обеспечить питанием, денежным довольствием и «содействием в переводе на заочную форму обучения». На дверях кафедры приклеенный скотчем листок с информацией, куда бежать в случае артобстрела...

Еще до войны студенты придумали и воплотили в жизнь замечательный фотопроjekt: представили преподавателей кафедры в двух ипостасях – на работе и дома. Интересно было наблюдать коллег в ситуации «без строгого взгляда». Из всего фотосозвездия, украшающего некогда кафедру, на стене осталась висеть лишь пара портретов...

* * *

Выборы. Скопление пенсионеров. Издали можно увидеть лица и помоложе. Все избирательные участки почему-то не в привычных местах. Очередь к урнам гораздо меньше, чем за картошкой и луком. Распустили слух, что мешок картошки отдают за... 1 гривню. Можно угоститься и выпечкой. Но только после того, как проголосуешь.

* * *

– Ну как рынок???

Серега, барыга со стажем, апатично пожимая руку и пытаясь сформулировать ответ, скользит взглядом поверх своей керамики, расставленной на двух раскладных столиках. Раньше вокруг его «балерин», «голубков» и «зверушек» покупатели роем гудели, а с осени прошлого года у ветерана донецкого блошиного рынка – натуральный застой. Наконец он отрешенно произносит:

– Какой там рынок? Не мой сегмент ... Сегодня в фаворе – кокарды, бляхи, медали с орденами разные... Оптика.

При этом мой знакомец кивает в сторону толпы «жаждущих наград и знаков отличий»...

– О, сМАтри-ка, на шеврон нашего кадетского смахивает, – с акцентом средне-русской равнины обсуждают расклад на столике два белобрисых коренастых парня в камуфляже и плотно прилегающих к стриженным головам беретам. Чуть поодаль новое скопление покупателей из той же публики у расклада почти с тем же ассортиментом...

«Блошиный» в Донецке одним из первых отреагировал на изменение конъюнктуры. Когда осенью прошлого года неподалеку случился «прилет», покупателей как ветром сдуло. Зато продавцам мужества было не занимать. Потом потянулись эти, в камуфляже. Кто за чем. Кто за «дешевым» золотом. Кому шеврон хотелось «позабористей и пострашней». Блошиный начал работать «на спрос». Помню, в пустынь-

ный центр рыночного каре заскочил паренек (где он сейчас?), экипированный как герой любимой интернет-игрухи, начал шарить глазами по столикам. Кто-то из барыг не выдержал, поинтересовался предметом поиска.

– Да мне медальон... Вернее, оберег...

– Не-е... Сегодня не получится... Приходи на следующую субботу – сделаем тебе оберег...

Случалось, привозили «отжатое» и искали хорошего покупателя. «Сделки» заключались здесь же. Это было видно невооруженным взглядом. Сегодня такое встретишь редко. Хотя...

– Часы не возьмете?

Вертялый парень в гражданке, лет до 30, протягивает стоящему за столиком продавцу представительного вида хронометр. Тот берет его, осматривает со всех сторон и авторитетно выносит вердикт:

– Дорогие, наверное... Ты сходи во-о-н туда, на угол, там представитель МГБ сидит. Даст «добро» – поторгуюсь.

Вертялого я сегодня больше не встречал. Видно, правильно сориентировался. А может, «добро» не дали...

На Блошином время летит быстро, пора и честь знать. Иду к останке. Впереди, у бровки, паркуется небрежно размалеванный черно-зелеными красками «бусик». С водительской стороны появляется коротышка с блестящей медалью, нелепо смотрящейся поверх мешковато сидящей на нем теплой камуфляжной куртки, затем выходит молодая женщина выше среднего роста, держа за руку ребенка. Все вместе направляются в сторону Блошиного. Пацаненку видно очень «в лом» эта прогулка, у него начинается ступор, сопровождаемый ревом. Женщина пытается его успокоить:

– Ну пошли... Мы недолго... И поедem домой...

И добавляет последний аргумент:

– Хочешь, медальку тебе купим.

Рев прекращается, жизнь обретает осознанный смысл, но на всякий случай звучит уточняющее:

– Как у папы?..

* * *

Как там в Донецке? В ответ на вопрос, исходивший от родни, уехавших друзей и просто знакомых, раньше чаще всего звучало почти классическое: «Стреляют»...

Позже, когда наступило временное перемирие, услышав этот во-

прос, я академически начинал уточнять: о какой сфере жизни оккупированного города хотелось бы узнать моему собеседнику? О начале «нового государственного строительства», о телепроектах «местного ТВ», картинках в «ящике» и реальной ситуации на улицах, о ценах на продукты или еще о чем? Обобщающий образ «Как здесь, в Донецке» для краткого ответа не всегда получалось сформировать, а вот сегодня, кажется, удалось...

В поисках знакомого врача оказался в стационаре одного из отделений областной больницы. В полутемном коридоре навстречу мне движется человек в больничных тапках на босу ногу, в обвислых шортах, в наброшенной на немного перекошенные плечи спортивной куртке, по всему видно – на перекур: в одной руке зажата сигарета с зажигалкой, а другая придерживает «калаш»...

– А куда он его денет? – вопросом на вопрос отвечает дежурная медсестра на посту. – Здесь у нас оружейной комнаты нет... Только что при себе держать, в палате... А так... Оставь где, свои же и украдут...

После консультации мой знакомый врач предлагает дневной стационар. Обещаю подумать. Уже на выходе из отделения уступаю дорогу еще двум «соответственно экипированным» больным... Через полчаса звоню на мобильный врачу, благодарю еще раз за внимание и – отказываюсь от дневного стационара...

* * *

Как-то «по-тихому», очень поспешно, убрали у входа в филфак ДонНУ барельеф Стуса. Образовавшуюся на стене пустоту закрашивали еще по влажной штукатурке.

* * *

Язык как составляющая национальной идентичности, безусловно, играет в осознании данного понятия не последнюю роль. Однако (и тому есть примеры) далеко не всегда определяющую. И здесь надо посмотреть, чтобы понять... Картинка с натуры. Автобус движется с территории, подконтрольной Украине, в сторону территории ей не подконтрольной, временно оккупированной... Стандартные процедуры прохождения блокпостов.... Один – украинский – уже позади... Приближаемся к следующему. Как обычно, солдат заглядывает в салон, сдержанно здоровается и... Начинается проверка документов... Пассажиры выходят, показывают паспорта, возвращаются в салон... Все проходит немножко с нервами, но без эксцессов... Едем дальше... Приближается блокпост сопредельной стороны... Разномастная форма одежды, другие лица и другая сим-

волика...В автобусе тихо...С заднего сиденья слышится облегченный вздох и устало-возрастной женский голос произносит: «Ну ось, приїхали... Це вже наші...»

* * *

Мой друг Жора (школьное прозвище одноклассника Олега, которое так и осталось за ним по жизни) спустя лет 20 после окончания школы, на встрече выпускников, после выпитой чарки, по-свойски приобняв меня за плечо, произнес: «А ты сможешь так?» После этого он очень энергично начал проговаривать в форме законченных предложений набор не связанных между собой наукообразных слов (минут пять) и, если бы я его не остановил, еще вчетверо больше бы наговорил аналогичной чуши...

Не знаю, кто писал речь новому «министру образования и науки ДНР», но слушать это – надо иметь мужество... Избранные места: ... *«В учебное время в учебные заведения приходят дети... среди них – дети и молодежь»*... *«Мы подгоним наши стандарты обучения под нашу молодежь»!*?!.. *«Меньше информатики - больше ЧЕРЧЕНИЯ!»* (чертежные перья, пожалуй, сохранились только у коллекционеров)... *«Мы отказываемся от профильного образования – переходим к профилизации школ (рабочей молодежи что ли?) – будем ориентироваться на технические и рабочие специальности (легче уж трудового лагеря организовать)»*... *У нас «сверстаны» диссертационные советы, около 50 диссертаций уже на выпуске... ВАК работает по требованиям России»*...

* * *

Еще до войны соседка снизу, тетя Зина, однажды поймала меня в подъезде и как-то неловко улыбаясь... подарила три пары связанных собственноручно носков. Мне, жене и младшему сыну. Красивые носки. Мне достались зеленой расцветки. Правда, один носок быстро прохудился, и в очередном разговоре с «нижней» соседкой я об этом обмолвиться. Она попросила вернуть носок «на реставрацию» и вскоре я ходил в обновленном варианте... Я не раз задумывался потом: с чего бы это? На каком-то году жизни в одном подъезде такая забота обо мне и моей семье? Да, помню, когда-то подвозил ее к родственникам. Иногда, когда она сидела на лавочке возле подъезда в окружении голубей, резал кубиками вчерашний хлеб и относил на «прокорм братьям меньшим». Всегда здоровался. Что еще? За что еще, извините, тебе не лапти, а носки вяжут?..

«Прозрение» таки пришло, но позже, когда соседский презент – носки – заслуженно ушел «на покой». Но я так и не надел «громкие» тапки и немного изменил свою слоноподобную походку: вдруг у тети Зины от моих шагов в квартире – целая канонада?..

...Сегодня ночью под аккомпанемент артиллерийских залпов долго не мог заснуть, но потом сон все же сморил. Утром, перед шестью утра, проснулся уже не от залпов, а от настойчивого и гулкого грохота этажом выше. Ощущение было, что боулинговые шары гоняют по какой-то грохочущей поверхности. Не выдержал, пошел. Может, помощь нужна? На звонок выглянул перепуганный сосед, а затем из-за его спины появилась его супружница. «Ой, прости, – запричитала, – но у нас банка «взорвалась», эвакуируем остальные... Хотя концентрация домашней консервации предположительно в спальне под кроватью способна так вызвать недоумение, аргумент у «нарушителей спокойствия» был все же железный.

Спускаясь вниз, размышляя о бренности бытия, вдруг вспомнил удачный маневр тети Зины и подумал: да лучше ходить почти как японец босым по квартире и просыпаться от того, что у соседей сверху банка взорвалась, чем бормотать сквозь сон всю ночь трехэтажные «пожелания» и вскакивать от разрывов мин и артиллерийских залпов. ГОСПОДИ! ПУСТЬ БУДЕТ ТАК....

* * *

Почему не уехал? Как ответ уложить в слова?

С одним из моих знакомых, гуманитарием по складу ума и роду занятий, совершенно мирным человеком, год назад в оккупированном Донецке случилась неприятная, даже по нынешним меркам, история: в один из августовских дней к нему нагрянули вооруженные люди в камуфляже, с угрожающего вида шевронами, и прямо из дому «забрали» его жену. Трое зашли внутрь, двое остались во дворе и еще двое – в машине за воротами. После обыска на глазах у малолетней дочери маму вывели и увезли в ночь. Допрашивал ее «какой-то чечен». Оказалось, причиной ареста послужило ее поведение в соцсетях: в ФБ она входила в некое виртуальное сообщество, в котором «слишком активно» обсуждались происходящие в городе изменения, шел обмен впечатлениями об увиденном. Как было предъявлено, тем самым «раскрывались точки дислокации ополченцев», указывалось, где и какие объекты укреплены мешками с песком, какие там флаги, эмблемы, лица и т.п. В общем, жену моего знакомого обвинили «в работе на украинскую армию». Пока шли допросы, ее и еще несколько человек удерживали в захламленном и обжитом крысами подвале, спать приходилось, поджав ноги в ободранных фанерных креслах, которые стояли до этого то ли в каком-то кинотеатре, то ли – «красном уголке». В одну из ночей узников разбудили звуки выстрелов за дверь. Вскоре выяснилось, что ви-

ной ночним кошмарам – внутрішні розборки між групуваннями: те, хто їх допитував, поспішно ретировалися, а узниками займалися інші озброєні люди, з уже іншими ґвардіями на камуфляжі. А через пару днів дали можливість зв'язатися з рідними і – відпустили. Коли мій знайомий, к тому часу об'їздивши з друзями всі можливі точки пошуку – блок-пости, батальони, штаби, забрав жінку додому після майже десяти днів її заточення, всі, хто був в курсі трапилося, були впевнені, що сім'я, рятує від наваливаючих страхів, дуже швидко покине окупований місто. Однак цього не трапилося: в найближчу суботу чоловік поїхав на ринок – за саджанцями декоративних і фруктових дерев. Знайомий довго потім сів на твердість ґрунту в дворі.

* * *

Україна перейшла на зимній час, перевівши стрілки на годину назад. В Донецьку – не переводили. Тут години поки відбивають час «по Москві». Вїжджаєш з Донецька: дякую, Україно, за подарований час життя! Повертаєшся назад, вїжджаєш в Донецьк – старієш на годину. І у кожного своя ціна цього часу...

Михайло Драпак

ПРАВО НА СВОБОДУ МАРЕНЬ

Китайський філософ доби пізнього даосизму Джан Цзе із притаманною східній свідомості поетичністю сформулював розуміння сну та дійсності, природи людського духу та почуття. Сувій давнього паперу зберіг розповідь про те, як Джан Цзе в одному із снів побачив себе прекрасним метеликом. Але розум філософа зрозумів це по-своєму: мислитель не залишився певним, що насправді він метеликом не є. Можливо, людська подоба та життя – лише сон.

З огляду на цю згадку, українців можна вважати даосами. Бажаючи назвати усі жахи історії, що вони випали на наше життя на початку ХХІ століття, лише страшним сном добре вписуються у модель Джан Цзе. Але наскільки привабливим не було б порівняння, усі виклики – війна, смерті, переселення та руйнування – ми маємо перенести наяву.

Усвідомлення марності сподівань на чудесне спасіння до багатьох прийшло: той факт, що хтось узяв до рук зброю, кермо волонтерської машини, фотокамеру і рушив на схід, говорить про спротив реальності. Але все ще лишається категорія людей, значна за своїми «обсягами», що всіяко сподівається, що останніх двох років не було. Ті, хто залишив рідну Донецчину, особливо на це страждають.

Навряд чи такий стан можна ставити на карб тих, кого закон назвав «тимчасово переміщеними особами», або ж тих, хто взагалі живе на «тимчасово непідконтрольній території». Емоційне потрясіння та неготовність українського суспільства до явища біженства та окупації (хоча ці риси – незмінні в нашому національному портреті) зробили свою справу: вічно не готові до викликів майбутнього мешканці українського Сходу стали чужими й у сучасності. Довершили справу й багаторічні міфи, що їх десятиліттями виробляли довкола нашого краю, і чиїм породженням ми стали, хай навіть антагоністичним.

Життя в степах Донецчини, вочевидь, породило особливу любов до дум минулого. Відтак воно із пристрасті переросло в саме життя: ті, хто раніше й сьогодні мешкали / мешкають у Донецьку, Горлівці, Дебальцевому, Луганську, Алчевську, живуть своїм минулим. Кожен їхній новий день пов'язує із днем вчорашнім. Публікація фото декількарічної давнини із дому, «відзначення» дат переїзду, постійне вгадування рис Донецчини в усьому доколишньому про це ясно свідчать.

Минуле має право та необхідність на пам'ять про нього. Але воно не має власних сил до існування.

У цьому найбільша суперечність уявлень «східняків» про себе і свій край. У цьому й найстрашніша біда, що зараз заступає навіть революцію із війною. Більшість із нас воліє отримати повернення до того «Донбасу», який так добре запам'ятався. Ми його відтворюємо майже повсякчас у своїй свідомості. Щоправда, дехто каже, що нині – він труп. Що того «Донбасу» більше нема.

Але чи був він колись?

Метафора Джан Цзе починає діяти. Навряд чи те, що зараз називають «Донбасом», взагалі колись існувало. Ми проkliнаємо багатолітню пропаганду, міфи «краю трудівників», фанатичну прихильність їм багатьох наших знайомих, адже це, мовляв, перекреслило майбутнє цього самого краю. Та він навряд чи його мав від початку.

Якщо повірити далекосхідній філософії, можна пофантазувати, що це був лише сон. Що все це траплялося із нами, але в якійсь особливій, химерній реальності. Це цілком можливо, але вже відомо, куди такий сон (навіть у формі сну) нас приведе. Натомість, ми не маємо нічого взамін.

Можна вдатися до творення нових міфів і створити концепцію нової Донеччини: мільтонівський «втрачений рай» тут видається особливо привабливим. Але саме тепер історія нам показує, чим закінчуються міфи. Будь-яка ідеологічна вигадка може містити ретельний розрахунок. А найстрункіші теорії, як писав ще один утікач із східної України, Юрій Шевельов, створюються поза дійсністю.

Дійсність із порожніми домівками та серцями, перестиглими полями та думками там, на Сході, і тут, на великій і вільній, підступає. Дедалі більше відбирає в нас наше майбутнє. І бажання зробити її сном тільки підвищує рівень небезпеки: воно блокує волю до спротиву.

Сну протиставляється щасливе марення.

Марення – це завжди про бажане, це завжди породження царини духовного, тобто, найкращого в людині. Можливо ті, хто сьогодні сумує за старим «Донбасом», вже не здатні витворити мрії. Можливо, їхня свідомість віддала вже багато потуг минулому. Мені ж хочеться вірити, що будь-хто із тих, хто ще асоціює себе із Донецьком, Горлівкою, Дебальцево, Луганськом, Алчевськом тощо, здатен на створення нового марення, що заступить дійсність і переведе її до рангу звичайного сну, а то й спогаду. Адже, як писано вище, марення – царина духовного. Ми маємо душі, аби виробити нову візію Донеччини. Не такої, якою ми її бачили. Такої, яку ми її хочемо побачити.

І ця мрія продиктована не історичною необхідністю віри (хоча й вона відіграє тут значну роль). Насправді, усі потрясіння та бажання врятувати рідне на краю української землі, породжені любов'ю до неї та до її людей. Більшість в Україні живе нею вже другий рік.

Право на свободу марень ніхто не здатен забрати. Цією свободою не скористаються лише ті, у кого не залишилось любові.

Анна Манухина

СОЛНЦЕ УКРАИНЫ ВСТАЕТ НА ДОНБАССЕ

Несколько дней назад режиссер «Театра переселенца» Георг Жено спросил меня: «Есть ли у тебя что-то, что напоминает тебе о доме, помимо вещей и людей. Возможно, какое-то место?»... Есть, конечно. Такое место наверняка есть у всех, но для меня это не лавочка в сквере, не парк Щербакова, не «Донбасс-Арена» и не набережная. Это место – тер-

рикины. Первая картинка, которая моментально всплыла у меня в голове – вид из моего окна, террикины осенью. Наверное, потому, что осенью я их видела в последний раз...

Кстати, у нас есть «Театр переселенца» можете представить? Вспоминаю книгу Наталии Гуменюк «Майдан Тахрир»: Палестина, лагерь беженцев, город Джанин, который находится на западном берегу реки Иордан, 18 тысяч палестинцев живут на территории меньше одного квадратного километра. В этом лагере режиссер Джулиано создает «Театр свободы». В нем нет актеров, все истории настоящие, а рассказывают их вполне реальные беженцы. Джулиано хотел сделать не просто театральную постановку, он хотел изменить образ мышления беженцев, избавить их от посттравматического синдрома...

«Театр свободы» – «Театр переселенца», страшное слово «беженцы» заменили на менее пугающее «переселенцы». Наверное, поэтому я и не хотела оформлять никакие справки, получать какие-то статусы... Какие переселенцы? Я в своей стране! Но сейчас в моем новом паспорте стоит печать миграционной службы...

Могла ли я когда-нибудь подумать, что история Палестины может повториться в Украине? Нет, конечно! Но сейчас я еду в метро с репетиции театральной постановки «Где Восток?».

Эти репетиции не просто для того, чтобы лучше подготовиться к премьере, а, скорее, чтобы разобраться в себе. Мы сидим в кругу и рассказываем Георгу свои истории, рядом с ним сидит военный психолог и мой друг Алексей Карачинский, он постоянно что-то записывает в свой блокнот. Здесь тоже нет актеров. Кто-то во время рассказа не может сдерживать слез, не от того, что так хорошо играет свою роль, а от того, что это все реальность, пережитая им лично. Мы ничего не говорим, не успокаиваем и не хлопаем по плечу потому, что понимаем. Уже больше года прошло, а травмы остались прежними. И вот ты сидишь там, и слушаешь всех этих людей, таких разных, совсем одинокую бабушку из Луганска, семью из Донецка, девочку из Макеевки... И понимаешь, насколько мелкие твои проблемы, насколько сильные эти люди, насколько прекрасны их порывы делать что-то новое для города, который их приютил, что-то отдавать, а не только потреблять, что-то менять в отношении к себе, ко всем «переселенцам».

Когда Георг задал мне вопрос о воспоминаниях, о том, что ассоциируется у меня с домом, я не случайно назвала террикины, ведь так много связано с ними!

В первую очередь, это мой вид из окна. Любимое время с 4 до 5 утра я проводила на балконе с огромной кружкой чая и фотоаппаратом. Я

смотрела, как встает солнце из-за терриконов, для меня солнце Украины всегда вставало здесь. Это невероятно красиво. Такие моменты делали меня счастливой. Возможно, кому-то это покажется глупостью – испытывать счастье от терриконов, груды породы, которая вечно тлеет, имеет радиоактивный фон и загрязняет окружающую среду. Но для меня счастье в мелочах, таких, как эти терриконы, минуты рассветов и закатов, проведенные на их вершинах...

Только представьте: вы открываете окно и видите перед собой эти горы, весной они укутаны цветущими белоснежными абрикосовыми деревьями, летом – зеленью, осенью – красными, желтыми, оранжевыми красками, а зимой можно наслаждаться настоящими заснеженными вершинами. Я делала сотни фотографий, я могла делать их каждый день, каждый этот рассвет и закат казался мне особенным, и мне всегда было мало, как будто кто-то отберет у меня этот вид из окна. Так и случилось.

Я рассказывала Георгу, как была на премьере фильма «Край земли» режиссера Кристиана Жереги. Он сделал большой материал из зоны боевых действий, в фильм вошли несколько историй разных людей, разных профессий, из разных батальонов и разных городов. Когда я увидела кадры из Песок (поселок, граничащий с Донецком, где шли ожесточенные бои), у меня перехватило дыхание, я смотрю на парня из «Правого сектора», а за его спиной вижу терриконы. Мои терриконы. Понимаете?

Здесь их позиции, а там, за этими серыми горами, мой дом. И мое окно.

Я обожала подниматься на любимый террикон, все время тянула туда своего друга на рассвете.

– Привет, ты не спишь? Собирайся, пойдем на террикон.

А он сонным голосом отвечал мне:

– Конечно, не сплю! Четыре утра! – и все равно соглашался составить мне компанию.

Я собирала в рюкзак штатив, фотоаппарат, бинокль, готовила имбирный чай в термосе, при этом разбудив весь дом (я же как слон в посудной лавке). Мама просыпалась и, конечно, возмущалась, что я еще даже не легла спать, риторически вопрошала, куда меня несет в такую рань («Вечно какие-то приключения?!»)

А мы сидим там, наверху, пьем чай и смотрим, как просыпается наш город, небо затягивается серым смогом, из труб металлургического валит дым и встает солнце, которое отражается от крыши «Донбасс-Арены», виднеются телевышки, королевская башня, поля и терриконы.

Ну и, конечно же, я делаю фотографии, люблю смотреть на город сверху. Много видишь по-другому, когда вглядываешься издалека – так нас учили в художественной школе. Нарисовал – отойди и посмотри со стороны. Так же и я видела этот город со стороны, по-своему.

Думаю, любовь к терриконам (да и к фотографии, и к журналистике) у нас – семейное. Дедушка был в молодости шахтером, потом преподавателем, внештатным корреспондентом, фотографом, а его брат писал стихи и песни, однажды он сочинил «Шахтерский вальс», в нем есть мои любимые строчки:

На донецкой земле терриконы -
Сотни тонн пережжённых пород.
Окроплённые потом и кровью,
Подпирают седой небосвод.

Они сильной шахтёрской рукою
Были выданы к нам «на-гора».
Терриконы, мои терриконы,
Наступает прощанья пора.
Владимир Дворянчиков

Вот только я верю, я знаю, что прощанье наше временное, мой город всегда был и будет неотъемлемой, восточной частью Украины.

Екатерина Пилипенко

ДОЧЬ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

В нашей семье есть семейная реликвия – маленькая японская чернильница из черной керамики в виде кошечки. В детстве моя мама с бабушкой два года прожили на Сахалине, в память об этом и осталась эта вещица. История ее удивительна и, как оказалось, знаковая для нашей семьи. Когда после Второй мировой войны остров достался СССР, японцы вынуждены были спешно оставить свои дома. Они зарывали в землю утварь и предметы быта, видимо, надеясь еще когда-нибудь вернуться назад. Новые переселенцы, советские работяги, потом еще долго находили такой японский скarb то в огородах, то на сопках...

...Вспоминая события почти полуторагодовой давности, сама удивляюсь тому, до чего же тяжело снова погружаться в эти переживания. Причем не сам переезд, собирание вещей, устройство на новом месте причиняют боль, нет. Это все уже было логичным следствием и единственно правильным путем на тот момент, поэтому этот процесс дался легко, с внутренней стальной уверенностью и решимостью. Просто до этого столько произошло маленьких и больших разочарований и предательств, что до сих пор наша общая «тема» где-то глубоко внутри отдается тупой болью...

Однако останавлиюсь я на другом. Боюсь, что мой рассказ будет несколько диссонировать с общим настроением болезненной тоски по разным уголкам Донбасса тех, кто вынужден был из-за войны оставить свои родные дома, и убежденности обязательного возвращения назад, как только станет это возможным. Я представляю ощущения другой половины населения Донбасса – некоренной, которая так и не смогла врасти в эту землю и жила со взглядом, обращенным вовне...

Сколько из нас, оказавшихся на новых местах по Украине, обижало и унижало это страшное слово – «переселенец»! Это клеймо, которым нас затавровывали бездушные бюрократы, вызывало отчаянное отторжение и возмущение в наших рядах и было неоднократно топовой темой в соцсетях. Удивительно, но в какой-то момент я начала осознавать, что меня это слово почему-то не то чтобы не вгоняет в депрессию, но даже особо не задевает. Основательно покопавшись в своих ощущениях, я поняла – не может слово «переселенец» оскорблять человека, рожденного в семье переселенцев. А проанализировав историю своей семьи, я обнаружила множество удивительных параллелей, синусоид и других линий, причудливо рисующих сложные узоры моей жизни и жизни моих предков и складывающиеся в определенные повторения и закономерности. Именно это и помогло снова найти определенную свою точку опоры, которую бесцеремонно вышибли грязным сапогом там, дома...

Русская девушка из Казахстана встретила простого украинского парня с Черниговщины в военном госпитале в ГДР, они поженились и осели на Донбассе... Такие истории довольно типичны для размашистой географии нашего общего советского прошлого. Распад СССР не только оборвал множество связей между бывшими республиками, но и приучил нас жить более оседло в новых границах. Но сложное космополитское мироощущение осталось...

«Я на Западе крайнем живу, – а сердце мое на Востоке», – написал когда-то средневековый еврейский поэт Иегуда Галеви. Нечто подобное

всегда ощущала и я, только географические направления в моем случае более абстрактны. Знакомство с прекрасными Киевом, Львовом, Черниговом и летние каникулы в живописнейшем украинском селе, с одной стороны, а с другой – поездки в Казахстан и в Россию к родственникам напитывали меня такой разнородной энергией и впечатлениями, после которых родной городок Авдеевка под Донецком казался серым и тесным. Мне было непонятно, как могут одноклассники не интересоваться, что там, за пределами области, не выезжать дальше ближайшего села, где живут их бабушки-дедушки. К тому же родители никогда не скрывали, что мы тут временно, и они, как многие в советские годы, приехали на Донбасс за заработком и квартирой. Поэтому особо «врастать» было вроде некуда и незачем. 90-е годы заставили просто выживать и искать свое место в новой действительности, примирив с мыслью, что и тут жить тоже можно.

Видимо, поэтому я никогда не считала себя ни «донецкой», ни даже авдеевчанкой. Для себя определила, что я просто украинка и точка. Да, русскоговорящая, воспитанная на русской литературе, и не умеющая изначально правильно произносить привычную всем фрикативную «Г» – но все равно украинка. Это было так же просто для меня, как дважды два – четыре, ведь живу в Украине, фамилия в конце концов украинская – так какие же еще могут быть вопросы или разночтения?

И, конечно же, упрямо хотелось, чтобы местные тоже открыли для себя Украину, сделали движение вперед в понимании этого культурного и исторического богатства. Однако советское прошлое и близость во всех смыслах новой России, к сожалению, не оставляло практически ни одного шанса...

Вспоминая события Майдана и «русской весны», на ум приходит сравнение с сартровской «Тошнотой»: ощущение безумства происходящего отдается внутри тебя спазмами и постоянным комком в горле; периодически накатывает одиночество, когда обрываются привычные связи с родственниками и друзьями, по одной фразе которых вдруг понимаешь, что это совершенно чужие, не-твои люди; а самое главное – ты все ждешь, когда же это закончится, ведь не может массовое помешательство быть вечным, но оно, словно по спирали, все только набирает обороты...

Как известно, тошнота может закончиться либо волевым решением «два пальца в рот», либо ожиданием, когда измученный организм сам не стошнит. Я выбрала первое.

Лучше всего подходит в этом случае английское слово «escape», ибо именно оно означает спасительное бегство или освобождение... Помню, как мы с мужем дружно выдохнули и чуть не заплакали в вагоне поезда,

когда наконец-то на маленькой станции еще Донецкой области увидели украинский флаг.

Но удивительное дело – приехав в Киев, я тут же стала «донецкой». И теперь моя внутренняя толерантность, своими корнями уходящая в семейную историю и болезненно реагирующая равно как на слова «кацап», «русня», так и на «бандеровец», бурно протестует против здешних «наездов» на жителей Донбасса. Теперь я точно осознаю, что независимо от того, вернусь я назад или нет, Донбасс всегда будет в моем сердце, и я буду его «адвокатом» тут, так же как раньше была «адвокатом» Украины там. Должна признать, что это удастся. Становится как-то тепло на душе от ощущения выполнения своей маленькой миссии, когда снова киевский собеседник от изумления, что я из Донбасса, переходит к оптимистично-утешающему «везде есть нормальные люди» и признанию того, что война – это наша общая беда и ответственность.

...Еще школьницей, разглядывая японскую чернильницу, я часто задавалась вопросами, что чувствовали эти люди, в спешке убегающие из своего дома? Как это – закопать в землю любимые вещи, которые просто физически не можешь унести с собой? Теперь я это хорошо понимаю. Наверное, только такие испытания и могут заставить понять нас истинное значение фразы «Чужой беды не бывает», а значит стать ближе к другим людям, народам, этносам. И стать милосерднее...

Валерія Пилипак

НАША ІСТОРІЯ...

Вінниця, літо 2013 року

Вечір. Ми з чоловіком вперше на набережній «Рошен» в обласному центрі його рідної Вінниччини. Останній раз ми тут були ще в 90-х, коли приїхали за 150 км від села подивитись місто. Тоді воно мене не вразило... Я – дівчинка з Донецька, примхлива городянка... А ще захоплені ми були надто один-одним, ніж невеличким тихим містом над Південним Бугом. Тим більше, що й Буг у нас був свій, чистий і близький, недалеко від села...

Але тепер майже двадцять років по тому Вінниця нас вразила красою фонтану, світлом і кольорами, посмішками і якоюсь європейські-

стю. Чи то атмосфера теплого вечора, чи то музика, чи то усміхнені і веселі вінничани на нас так вплинули, але чомусь обом нам прийшла думка, що це місто могло б стати гарним місцем для життя – веселе, тепле й рідне...

Та воістину стережися своїх бажань, бо вони можуть справдитись. Давно люблю М. Булгакова, але цю його думку по-справжньому зрозуміла і відчула на собі лише зараз. Ніколи не знаєш, куди тебе заведуть твої бажання, і коли вони здійсняться – ти не будеш знати, радіти тобі чи плакати.

Донецьк, 6 жовтня 2014 року

Ми трясемося в невеличкій вантажівці з нехитрим скарбом того «необхідного», що вдалося похапцем вивезти (потім життя показало, що необхідність тих речей зовсім відносна – половина з них так і лежить десь у батьків чоловіка в селі; а головними на той час були підтримка і розуміння однодумців, друзів і коханої людини) зі вже незрозумілого, некомфортного, а то й небезпечного для нас рідного міста, міста нашої молодості, студентських років і професійного успіху, міста народження наших дітей і теплого, незабутнього спілкування з друзями. Пам'ятаю ту дорогу... Їхали через Мар'їнку – Курахово. До межі з Дніпропетровщиною було страшно: блокпости, зброя, «Донецьк» (без м'якого знаку і розмальований, наче брудний обідраний страждалець), «мины» і «міни», і соняшники обабіч дороги десь між Донецьком і Мар'їнкою, яким вже ніколи не судилося бути зібраними через війну... Їх чомусь стало так жалко, а на справді – себе, свого чоловіка, що залишив посаду через свою проукраїнську позицію і їхав у нікуди (було трохи смішно, але крізь сльози, що тут же, в дорозі він прийняв чимало дзвінків з нагоди Дня учителя – це була перша неділя жовтня), до болю жалко своїх батьків, з якими тільки що попрощались, не знаючи тоді, коли побачимося, тата, що схлипував, мов дитина, а я не сказала, що дуже люблю його...

А перед тим був цілий страшний і, водночас, переможний для нашого українського духу майже рік... Бо події від кривавого Майдану Київського до страшних і відчайдушних Майданів українського Донецька, від захоплення «зеленими чоловічками» Криму і Слов'янська до вторгнення російських військ на наш Донбас після 24 серпня 2014 року перевертали душу, не давали спати ночами серед новин і стрімів, давали зрозуміти, що вирішується щось настільки важливе – тут і тепер. Життя наче поділилося на до і після, з постійною тривогою і неспокоєм після

— за життя, за майбутнє, за цінності (Що ж тепер головне? Як жити? Що ж далі?).

То чи могли ми не піти на найбільший проукраїнський майдан в Донецьку на площі Леніна, що відбувся в березні 2014 року? Пішли і відчули щастя, гордість за Донецьк, бо зустріли там і своїх друзів, і своїх учнів і їх батьків, і своїх студентів, і своїх колег — інтелігентних, розумних, щирих, зігрітих теплом жовто-блакитного стяга... Але таких беззахисних перед чужими, чорноротими проросійськими маргіналами-вбивцями...

А чи могли спокійно сприйняти зникнення українських каналів з кабельної мережі (на наші гнівні питання була суха відповідь оператора — наказ керівництва ДНР), а також українських і донецьких регіональних передач дротового радіо на кухні зі старенького приймача... натомисть появу відверто пропагандистських, якихось оскаженіло антиукраїнських новин ДНР та трансляції російської футбольної ліги і прогнозів погоди для Московської області?

Чи могли не везти влітку при кожній нагоді на українські блокпости воду, їжу, цигарки українським солдатам, які вже тоді дивились на нас з недовірою, бо було вже за що: смерті українських армійців під Волновахою та льотчиків під Слов'янськом (Невже ви в Донецьку можете бути проукраїнськими, ми ж для вас — бандерівці і правосеки?)?

Останніми краплями стали неможливість проводити шкільну лінійку в україномовній школі українською мовою (донос на чоловіка в поліцію ДНР і виклик з'явитися на допит), незрозумілий шматок тканини неіснуючої «республіки» замість українського прапора на флагштоці університету — а отже, розуміння, що мої діти, які за довге, «холодне» літо 2014-го стали майже повністю україномовними, а старший 12-річний син ще й ярим захисником «хунти», фізично і психологічно не зможуть бути молодією зміною донецьким адептам «руського мира», що холоднокровно і показово розстрілюють своїх же одурманених прихильників прямо на зупинках громадського транспорту чи біля супермаркетів або знущаються з полонених та ідеологічних противників, чи підлю ховають тяжке озброєння в жилих кварталах, наражаючи на небезпеку «ответки» мирних містян.

Вінниця, осінь 2015 року

Наше необережне бажання здійснилось — ось уже рік, як ми живемо у Вінниці, і навіть півроку довелося жити майже біля казкового фонтану «Рошен» (Старе місто)... Так, все за Булгаковим, ми плакали, сумуючи на рідними донецькими стінами та родичами, і раділи, що наші діти

в безпеці і не вміють розрізняти боєприпаси лише за звуком їх польоту... Так, чоловік все ще лишається для вінничан «донецьким», родом з Вінниччини, а усі інші «донецькі» – чого саме сюди понаїхали: і без вас роботи немає. Та душа не розривається, ми не ховаємо свої думки і слова, боячись за своє життя, ми вільні... Спасибі за це, Україно!

Ми – внутрішньо переміщені особи, біженці, мігранти, переселенці або приховані сепаратисти, що раптом «неправильно» проголосують... Здається, Україна й сама до кінця не єдина у визначенні нашого статусу. Та головне те, що ми самі від самого початку наших поневірянь усвідомлювали, що ми є українці, а Донецьк і Крим – це Україна. І не треба нікому більше нічого доводити – час і справи скажуть самі за нас.

А бажати ми все одно будемо... Добра, віри, терпіння і МИРУ усім на нашій українській землі!

Светлана Павлюкова

МОЁ ЛЕКАРСТВО

(история одного путешествия)

Пару лет назад я нашла самый верный способ возвращать себе веру в человечество: путешествовать автостопом. Если вы сомневаетесь в «хорошести» людей, вам пора поднимать большой палец кверху на какой-нибудь оживленной трассе в интересном для вас направлении.

Впервые я совершила путешествие автостопом в 2013 году. С тех пор каждое лето я стараюсь принимать это как лекарство. Я – не вынужденный автостопщик. Я – автостопщик-романтик. Я могу себе позволить ездить за деньги. Но! И вот тут снова это прекрасное «но!» Пока я еду куда-то автостопом я успеваю разделить десятки жизней, я получаю уникальную возможность прожить часть пути, проехать временной отрезок по правилам человека, который меня везет. Совершенно мне незнакомого.

История, которую я хочу рассказать, начинается в одной из киевских квартир. В этом доме я лежу на щедро выделенном мне кусочке пола, и это действительно щедро. В переделанной из малосемейки однушке нас проживало трое взрослых и один ребенок. В скором времени должны были приехать еще и родители хозяйки жилья из крайне неспо-

койной, Горловки. Это уже пять больших людей и один маленький. Мне нужно было куда-то ехать. Стены давили, в них не помещались мысли. Ленты новостей пестрили заголовками о жертвах, родители иногда признавались, что ночуют в подвале гаража. Всё внутри меня противилось происходящему. Люди просто не могут поддерживать это всё! Мне нужно было понять, выяснить о чем они думают. В один прекрасный момент я поняла, что может расставить все по своим местам: Автостоп! Уличный музыкальный тур по западной Украине.

Я нуждалась в общении. Я хотела узнать людей и хотела, что бы люди узнали меня. Я не питала иллюзий или страхов. Украина слишком большая, что бы все люди в ней были одинаковы. Во многих вопросах мы даже слишком разные, но разве у нас есть причины для ненависти? Я не верила. Но я хотела убедиться в своей правоте.

Первым делом я продумала маршрут. Киев – Житомир – Ровно – Львов – Тернополь – Хмельницкий – Винница – Киев. Теперь осталось найти друзей. В соцсетях я отыскала сообщество Автостопщиков и Каучсерферов (люди, которые готовы принять гостей да и сами не прочь где-нибудь погостить). Я писала людям их этих городов все, как оно есть. Примерно так: *«Привет. Мы музыканты из Донецка. Едем автостопом по городам Украины. Подскажите, где в вашем городе играют уличные музыканты, где можно разбить в черте города палатку и как нам выехать на трассу в направлении следующего города»*.

Первая же девушка, которой я это отправила сообщение, убедила меня в правильности моей идеи. Катя из Житомира, с которой мы общаемся и по сей день, написала мне, что они с парнем готовы принять нас у себя дома. Предложила играть не только на улице, но и в каком-нибудь заведении и помогла в организации концерта.

Без ответа в тот вечер не осталось почти ни одного сообщения. Совершенно незнакомые люди приглашали пожить у них, помогали найти место для выступления, обещали провести экскурсию по городу. Совершенно незнакомые люди!

Мы проделывали это каждый день, но я опишу наш первый выход. Утро субботы. Ранее утро. На самом деле сложно объяснить то, что чувствуешь, когда выходишь из автобуса на широкую (или не очень) трассу в направлении чего-то нового. И ты совсем не знаешь, что тебя ждет! Каких людей ты встретишь, какие события будут крутить тебя ближайшие дни. Мы стояли и дышали. Какое-то время просто смотрели на машины, не останавливая их. Набираю маму: «Мы выехали. Позвоню с первой машины. Как у вас? – Сегодня тише, спали дома. – Хорошо. До связи. – Удачи!».

Когда мы садились в первую машину, я вспоминала просьбу родителей: «не говорите, что вы из Донецка». Увы, я – непослушная дочь. Когда ты путешествуешь автостопом, главное, что ты можешь дать водителю – это правда. Тем более, что у нас ее было много, пусть и субъективной. И мы говорили. Говорили каждому встречному откуда мы, легко и без опасений. Все менялись в лице, но не так, как могли бы подумать мои родители. Люди не выражали враждебности или злости, они морщили лоб от сочувствия и тихо спрашивали: «Как у вас там?». И мы рассказывали. Все, что думаем и знаем. О донецких людях, о разных донецких людях. Пели песни на украинском, нередко и разговаривали на нем.

Как же много людей из Львова, Тернополя, Ровно удивлялись моему украинскому! Как много украиноязычных встречных переходили на русский, что бы мы могли быть эмоциональнее. Но самое приятное и странное чувство, когда язык разговора разный. Мы же прекрасно понимаем два языка. Но для кого-то родной украинский, для кого-то русский. Зачем же отнимать у собеседника возможность узнать тебя еще и на эмоциональном уровне? Мы провели десятки содержательных и максимально чувственных бесед на разных языках. И это прекрасно. Одним из фиктивных пунктов начала конфликта, был именно язык. Но проблемы такой нет. Её вбили в головы, как и сотни других. Так в принципе поступает общество, это проблема не только нашей страны. Кто-то подобрался ближе к пониманию чего-то «другого», кто-то всё также ненавидит и боится всех, кто хоть чем-то отличается. Украина – большая страна. И так сложилось исторически, что каждый регион – особенный. Это нужно ценить, а не бояться друг друга.

Когда я договаривалась о выступлении во Львове, арт-директор заведения предупредила меня, что петь у них можно только на украинском, такова политика. Мы могли бы найти и другое место, но это был своего рода вызов. Благо, часовая программа украинских песен набралась, и мы смогли там выступить. Как только мы допели последнюю песню, нас попросили исполнить что-нибудь еще. Я честно призналась зрителям, что у меня закончились тексты на украинском языке. Не могу сказать, что поднялся бунт, но на русском мы спели не одну песню. После концерта к нам подошел звукорежиссер и предложил записаться у него, совершенно бесплатно. С Ромой мы дружим и по сей день. Мы записывались у него не раз, и это были наши первые треки. Мы с Ромой – очень разные и от этого нам только интереснее. Конечно, мы спорим, наши взгляды отличаются. Но как же это ценно узнать, почему люди той или иной территории думают по-другому. Мы пытаемся понять наши

взгляды, объяснить их, прийти к чему-то общему. Почему не все это могут?

Донецк – большой город. Как и Киев, куда я вынуждено переехала. В таких городах свои законы, и они мне не очень нравятся. Это не значит, что я их не люблю. Мы же любим кого-то, несмотря на его недостатки. Но как же ценно было увидеть и другую Украину. Размеренную. Во всех областных центрах, в которых мы пели, мы видели часы, своеобразные биг-бены. Зачастую они находились на центральных площадях или улицах и как бы следили, что бы все происходило в свое время. Люди в таких городах, кажется, не спешат жить. Все как-то проще и понятнее. За последние полтора года я научилась ценить время и простоту. Многие жители Донбасса научились этому. Мы перестали стремиться обрести чем-то материальным, стали легче. И этим, наверное, еще больше стали отличаться от жителей запада страны, где каждый стремиться создать и обустроить свое гнездышко. Желательно, что бы оно было не хуже, чем у других. Это и сами жители западных областей нам рассказывали не раз. Здорово, когда люди умеют посмотреть на себя со стороны.

В нашем путешествии нам встретилось очень много открытых людей. Саша говорил, что Вселенная чувствует, что нам нужно. Парень, у которого мы жили в Тернополе, вообще поехал с нами дальше. Хотя, когда мы только приехали, он фотографировал наши паспорта. Он жил с нами в Хмельницком пару дней у человека, которого мы и сами до этого не знали, и с которым теперь он очень хорошо общается. В Виннице дважды за 10 минут нам предложили пожить у себя совершенно незнакомые люди. Мы шли с рюкзаками по городу. Остановились у светофора. И я увидела, как нам машет какой-то парень на велосипеде. Я помахала в ответ, хотя и подумала, что он обознался. Но он уже ехал к нам, спросил путешествуем ли мы, кто мы, откуда. Не прошло и двух минут, как он спросил: «Вам есть где остановиться?» В тот момент я даже пожалела, что у Саши в Виннице оказались родственники. Попрошавшись с велосипедистом, мы не прошли и ста метров, как рядом с нами остановилась машина. Водителя заинтересовал Сашин барабан. Дальше последовал похожий диалог о нас и нашем путешествии, да и закончился он также. Второй незнакомый человек за 10 минут предложил нам остановиться у него. Просто так. Во время этой поездки нам давали деньги – просто так. Нас угощали почти все водители. Все искали нам жилье, хотя и оно у нас было. Все приглашали приехать к ним в следующий раз.

В последний день, когда мы уже ехали из Винницы в Киев, нас высадили на какой-то Богом забытой трассе. Машины проезжали редко,

и мы уже начали расстраиваться, что не успеем заехать в Умань. Мы очень хотели погулять там по парку. Из-за поворота показалась машина. Саша сказал: «Всё, это наша». И она действительно оказалась наша. Правда, когда открылись двери, мы засомневались. В легковушке находилась семья с двумя детьми и куча вещей. А у нас на плечах огромные рюкзаки, а в руках инструменты. Мы попытались отказаться, но нас и слушать не стали. Запихнули в машину нас и наши вещи. У Саши на руках дети, и он читает им сказки, у меня на руках гитара, и я общаюсь с водителем. Семья ехала из Львова в Одессу. На эту дорогу заехали по ошибке, но, как оказалось, совершенно не случайно. Водитель признался, когда-то давно, в девяностых годах ему нужно было доехать домой, а деньги закончились. Тогда никто не остановился, что бы подвезти его. Мужчина поклялся сам себе – когда у него появится машина, он будет подвозить всех. В общем, мы оказались в нужном месте в нужное время. Я уже и не помню, на каком языке мы разговаривали, нам всем было очень комфортно. Оказалось, что наши спасители тоже никогда не были в Уманском парке. Мы поехали туда вместе. Гуляли там несколько часов, играли с детьми. На прощание мы подарили малышам свои шапки, которые купили еще в начале нашего пути, в Житомире. Прощались мы как родные люди. Надеюсь, они хорошо отдохнули тогда в Одессе.

Я бы хотела, что бы все совершали вот такие путешествия, как мы. Не обязательно автостопом. Неважно как вы будете ехать, важно общение. Не закрываться в себе, в своих домах, городах и странах. Можно винить в том, что происходит в Украине кого угодно, да только это мы всему позволили случиться. Иногда, бездействие – лучшее действие. Если бы никто не взял оружие в руки, если бы все отказались стрелять, может, ничего бы не было... Люди бояться только, чего не знают. А что мешает нам узнавать?

Этим летом я тоже путешествовала автостопом. После трудного года в чужом городе мне понадобилось это лекарство. И оно снова действовало. Любое путешествие – это маленькая жизнь. Я совершенно не знаю, что меня ждет и где меня ждут. Автостоп – это маленькая версия моей жизни. Такое путешествие непредсказуемо. Иногда, приходится очень сложно, но в итоге всегда одно – счастье. Значит, и жизнь приведет меня к тому же.

Олена Росінська

«СЕРЦЕ МОЄ УКРАЇНСЬКЕ ЗІ СХОДУ...»

смійся, дитино, / бо нам ще лишається сміх / чорний від горя / і від пережитого страху / плечі без голів / і хати безлюдні без стріх / рани, які вже ніхто / і нікому не гоїть... / смійся на кутні – / твій світ опинився в огні, / що не очищує, / тільки лякає і палить... / смійся, бо доти, / поки ще лишається сміх / смерть ще тебе не торкнеться, / іще остаточно не звалить... / це не позбавить / ні страху, ні болю, ні сліз... / смійся, дитино, / лиш смійся і смійся і смійся... / смійся на кутні, / бо нам ще лишається сміх... / бійся любові, / ненависті тільки не бійся (17.08.2014)

Я – донеччанка, і я ДУМАЮ українською. Не тільки говорю, а саме думаю. Мені важливо підкреслити це для тих, чиє мислення – замкнений цикл.

... Я рідко пишу про себе.. І цей відтин життя, коли я маю його описати, мабуть, потребує якогось осмислення, оцінки, структурування, нарешті... Що ж, спробуймо... Хоча, здається, деякі речі зовсім не хочеться пригадувати, щоб мати сили йти далі, мати сили вірити...

Когнітивний дисонанс

Усе сталося так раптово, що спочатку навіть не йнялося віри, адже звичне життя продовжувалося так, наче навколо нічого не мінялося. Так само планувалися й готувалися масштабні заходи до ювілею Шевченка, так само керівництво вимагало подати ті чи інші документи до акредитації, так само проводилася профорієнтаційна робота на українську філологію. Так само...

Просто одного ранку виявилось, що на роботу ти їдеш, минаючи невідомо чий блокпости. Навіть дивно те, як швидко в наше мовлення увійшли ці слова: блокпост, бойовики, сепаратисти... Це не лякало, а безмірно дратувало, як дратує будь-що безглузде й брехливе.

Навіть коли життя руйнується, то в перші моменти, напевне, це важко усвідомлювати...

Досліджуючи творчість Василя Стуса, викладаючи українську літературу, я намагалася осмислити й ставила перед студентами багато питань щодо самоусвідомлення особистості в такі переламні моменти. Це здавалося найважливішим – учитися вистоювання й поступово форму-

вати свою внутрішню структуру таким чином, щоб на неї не впливали зовнішні обставини, не впливали в сенсі руйнування й переналаштування.

Екзистенційний вибір надзвичайно оприявнився в нашому суспільстві в ці місяці. З одного боку, пристосуванство одних стало явно впадати в очі, так само як став помітним внутрішній героїзм інших людей. Нас чекало здивування... А може, життя просто розставляло на місця те, що вже дано мусило стати на певне місце, але ховалося за машкарами?.. Так, хтось, хто так ревно кричав про свою українськість та показово проводив українські вечорниці в навчальних закладах, збирав етнографічні матеріали й засновував світлиці, раптом пішов на той псевдореферендум у пошуку нового господаря, почав виголошувати дивні гасла й транслювати чужу риторику... спочатку з очима долу, а потім все динамічніше, впевненіше... А хтось, хто не говорив навіть українською до цього часу, став під кийки з українськими прапорами в руках...

Хочу зібрати першу картинку того часу з маленьких фрагментів:

... На сцені Макіївського ТЮГу (обласного) у березні чотирнадцятого року ми проводимо обласний творчий конкурс «Шевченківська весна» до Дня народження Тараса Шевченка. Закулісся повне дітей у вишиванках, вчителів, що привезли їх з різних шкіл області. Зала повна глядачів. На сцені дівчинка з Горлівки читає власний вірш «Не дай країні стати на коліна», вірш, у якому все прагнення юної душі закликати дорослий світ боротися за свою гідність. Зала аплодує стоячи, здається, люди навіть втирають сльози... Та відчуття невідворотності біди ще немає, ще є віра... За кількасот метрів люди з російськими прапорами безкарно захопили міськраду, захищають її з автоматами... Діти у вишиванках ідуть містом... Добре, що їх ніхто не чіпає... Та на наступний наш захід – Гуманітарну вікторину – батьки дітей з інших міст уже бояться відпускати їх...

Ганок одного з корпусів інституту розбито, український прапор зірвано й пошматовано... У магазинах на касах раз-по-раз наштовхуєшся на озброєних автоматами «захисників»... захисників чого? зради? ненависті?.. Таке враження, ніби звичний для тебе світ раптом починає викривлюватися, спотворюватися, втрачати логічні обриси й залишається тільки маленький острівцець, на якому, власне, ти й існуєш... З новин усіх телеканалів транслюється «Україна Єдина», та наш шмат України ніби десь загубився межі світами... Щось твориться, та важко зрозуміти, що саме, й як на це реагувати... Як боротися? Чи достатньо було нашої фахової зброї – слова? Може, й не достатньо, а хтось скаже, що слова нічого не варті в війні, та я вважаю, що слова розпочинали

цю війну, по краплі вносячи в душі розбрат, то саме слова мусили б її зупинити. Тільки яких слів сказати після смертей і зрад? Це мусять бути дуже сильні слова. Їх сказати їх мусить той, кому повірять. І якщо мені вірить хоча б п'ятеро чи десятеро людей, я маю говорити ті слова, які дадуть їм надію, віру, основу для витримки. Хай би як там не було, та того буремного року на українську філологію в маленькому приватному інституті прийшло навчатися двадцятьоро студентів...

Далі можу просто сказати віршами: *отак і стається, / що весь твій всесвіт / для когось стає / як шматок ковбасний / і нелюд до всього чужого ласий / твалтує твої / постраждали землі / отак і буває, / що твою мову / хтось оголошує діалектом, / і суне, одягнений / у військове / твоїм ще вчора квітучим проспектом... / отак і буває, що друг вчорашній / сьогодні плює на державний прапор, / чекає, що твоя країна ляже, / під того, хто більше за це заплатить... / отак і буває... / не має бути! / І ти не мовчи, не ховайся в болю! / Знай, що ми сила, коли ми разом! / Серце моє українське – на Сході!*

Я не скаржуся, бо... я майже ніколи не скаржуся... Це останні уламки мого тодішнього світу, а за ним...

Потім

Підсвідомість спрацювала раніше, ніж свідомість, котра ще вірила в перемогу, захист і розум. Так ми опинилися в Києві... і те літо 2014 стало найважчим часом з мого життя... і, сподіваюся, таким і залишиться. Можна багато говорити про біль, нерозуміння, відчуття полишеності й вакууму, та це вже пережито...

Хочу від того часу залишити тільки рефлексію з Фейсбуку. Ця рефлексія стосується не всіх, бо люди різні, і тут, у Києві, ми зустрічали надзвичайно світлих інтелегентних людей. Напевне, саме завдяки таким людям ми всі зможемо пережити цю війну. Це, скоріше, зібрані з «ни-зів» реакції, та нам довелося багато сьорбнути цього у пошуках квартир та в інших перипетіях на шляху виживання.

«ЧОМУ ЗРУЧНО НЕНАВИДІТИ ДОНЕЦЬК»

1. Будь-яка проблема, яка довго не вирішується, починає драгувати людину, й вона намагається перевести цю проблему в «зручний» для себе формат. Отже, якщо ти живеш у спокійному регіоні й ніхто з твоїх не на фронті, ти психологічно відсторонюєшся, а на своє виправдання формуєш версію про «регіональну справедливість», ця версія захищає твою совість від психологічних самотортурів.

2. Люди, що тікають із руйнованих регіонів, створюють реальні

проблеми для населення України (вони мають деє жити, створюють конкуренцію робочих місць і т.д.), при цьому постійно нагадуючи про те, що в житті не все так добре. Пригадаймо, як дбайливо зустрічали кримчан, що тікали з півострова (який, до речі, ніхто, на щастя, не бомбардував), і з яким роздратуванням приймають інколи луганчан та донецчан) Дуже показово. Людський ресурс «добра і турботи» теж не безмежний, він вичерпується й знову вступають в силу закони психологічного «самозахисту».

3. Працює також і відвічний важіль: стати вищим, коли хтось при-нижений. У цій ситуації ніхто не потребує правди чи розмежування справедливості й несправедливості, людей чесних і безчесних. Тут є тільки «ми» - «білі янголи», та «ви» - ниці й тупі.

4. Чим далі триватиме ця жахлива війна, тим більше будуть підігрі-ватися настрої ненависті до Донбасу, причому ця ненависть буде тим сильніша, чим несправедливіша по відношенню до людей інтелектуаль-них, тих, яким боляче. Тобто сила ненависті буде пропорційна її неспра-ведливості.

5. Постати проти сильного зовнішнього ворога дуже важко, нато-мість накинутися на слабого свого, який від болю фактично вже конає душевно - це просто й необтяжливо. Крім того, ніхто не побачить, чи реагує Путін на принизливі слова, а сказавши їх комусь із Донбасу, зразу бачиши реакцію. Отже, механізм отриманої реакції - ось ще один важіль. Чим більше ми говоримо про те, що Донбас - це не ті гобліни-найманці, дебіли, а люди різних професій, нормальні люди, тим більше викликаємо бажання нас розпинати».

Тепер, коли багато сталося, хочеться говорити про зовсім інше, та тоді – так. Тоді під цим моїм дописом, який перепостила журналіст Тетяна За-ровня, накопичилося тільки звинувачень мене й усіх нас, що, читаючи їх, хотілося померти від перенасити ненавистю. До речі, про ненависть... Я ніколи її не відчувала раніше... це дуже важке й руйнівне почуття...

Читаючи про II Світову війну, я завжди жахалася тому, що пережив єврейський народ на території цивілізованої Європи. Тепер розумію кра-ще цю страшну й диявольську стратегію.

У той момент, коли гітлерівці почали нищити євреїв, 8 з 10 європейців порадили, що вони не євреї й на тому заспокоїлися. 4 з 10 для впевненості почали «кидати каміння в євреїв», щоб всі обов'язково переконалися, що вони самі не євреї. Дехто «кидав» завзято й діяльно, багато махав руками й «відокремлювався» від цієї категорії людей, у чомусь винних, бо так сказали. Хтось сприяв їх нищенню.

Тільки 2 з 10 пробували говорити, що євреї, як і всі інші люди, різні, що серед них є вчені, композитори, філософи, режисери й письменники, є справжні інтелігенти. Та де там! Не на часі було про це думати в епоху суцільної трагедії. Бо кожен за себе.

Така проста схема психологічних реакцій на проблему: захиститися самому, зробити вигляд, що все так, як має бути, оскільки мене це не стосується (хай там самі собі), сліпо вірити, що справді не торкнеться. Зараз практично та сама психологічна ситуація реалізується стосовно іншої категорії людей, на цей раз територіальної.

Люди так реагують не тому, що вони погані. Вони звичайні. Діють в рамках рефлексів, намагаються захиститися від проблем, навіть піднести певною мірою над тими, кому зараз гірше, якимось компенсувати свою недосконалість, незадоволення життям.

Що лишається? Надзвичайно цінувати цих 2 із десяти, бо вони варті низького уклону й шани. Терпіти. Й пишатися тим, що тепер ми - «євреї», бо це справді гідний поваги народ.

А в цей час, поки ми тут ділимося на «касти», усіх нас пошито в дурні, наша хата горить або вже тліє. І хтось обиратиме злодіїв, злочинців...

Щось отак незворотно зламалось, / і муляє, муляє... / наче віру у світ розстріляно кулями... / наче радість від віри посипано попелом... / сірим, сірим... / ідемо незнаними тропами, / незахищені й босі / зі свОїми болями... / наче душі у нас залишилися голими... / кожне слово тепер так ранило, дошкулює... / наче радість сховалась за високими мурами... / кожен день - боротьба за проміння віри, / кожен день - як пошук нової довіри, / кожен крок - / мов навмання у прірву... / ми живемо, і тому душа так рада... / тільки нАщо у серце стріляти з Градів?

Є злочини, за які не впіймати й не покарати. Це злочини слова, слова брехливого й злочинного, слова маніпулятивного... Чому в нас не карають за слова, через які люди віддають життя омані, залишаються знедоленими й ошуканими? Чому в нас не винагороджують за Слово, що несе добро й любов, рятує з безвиході й зневіри?

Тепер

Я не змогла тоді піти працювати в гімназію, куди мене запрошували, бо звикла нести своїм учням та студентам світло, впевненість, звикла бути сильною й спокійною... Здавалося, ніколи вже не зможу бути такою. Тепер можу. Тепер я не боюся багатьох речей, майже нічого, крім злоби й тупості...

Напевне, я щаслива... тепер. Навчилася не думати про завтрашній день, той, що за обрієм, не лякатися своєї бездомності...

Тільки моя родина, мої близькі, друзі й люди, яких я зустріла вже тут, дають мені цю силу. Ні, звичайно, там, на денці душі сховався дуже сильний біль, та я борюся з ним заради життя...

*Є люди, як сонце, що вранці сходить, / їх любов до життя невід-
владна погоди, / ніяким таким політичним реаліям, / бо треба жити
і жити далі... / люди, як книги, які читаєш / зимовим вечором, щоб
зігрітися, / ніби ранкова чашечка кави, / без якої не можеш ніяк проки-
нутись. / Є люди, що люблять, неначе дихають, / чиє добро наповне-
не розумом, / що в серці живе, посміхаючись тихо))) / Люди, давайте
жити, як дихати...*

Життя – як осіннє листя... Відлітають, пожовкнувши й зітлівши, непотрібні спогади й думки, чужі враження... Вистигають справжні почуття, робляться сильними й міцними... День – немов осіннє небо, чисте й прозоре... І кожен день приносить таке надзвичайне враження від людей, зустрічей, сподівань, можливостей і неможливостей... Кожна світла людина – цілий всесвіт, що породжує світлі світи))) У ці важкі дні тільки світлі люди роблять життя життям).

Татьяна Дурнева

БРОШЕННЫЙ ДОНБАСС. ЧТО ИЗМЕНИЛИ ПОЛТОРА ГОДА ВОЙНЫ

*«Мне осталась одна забава – пальцы в рот
и веселый свист»?*

Один год и четыре месяца назад я оставила свой дом в Донецке, взяв двоих детей и один чемодан летних вещей. Я оставила своих родителей, бабушку и дедушку. Посуду, фотографии, игрушки детей, воспоминания и достижения. Светофор, который мы с соседями «выбили» у городской власти спустя несколько лет борьбы, увеличив тем самым бюджетное финансирование на безопасность дорожного движения. Шикарные велодорожки, в построение которых поначалу никто, кроме меня, не верил. Детскую площадку, которую мы строили всем двором. Я очень многое потеряла, покинув свой любимый город. Но мне кажется, что сейчас я начинаю терять самое главное – толерантность и терпимость.

© Т. Дурнева, 2015

Прошлой осенью в Страсбурге, встретив российских «активистов», которые поставили палатки между Европейским судом по правам человека и Советом Европы с надписью «Спасите детей Донбасса от украинской армии», я еще как-то сдерживалась.

А вот сейчас уже не могу терпеть. Так уж сложилось – совместились две реальности за короткий промежуток времени. Сначала на ежегодной конференции ОБСЕ по вопросам человеческого измерения (HDIM) представительница РФ сказала, что они лечат украинских детей, пострадавших от украинских солдат. А я в это время выступала там с докладом о положении женщин, которые вынуждены были покинуть свои дома вследствие российской агрессии.

Сразу после Варшавы я попала в Славянск и Краматорск. Просто взяла своего семилетнего сына, купила билет и поехала на выходные в Донбасс. На украинскую территорию. Дальше нашего блокпоста мне дороги нет.

Поехала, потому что мой ребенок вдруг сказал, что уже не помнит свою бабушку. Она осталась на оккупированной территории. И мы выстроили систему встречи в Краматорске, куда она на машине ехала девять часов. Всего 100 километров дороги, в мирное время это занимало не более 90 минут, а сейчас – девять часов, и это не самый худший вариант.

Бабушка со слезами на глазах встречает своих внуков. Но говорит, что вряд ли еще раз совершит такую утомительную поездку. Будем ждать окончания войны, чтобы дети могли сами приехать к бабушке и покопаться в огороде, – решаем все вместе. А пока идем в магазин. Список бабушкиных потребностей забирает мои последние моральные силы. Там обычные вещи – батарейки, дезодорант, «туалетный утенок», бананы. Все это можно купить в ДНР, но бабушка не может себе этого позволить, глядя на новые цены в рублях. А таких продуктов, как домашний творог или мясо, просто нет.

Два дня общения. Сын сказал, что бабушка неожиданно молодая. А у меня появились седые волосы. И пропала толерантность. Я уже могу открыто сказать представительнице РФ, что, если они заберут своих солдат с украинской территории, не нужно будет лечить наших детей. И говорю это. А потом читаю пост одного нардепа, который обвиняет мою коллегу в том, что она – агент Москвы. Потому что на той же конференции в Варшаве она заявила, что в результате российской агрессии в Украине есть 1,2 млн переселенцев, право голоса которых не урегулировано на местных выборах. Тогда я тоже – агент. И еще десятки любя-

щих нашу страну людей, которые не молчат о проблемах в Украине, но в то же время предлагают пути роста и развития для страны.

Есть разработанный общественными экспертами законопроект, который может урегулировать вопрос по голосованию ВПЛ, минимизируя риски, но нет политической воли его принять. Причем общество с какой-то невероятной скоростью раскалывается на части – мол, почему это понаехавшие должны выбирать наших мэров? А проблема восприятия переселенцев в том, что принимающие громады видят их как временных, а не постоянных жителей.

И мало кто понимает, что для многих внутренне перемещенных лиц точка невозврата в прямом смысле пройдена. Многим, очень многим переселенцам уже некуда возвращаться – как физически (разрушенное жилье), так и психологически (разорванные социальные связи, внутренних протест). Поэтому интеграция таких людей в новые громады, в том числе путем смены избирательного адреса и возможностью проголосовать на местных выборах – чуть ли не единственный путь к восстановлению гармонии.

Видя все эти ссоры, я теряю терпение и толерантность по отношению теперь уже к своим, к украинцам. И мне страшно. Теперь я боюсь потерять страну.

Олександра Родигіна

When we walked in fields of gold *

Знаєте, як показують в кіно: гуляють собі дівчата у легких платтячках, акуратних босоніжках на маленьких підборах, та хлопці, яким, здається, піджак потрібен лиш для того, щоб у слушний момент турботливо накинути його на тендітні плечі своєї супутниці. Картинка ідилічна та затишна, аж тут раптово у цей світ поривом вітру вриваються слова про війну, і хмари затягують небо, і все замовкає: музика з вуличного гучномовця, сміх та щебетання паркових пташок. Колись раніше мені ця передвоєнна ідеальність здавалася ідеологічно-художнім перебільшенням. А потім все сталося, відбулося, змінилося. І тепер я обертаюся назад, і саме таким бачу Донецьк.

© О. Родигіна, 2015

* рядки з пісні Sting – Fields of Gold

Зворушливо-світлим, як зі старої плівки. Зітканим з відблисків ранкового сонця у вікнах будинків, бризок фонтанів на бульварі Пушкіна та запаху випічки з Поліграфічної. Оповитим золотистим передзахідним маревом, коли вибігаєш о п'ятій годині вечора з чорного ходу істфаку, і йдеш по Університетській, маневруючи між студентами з філфаку, у яких теж щойно скінчилася шоста пара. Зануреним у сніг під білим зимовим сонцем. Окутаним вечірнім туманом кінця жовтня, крізь який пробивається світло ліхтарів, що підсвічує мокру бруківку поряд із художнім музеєм. Чим не картина? Вона могла б належати пензлю Моне.

Вільям Тернер міг би малювати наші світанки, а Мілле виходив би на пленер десь у полях між Донецьком та Горлівкою – але тільки навесні, поки зелень трав, як зазвичай, не висушило степове сонце. Це літнє сонце звикло світити на лани важкого злакового колосся, соняшників та повітряно-легкої ковили. Золоті поля під сапфіровим небом – як на прапорі, але гарячіше та відчутніше.

Але тепер це просто картини з моєї пам'яті.

Після того, як все змінилося – і саме перед художнім музеєм з'явилися намети і смугасті «прикордонні стовпи», які відокремлювали тоді ще мікроскопічне «республіканське» новоутворення. Імпресіонізм було нокаутовано, а омріяний соцреалізм присоромлено знітився, лишивши місце хіба що Мунку та Босху. Не знаю, чи сподобалось би їм там, але вони напевне могли б малювати з натури – так само, як і художники-баталісти знайшли би щось для себе серед полів, де більше немає місця ніжності прерафаелітів.

Ці нові картини не для мене. Їх мали би замалювати чорним квадратом або зішкребти з полотна, як помилку. «Мої» же картини – зі мною, і я намагаюся зберігати їх якнайретьельніше. Вони не мають вицвісти або потріскатися і, найголовніше, вони не мають зникнути: на них наші поля золоті, а не червоні.

Анна Глушко

И ТОЛЬКО ЛОШАДИ ЛЕТАЮТ ВДОХНОВЕННО...

Если порезать палец, или, к примеру, придавить его железной дверью, можно заглушить боль, хорошенько попрыгав или покричав. Помогает. А если отрезать частичку своей души, надо заткнуть отвер-

стие всем, что попадется под руку: бытовыми хлопотами, лишней работой, новыми обязанностями, ответственными поручениями, нужными и не очень покупками – чем угодно, что занимает время и голову. Тоже помогает. Главное, не останавливаться и не оглядываться. Отвлекать, озабочивать, озадачивать, утомлять, увлекать, занимать, напрягать. Себя. Главное – не дать себе сорваться.

У меня не получилось. И я точно помню, что это произошло 19 декабря 2014 года. Милый добрый праздник, чудная атмосфера с легким привкусом волшебства, люди с улыбками на лицах и пакетами вкусностей и излишеств в руках. Предвкушение грядущих рождественских празднований. Все вокруг уже украшено гирляндами: деревья, столбы, здания, даже трамваи мерцают, словно елки. В центральном сквере монтируют палатки для сувенирной ярмарки и устанавливают сцену, на которой ежедневно будут выступать народные коллективы. А рядом открыли резиденцию Деда Мороза, к которому уже началось паломничество местной детворы. Во все это приятно окунуться, слиться с окружением, притворившись беззаботным местным жителем, пройтись неспешно в толпе, понаблюдать за бегающими вокруг родителей карапузами, послушать музыку, звучащую из динамиков на фонарных столбах... Мгновения призабытой беззаботности. Но что за знакомая мелодия?

*...Но только лошади летают вдохновенно,
иначе лошади разбились бы мгновенно.
И разве стаи белокрылых лебедей
поют как стаи белокрылых лошадей?*

Милая, трогательная песенка из старого такого, кукольного мультфильма, помните? Про кошку, собаку и лошадь. Она звучала из динамика рядом с детской каруселью. Наверное, странно, но я расплакалась. Вот так прямо посреди всего этого предвеликолепия, предволшебства, предрождества. Из-за дурацкой деткой песенки. Эта мелодия ударила сильнее, чем все расставания, хлопоты переезда, сложности привыкания, рабочие неприятности. И рана в душе, которую почти удалось нейтрализовать за пару месяцев, вдруг разрослась до размеров космической черной дыры. А все потому, что самое дорогое, что у меня было и есть в Донецке, это не терриконы, на которые взобраться хоть раз в жизни считал своим долгом каждый донецкий ребенок, и не розовые клумбы, с которыми так трепетно всегда носились городские службы. И не парк Щербакова, в котором обязательно должны сфотографироваться все донецкие молодожены и всегда так здорово отпраздновать Масленицу или День шахтера. И не бульвар Пушкина, где приятно, особенно ранней

осенью и поздней весной, посидеть на лавочке в тени ухоженных деревьев и полюбоваться идеальными газончиками. И не Донбасс Арена, которая стала своеобразной святыней не только для наших футбольных болельщиков, но и для каждого жителя города. И даже не родная квартира, в которой я прожила всю свою сознательную, и не сознательную тоже, жизнь, и с которой связано столько важных и приятных событий.

Я изо всех сил старалась об этом не вспоминать, но все же самым дорогим местом в Донецке для меня была и остается конная база, которую я смело могу назвать своим вторым домом. Именно благодаря ей я обрела для себя Донецк, и одновременно нашла, приняла себя в нем. И не только потому, что наша конюшня находится в одном из самых старых районов Донецка и является ярким воплощением его истории (ведь еще в конце 19 столетия она была построена для содержания лошадей, трудившихся на одной из крупнейших шахт города). А потому что с тех пор, как попала туда еще в двенадцатилетнем возрасте, я изучала Донецк и его окрестности, наблюдала за его жизнью, впитывала его традиции с высоты седла. Могу уверенно заявить, что во многих местах нашего города я бы никогда не побывала, если бы не лошади. И никогда не открыла бы для себя столько всего удивительного, что находится за пределами видения среднестатистического жителя города, который перемещается по городу либо пешком, либо на общественном транспорте. Никогда не приняла бы участие в таком количестве увлекательных мероприятий, связанных с жизнью Донецка. И никогда не решилась бы на многое, что теперь так приятно и в то же время немного грустно вспоминать.

И еще я никогда не встретила бы такое количество добрых, открытых, увлеченных людей, для которых любовь к животным куда важнее любых политических предпочтений.

Именно ради этого всего стоит любить Донецк, стоит ждать возможности вернуться домой. Я каждый день молюсь о том, чтобы у тех, кто остался на базе, все было хорошо: чтобы никто не болел, чтобы не заканчивались корма, чтобы приходили люди. И каждый раз, читая сводки об обстрелах, я боюсь лишь одного: увидеть в списке улиц адрес конюшни. Ведь тогда мой мир будет разрушен. Ведь тогда мне будет некуда и незачем возвращаться.

*Ведь только лошади летать умеют чудно,
Очень лошади прожить без неба трудно.
И разве стаи лошадиных лебедей
Грустят как стаи лебединых лошадей?*

Ліна Бахаєва

ПЕРША ЛІНІЯ

Якщо ви у Донецьку спитаєте, як пройти на першу лінію, і перехожий здвигне плечима, він – не донеччанин, не справжній, не місцевий. Не тому, що «панаєхалі», а тому що байдужий. Наше місто, як і все хороше на землі, створили ті, хто давно чи нещодавно «вышел в степь донецкую», і цей заповідний степ, і терикони, і смарагдовий Сіверський Донець, і море «по коліно» – Азовське – вважає своєю батьківщиною, складовою частиною великої прекрасної Батьківщини – України. Усі, хто їхали сюди з царської Росії, республік СРСР, знали, що їдуть в Україну.

Мої батьки також приїхали в Сталіно (друга назва нашого міста) ще до війни – не теперішньої, а Великої вітчизняної, після якої родина повернулася додому. З того часу я живу на Першій лінії. Пам'ятаю холодні зими кінця сорокових. Йду до школи по Першій. Замети вищі за мене, сніг рипить під валянками. По дорозі бачу кілька великих будинків, що їх не зруйнували фашисти – Опера, кінотеатр ім. Т. Шевченка, збудовані в сороковому році. Ще більше маленьких хатинок, які лічать скоріше селу, ніж центральній вулиці великого міста. Чимало будівельних майданчиків, на деяких з них працюють полонені німці. Дітлахи їх бояться, але дражнять. Після школи підходили до огорожі й вигукували все, що вивчали на уроках німецької мови. Коли хтось з полонених наближався до нас, щоб відповісти на таку увагу, ми з жахом розбігалися. Знали – це окупанти.

Окупанти знову з'явилися на Першій лінії у липні чотирнадцятого. Вулиця пуста. Хто виїхав, хто заховався і спостерігає крізь заліплені навхрест вікна. «Зелені чоловічки» йдуть сторожко, крутять головами, чи розглядаючи архітектуру, чи остерігаючись снайперів. Автомати тримають наготові. Заходять до магазинів, покупці відводять погляди, а раптом «гість» побачить в очах осуд і натисне на курок. Коли по Першій прогуркотіли танки, слово «війна» перестало звучати як щось невірогідне, усе стало очевидним. Тепер кожний житель Донецька самовидець. Але побачене кожний трактує по-своєму. Запитайте у того, хто розкаже про дії «наших», засоромиться і позіхне: «та усі наші», хоч про себе вже давно обрав сторону, за яку вболіває. Як футбольний фанат, вірний своїй команді, хоч як кепсько вона грає. У цю жорстоку гру втягують все більше людей. Неповнолітні хлопці брали участь у «виборах», одягли

нашвидкуруч пошиті воєнні строї, отримали зброю, сіли за руль крадених автівок, отримали з рук засланих командирів якісь нагороди – так окупанти стали «їхніми нашими». Думаю, чи складуть колись зброю «домашні окупанти»? Чи стане у них снаги сісти за парту, щоб отримати освіту, ремесло? Чи будуть вони відбудовувати ними ж зруйновану Донецчину?

Попри гарну весну, попри відносно затишшя, прогулянка містом не приваблює.

Відчужено дивлюсь у вікно. По Першій лінії їде тролейбус, на ньому знайома реклама фірми «Mouzenidis Travel», що запрошує відпочити у Греції, і пригадую веселі гурти земляків, які наповнювали новий завеликий (бо будували на майбутню перспективу) аеропорт, розлітаючись по світу у пошуках нових вражень, досвіду. Європа та й весь світ були такими близькими! Кожний з подорожі привозив щось для себе корисне, не лише шмаття. Може, саме тому з тупою впертістю знищували цю споруду. Скільки життів там покладено! Чи відбудують аеропорт варвари 21 століття?

А поки що тільки й світу, що у вікні! Знову їде тролейбус. Його маршрут: від ДМЗ (металургійного заводу, побудованого англійським підприємцем Джоном Х'юзом у 19 столітті) до вокзалу. Останній раз була тут майже рік тому. Приємно-гіркий спогад. Травневі свята в Карпатах. Гостинні хазяї. Схід і Захід разом – гасло, яке об'єднує, як і пісня «Всюди буйно квітне черемшина...» Дорогою любуємось весняною квітучою країною, яка дісталася нам від предків. Чим ближче додому, тим тривожніше. Нас – студентів, вчителів, лікарів з Донецька, Маріуполя, Луганська та інших міст і містечок Донецчини зустрічають на вокзалі «активісти» з кийками, бо ми – «бандерівці». Дякувати богам, що міліція ще виконувала свій обов'язок, розігнала агресивно налаштований натовп, і на пероні побачили лише залишки «акції». Тепер залізниця розбита.

Щось вийшло сумно. А хотілося розказати про першу лінію мого життя: про фортепіанний гурток у палаці піонерів і перший вихід на сцену, про молодіжні тусовки на Першій, про опери Верді, Вагнера та зіркові балетні фестивалі Вадима Писарева, про виступи на вечорах у політехнічному ще студента Анатолія Солов'яненка, увічненого не дуже вдалим пам'ятником; про український музично-драматичний театр, яким ми так пишаємося; про знаменитих випускників музичної академії. І все це відбувалося на одній вулиці мого міста – Першій лінії (офіційно – імені Артема). Так знаєте, чому вона перша? Інженери Джо-на Х'юза, проектуючи поселення, назване Юзівкою, на плані провели

першу лінію – між заводом і залізничною станцією, всі інші лінії були паралельними. Перша лінія – вулиця, що вмістила десять кілометрів території і значну частину історії міста.

Тепер по Першій щодня йдуть та йдуть танки... на лінію вогню.

Ирина Чиграй

ТАМ СОЛОВЕЙ ВЕСНУ ВСТРЕЧАЕТ, ОН БУДЕТ ПЕТЬ НЕ ДЛЯ МЕНЯ...

В феврале 2015-го вдруг отчетливо запахло весной. И подсознательно возникло нетерпение: когда же можно будет поехать в село Водяное, на воздух, к деревьям и цветам?!

Это место в дачном кооперативе между поселками Пески и Тоненькое стало моим в начале 90-х. У нас с мужем было двое детей, а с продуктами становилось все хуже. И родовое (а скорее видовое) представление: чтобы выжить, надо что-то выращивать на земле, – заставило нас искать эту землю.

Выяснилось, что у коллег в дачном кооперативе «Березка» уже был участок, а рядом пустовал надел, он и стал нашей основой для выживания. Первый раз мы там появились в конце марта, – ну скажем, все следующие месяцы вплоть до середины ноября природа в нашей полосе выглядит гораздо привлекательнее. И все же весна выдалась ранней, светило солнце, небо было синим, очень просторным, и пока мы шли от Песок, постоянно видели горизонт. Не все городские люди меня поймут, не все его вообще замечают, но есть те, кому нужен хоть иногда, хоть кусочек Горизонта.

Мы еще не сориентировались с транспортом, шагали по дороге, изредка мимо проскакивала машина, а птиц уже было слышно хорошо. До аэродрома там рукой подать, но самолеты тогда летали очень редко. Это потом Донецкий аэропорт отстроили к Евро, и потом он стал особым пунктом. Бои за него практически разрушили славный поселок Пески, повредили живописное село Водяное и красочные окрестности с озерами, которые у нас называют ставками – бывшие карьеры для добычи песка.

Дачный кооператив за пару лет уже оброс и домиками, и деревьями с кустами, а нашу семью ожидал голый чернозем. Обычные шесть соток.

Летом там были не только картошка-лук-огурцы-помидоры, но и появилось множество цветов. Первыми, кажется, анютины глазки и маргаритки. Они своими головками смотрят на вас достаточно взыскующе. В отличие, скажем, от пионов...

Осенью на участке появились яблони и груши, черешни и сливы, смородина и клубника – список длинный, все долго перечислять, но мне сразу хотелось, чтобы в моем саду была калина. Это же украинский сад, – и казалось, что без калины нельзя. Когда соседка для себя и меня купила в Ботаническом саду два калиновых прутика, я со своим сразу стала разговаривать. И он зацвел у меня очень быстро. Калину в цвету видели? Знаете, что нет невесты прелестней? Я ее так и называла, даже когда она светилась осенью алыми гроздьями – а как хороши из них лечебные чаи, хватало до самой весны...

– Невестушка моя, украинская калина, теперь в том саду на Донетчине, не знаю, жива ли ты... Не сокрушило ли тебя снарядом, не подрезало минным осколком?

Еще в сентябре 2014-го те, кто ухитрялся между обстрелами на машинах как-то добираться до дачного кооператива, рассказывали о сгоревших домиках («А ваш вагончик пока целый»); о разрушенном водопроводе, разорванных электросетях... Но никто не может лишить меня веры в то, что через какое-то время встретимся мы с моей несепаратистской-калинушкой.

Самым первым, даже раньше примул и шафранов, весной зацветал барвинок. Он тоже ведь весьма украинское растение: «Зелененький барвіночку...» В его характере есть стойкость, разрастается он стремительно, как я радовалась ранней весной его сочной зелени, крупным синим (кому-то они кажутся голубыми) цветам, – рядом на кизилевом дереве тоже очень рано приветствовал меня большой шар из желтых соцветий. Теперь словно вижу в этом напоминание о национальном флаге. Затем зацветали желтые тюльпаны. И красные – их было невероятно много. А потом крупные лилии разных оттенков, гортензии, юкки, все лето цвели розы, конечно.

У меня в ушах сейчас старинная казачья песня: «Не для меня придет весна... Не для меня цветут сады... Там соловей весну встречает, он будет петь не для меня...»

Не страшно, что не для меня, лишь бы пел, а ему подпевала кукушка. На моем участке внушительного забора нет, – кто-то зайдет и наберет ягод, вырвет чеснок, который так и остался необранным и, конечно, теперь кустом прорастет. Я и раньше не очень сокрушалась, когда кто-то забирался и что-то срывал, относилась философски: может, ему нужнее...

А с цветами будут разговаривать ангелы, уговаривая их обязательно меня дождаться...

Інна Єрмакова

ВДЯЧНІСТЬ ЩАСЛИВОЇ ЛЮДИНИ

Минув рік. Рік....

Рік, безперечно, важкий. Іноді він був нестерпно болючим, таким, що все тіло крутило від страху перед майбутнім, коли від відчаю було боляче навіть дихати, а розум відмовлявся сприймати дійсність і все, що в ній відбулося і відбувається.

Постійне відчуття, що все це відбувається уві сні. Жахливому, хворобливому, нестерпному сні, від якого так хочеться прокинутися і опинитися знову в своєму такому звичному і затишному житті. Здавалося, що втрачено все... Ти прокинувся. Прокинувся. Але в чужому місті, серед чужих людей, в чужій квартирі, в чужих речах... в чужому житті... І треба заради близьких людей в цьому страшному і чужому житті віднайти сенс та сили жити.

У 40 років почати життя з чистого аркушу, при цьому маючи з собою в руках (і в житті) лише пару теплих речей та улюбленого пса. Їхали ж на місяць з дому. Виявилось назавжди. Повернення не буде. Усвідомлення цього нестерпно... до болю... до крику пекло в грудях. Пече... Рік...

Обертаючись назад, я розумію, що попри все, я щаслива людина. Так! Я щаслива. Мій рік був щедрим на підтримку друзів, на справжні почуття, на добрі вчинки. Рік, який довів, що я втратила багато, але головного й найціннішого в своєму житті я не втратила! Це моя родина і це ви, мої друзі! Завдяки вам завжди у мене була надія і впевненість у завтрашньому дні. Ви підставляли свої плечі, коли я втрачала віру і не мала сил йти далі. Ви подавали руку і витягали з відчаю. Ви лікували від гіркоти зради та зневіри в багатьох людях, що лише здавались друзями. Ви щедро ділились всім, що у вас є!

І знову ж найціннішим виявились не житло, гроші, речі, статки, хоч без них людині просто не вижити фізично. Це гірко усвідомлюєш коли не маєш навіть власної ложки/чашки/тарілки. Ви щедро поділились справжнім скарбом – людським теплом та щиросердністю. Ви робили

це так великодушно та делікатно, аби не дай Боже не образити допомогою, чи увагою, чи співчуттям! Друзі, щиро дякую Долі, що ви в мене є! Я безмежно вдячна, кожному, абсолютно кожному з вас! Дякую.

Виктория Хороших

ТРЕНИНГ ПОД НАЗВАНІЕМ «ВОЙНА»

Всех нас война вышвырнула из зоны комфорта. Подобный прием часто используется на психологических тренингах развития личности, когда искусственно создаются некомфортные условия, чтобы научить человека преодолевать разные трудности. За такие занятия некоторые готовы платить большие деньги. Тренинг под названием «война» преподнесла нам сама жизнь, и запросила за него такую цену, что... И отказаться от участия оказалось невозможным...

Но сейчас не об этом. Я не хочу писать о боли, страданиях, ужасах – это все и так знают... Как бы ни было ужасно и страшно, как бы абсурдно это ни звучало, но война с собой принесла много положительного! Если постараться «перевернуть» представление о войне в некий тренинг, можно обнаружить кое-что позитивное, поразительное и удивительное! Я попыталась, и вот что получилось...

Первое – я, мои родственники, друзья, знакомые, которые так или иначе попали «под раздачу войны», закалились и научились стойкости. Поначалу было страшно, но со временем нервы сами стали «как канаты» и перестали «рваться» от звуков взрывов и смысла новостей... Сегодня ночь, проведенная в чистом поле с малознакомыми людьми в машине в ожидании, когда откроется пропускной блокпост, уже не кажется невыносимой и пугающей. Оказалось, что можно жить при весьма скромном рационе питания, можно выживать практически без денег... лишь бы не стреляли (звучит всегда).

Второе – новые знания и умения. Теперь мы знаем, что должно быть в «тревожном чемоданчике», что делать при обстреле, по звуку определяем «минус и плюс», вид оружия, как поступать, когда нет воды, света, газа...

Третье – спокойное отношение к негативным событиям. Это раньше можно было всерьез расстраиваться, если поломался ноготь, порвались колготки, опоздала на автобус или поезд. Сейчас смешно вспоминать о таких неприятностях! Что бы ни случилось, помним и знаем: главное,

что живы и здоровы! Даже встреча со смертью стала несколько иной, я имею в виду естественную смерть человека. Теперь помимо фразы «отмучился, бедный», можно услышать дополнительно: «Хоть войну не будет видеть».

Четвертое – возможности, которые нам открыла война. Кто-то остался в городе, многие выехали, кто временно, кто навсегда, но каждый как-то старается устраивать свою жизнь и жизнь своей семьи. Новые условия, новые города, новые возможности, новые знакомства, и даже лишения, встряски – все это приводит к обновлению жизни. Кто-то изменил род деятельности и нашел более интересную и перспективную работу, кто-то нашел свою судьбу и создал семью, кто-то занялся интересным хобби, на которое раньше не хватало времени.

Пятое – друзья, враги... все встали на свои места. Некоторые хорошие знакомые стали «по ту сторону баррикад», значит, места в моей жизни им больше никогда не будет. Я очень благодарна своим друзьям за ту неоценимую поддержку, которую они оказали мне и моей семье! Они всегда в моем сердце, хотя война нас разбросала по миру. Мы расстались физически, но остались едины ментально: ежедневно созванивались, переписывались, обменивались фотографиями, новостями. Вопреки разделяющим километрам и благодаря средствам связи мы были вместе все это время, вместе душой и сердцем!

Шестое – отношение к стране. Никогда так остро не хотелось видеть флаг, слышать гимн, носить вышиванку, петь песни и говорить по-украински. Нужно было увидеть, пощупать и ощутить сепаратизм, чтобы понять, насколько трепетно любима мною моя собственная страна Украина! Этого обостренного чувства раньше не было, мы просто жили себе мирно, как обычно. А потом почувствовали, что можем потерять страну, и эта щемящая боль сопровождает ежедневно, при этом она дает силы надеяться на то, что Украина победит!

Седьмое – отношения в семье. Они стали более нежными, терпимыми. Многие семьи разорваны: муж в одном городе, жена в другом, дети с бабушкой в третьем (или любое другое сочетание), но теперь они больше ценят время, когда семья вместе, поддерживают друг друга, забываются, сильнее любят, сильнее радуются – все воспринимается острее.

Восьмое... девятое... десятое... у каждого свой набор пунктов...

Считается, что человек привыкает к чему-либо или вырабатывает привычку за 21 день. Привыкнуть к войне невозможно, но можно научиться жить, развиваться и даже радоваться, несмотря на нее, несмотря на боль и лишения. Жизнь-то продолжается...

Христина Захарчук

РЕКВІЄМ ПО ІДЕАЛАМ «КРАЇНИ МРІЙ»

(засновано на реальних подіях)

Мені наснилися три труни, і я одразу зрозуміла, що їх шукають даремно. Надія поступово згасала, бо ореол смерті чітко виднівся на горизонті. Через два місяці мій сон виявився пророчим...

С чого б його почати? Спочатку? Початок відомий усім. Він банальний та вже нецікавий. Протистояння ідей, що почалося в 2013 році, сьогодні стало схожим на криваву розправу котру чинять такі ж самі люди, як і ми з вами. Ті події, що поклали початок ситуації, в котрій опинилося все населення країни, ще довго будуть згадувати наші нащадки. Історики стануть вивчати причини та наслідки, політики пригнитимуть аналізувати їх, і лише простий громадянин запам'ятає ті страшні дні супроти своєї волі. Кожен ладен був би забути, але пам'ять зберігає. Її не зітреш, як непотрібні гігабайти на флешці. Стартову позицію знають усі – значна частина населення Донбасу підтримала побудову обіцяної «країни мрій».

А що ж було в думках тих людей? Героїчне прагнення захищати власні ідеали виказала значна частина населення регіону. Вона з таким запалом схопилася за ту надію, що лежала в основі всієї «революції», що й досі не відпускає її. Може, варто захоплюватися такою відданістю та жагою до покращення, адже так чи інакше, кожен учасник вірив, що це зробить його життя смачнішим. І здавалося б, немає нічого поганого, що людина шукає спосіб створити файну реальність і розмалювати свої буденні дні яскравими фарбами. Адже саме цьому нас навчають століття мудрості – риба шукає де глибше, а людина – де краще. Та й ніхто, врешті решт, дав нам право судити собі подібних?

А чом би й не судити, коли через таке егоїстичне бажання змушена страждати вся країна? Матері проводили своїх синів на фронт, а згодом і в останню путь. Мирне населення продовжувало ховати своїх побратимів, батьків та дітей в час, коли сторонам варто було б зупинитися та домовитися. Коли Україна мобілізувала армію, до лав ДНР йшли добровольцями аби не потрапити до «ворожого» табору за повісткою. І більшість з тих добровольців лише в потойбічному житті зрозуміють помилковість власного вибору. Та чи й зрозуміє взагалі. А думку суспільства ладен змінити лише трагічний випадок, і той лише тоді, коли торкнеться кожного з її суб'єктів.

...Звістка про страшну загибель молодиків сколихнула всю місцеву публіку. Той чорний день закарбувався в пам'яті надовго. Я давно знала, що сподіватися нема на що, бо судячи з чуток жоден із зниклих більше місяця не виходив на зв'язок. Луною прокотилося новина, що в рештках трьох понівечених трупів впізнали наших знайомих.

Батьки були впевнені, що з їх синами не трапилось нічого лихого. «Коли він не дзвонить додому довго, то непевне знаходиться на бойовому завданні. Таке вже траплялось» – казала мати мого товариша.

Чи підказувало материнське серце, що її дитина потрапила в біду? Чи могла б вона подумати, що незабаром їхатиме до Донецька на впізнання сина, котрому виповнилося півмісяці назад лише 20 років? Що казав їй здоровий глузд, коли злякавшись віддати хлопця служити до Української армії, відпустила його на територію «Донецької народної республіки»? Непевне серце мовчало, а розум буз затьмарений.

Випадковими зусиллями були знайдені на кладовищі три зайняті місця, де спочивали невідомі хлопці, котрих знайшли в сміттєвих мішках на непідконтрольній Україні території. На хрестах не було імен, а лише містився порядковий номер. Родичі проводили упізнання за особливими прикметами, бо за словами очевидців ідентифікувати особистість по скаліченим обличчям було неможливо. Впевнено можна було сказати одне – молодики загинули не під час воєнних дій. Їх вбили, та перед цим довго знущалися, про що свідчили чисельні рани на шкірі, синці та порізи. Істину причину жорстокої розправи досі ніхто не береться назвати. Серед людей лише розповсюджуються плітки. Правда була лише в тому, що це вчинили «свої» – люди, пліч опліч з якими хлопці пішли воювати. В думках і досі некладається, як таке можна було зробити із своїми однодумцями, бо навіть тварини з однієї зграї тримаються разом за будь-яких обставин.

Прибічників ДНР після того випадку стало менше. «Нам варто молитися, щоб ми залишалися під покровом України», – каже тепер моя знайома, що раніше так не вважала. Люди почали мізкувати і це добре. Це означає, що є надія на відродження здорового глузду. Засмучує лише те, що цьому посприяв такий жахливий випадок.

Але все ж залишилися вірні прихильники нової республіки, котрі намагаються запевнити інших, що то провокація з боку України. Чи насправді вони вірять в ті нісенітниці, котрі несуть (іншого слова тут не підбереш)? Люди настільки осліплені, що не бачать простих істин та відгороджуються від логічних висновків. Вони впустили зло не тільки до своєї землі, перш за все вони впустили зло до своїх душ, котре рухає ними в бік розбрату та порожнечі. Та чомусь їм цього непомітно.

А ті хлопці, чи думали вони про те, що їх життя так безглуздо закінчиться, ще навіть не встигнувши початися? Вони прагнули стати рушійною силою великих змін, а стали вічним горем для своїх батьків та повчанням для суспільства. Хотілося б вірити, що після смерті вони зрозуміли, де звернули не туди, та очистили свої душі від того гріху, що на них впав.

Кожен з нас, хто був знайомий з тими молодиками, сподівається, що вони живі, але й досі телефон кожного з них залишає вимкнутим...

Елена Флоренская

ЖЕСТОКИЕ УРОКИ ВОЙНЫ

Весной прошлого года война застала нас врасплох, неожиданно дала пощечину наотмашь. Потом были удары еще и еще: хлесткие – как выстрел плетью, подлые – ногой в спину, грубые – в челюсть и под дых.

Я часто думаю, чему нас научила война? Да, она забрала у нас многое – забрала беззаботность, и я не знаю смогу ли когда-нибудь, даже когда снова наступит мир (ведь он когда-то наступит?), снова так искренне смеяться, улыбаться просто потому, что улыбается, как это было раньше. Она забрала какую-то легкость бытия, причем, у всех, даже у детей. Мы, взрослые, не понимали, что она у нас есть. Мы каждый день выдумывали себе новые проблемы, преодолевали какие-то по большей части мнимые трудности, роптали на жизнь и почти постоянно жаловались. Только потеряв это, встретившись взглядом со смертью, мы поняли как неправильно жили, как не замечали того огромного, тихого счастья, которое молча следовало за нами по пятам, как много мы имели и потеряли в одночасье!

Война забрала нашу молодость. Спустя эти год и восемь месяцев, я вижу, как сильно мы все постарели, как осунулись лица и погрузнели глаза. Так, время идет, мы все не молодеем, - скажет кто-то. Но мы постарели значительно больше, и глубже – мы постарели душой. Даже наши маленькие дети стали более рассудительными и не по годам понимающими. Когда впервые слышишь от пятилетнего сына вопрос: мама, а что, в Донецке война? – чувствуешь оглушающий удар обухом по голове. И за несколько секунд проносится ворох мыслей: соврать, что-нибудь выдумать, спросить, откуда он узнал, отвлечь внимание? Но в итоге каким-то чужим, не своим голосом говоришь просто короткое

«да». Он почему-то больше не задает вопросов, просто уходит в комнату. Потом, через несколько дней, ты получаешь еще один удар, от которого перехватывает дыхание, его просьбой: купите мне билет в Донецк, я поеду его защищать. Он не знает и не может еще понимать, из-за чего эта война началась, кто напал на нашу землю, да и, вообще, почему. Он просто хочет защитить свой родной город. В этот момент голова напрочь отказывается работать, губы начинают предательски дрожать, а он серьезно и молча стоит и ждет ответа.

Воровка-война украла наше здоровье. В самые гнетущие моменты мы тихо плакали в подушку по ночам или рыдали громко и навзрыд, когда вдруг, непроизвольно, память выдавала на-гора какой-то эпизод из той, беззаботной и не ценимой жизни. Многие из нас из-за не проходящего стресса, пережитых страхов и унижений стали постоянными клиентами больниц и аптек. Одна врач рассказала мне, что между собой они называют это «донецкий синдром» – когда у переселенцев выскакивают разом все болячки, которыми они когда-либо в жизни болели. Наши внутренние переживания вылезают наружу аллергическими реакциями, выпадением волос, перманентными простудами, бессонницей, невралгией и болезнями сердца.

Но у многих война забрала самое ценное, что существует на свете – жизнь! Сука-война! Донбасс пропитался кровью, а по всей стране пролились соленые реки слез, появились свежие могилы погибших на этой войне. Столько лишений и горя Украина не ведала со времен казавшейся нам всем последней войны 41-го года. Вдумайтесь, теперь у нас нет ни одного поколения, которое бы не знало войны. Знали бы те деды, которые воевали, что уже их внуки, да что там, даже их дети на склоне лет увидят все то, что они старались забыть.

Нас всех избили до полусмерти. Забываясь хмурыми вечерами в углы неуютных съемных квартир, мы выли от боли, от безысходности, от полного неумения жить теперь и незнания что будет дальше. Тоска по дому как коррозия разъедала сердца. Как слепые щенки, мы на ощупь искали свой путь и извлекали уроки. Война научила нас ценить хотя бы то, что осталось. Мы стали более чуткими и внимательными к своим родным. Мы можем вслух не говорить лишних слов, молчаливых обаяний вполне достаточно, чтобы мы знали, что нас понимают, нам сопереживают, нас любят и берегут. Мы стали более нежны к своим детям. Их ясные глаза, широкая улыбка, наивность и открытость миру оказались лучшими антидепрессантами. Во многом благодаря им мы вытаскивали себя за волосы из болота уныния и возвращали в реальность. Благодаря нашим детям мы помогали чужим. Даже уехав из дома, как нам

казалось, на две недели с одной дорожной сумкой на всю семью, мы умудрялись собирать вещи другим таким же переселенцам. Тогда мы не думали о том, каких взглядов родители этих детей, ходили ли они, обманувшись, на тот злосчастный референдум. Глядя на собственных детей, перед собой мы видели таких же беззащитных и ни в чем не виновных, убежавших от гибели, малышей.

Горе и лишения войны научили нас отдавать, не держаться за материальное. Мы научились обходиться малым. Стали чаще замечать боль и страдания других людей, выискивать возможность помочь нуждающимся. Но переживая тяготы войны, мы научились быть и благодарными. Незнакомым людям за помощь, сострадание, соучастие и сопереживание. За отданные вещи, принесенную игрушку, оторванные от семьи сотню гривен.

Именно в войну мы постигли истину того, что взаимопомощь — это чудо. Получая ее от других, мы хоть немного отогревались, оттаивали, на мгновение опять начинали жить. Предоставляя ее другим, мы вдохновлялись и чувствовали себя нужными стране. Вся Украина перешерстила свои шкафы и нашла применение старым свитерам и шарфам, залежавшимся на полках. Армии бабушек потом распускали их на нитки и вязали балаклавы, носки и перчатки. Сотни хозяек на кухнях резали овощи на борщевые наборы, крутили голубцы и лепили вареники. Дети от Ужгорода и до Мариуполя рисовали открытки и писали солдатам «Повертайтесь живыми!».

Мы научились не верить мифам и опровергать их. Многие думают, что все пенсионеры Донбасса с упоением зывали на площадях к соседней стране. Опыт освобожденных городов свидетельствует, что все было иначе. Зимой этого года я познакомилась с краматорскими и артемовскими бабушками, которые с первого дня освобождения стали активно помогать украинской армии. На тот момент их уже было более ста. Самой младшей из них 58 лет. По десять часов в сутки, семь дней в неделю они плетут маскировочные сети, шьют маскхалаты, подушки, трусы, кадушками квасят капусту и выварками варят борщи. Многие из них даже в период так называемой «русской весны», когда по их городам ходили вооруженные люди, выходили по ночам рисовать украинские флаги и перебрасывали продукты заблокированным в воинских частях военным. Вдумайтесь, все это с риском для жизни делали пожилые женщины!

Но самое главное, что мы смогли, мы научились ждать. Пожалуй, этот урок самый мучительный и длится до сих пор. Чувство томительного ожидания преследует постоянно. Мы ждем телефонных звонков

родных, оказавшихся заложниками пропускной системы, живущих на линии огня. Ждем вестей от близких друзей, ушедших на фронт. Долгие гудки в телефоне могут довести до безумия, а от безучастного «абонент не може прийняти вашого дзвінка» начинается паника. Мы ждем, когда они приедут к нам, считаем дни до приезда и часы, проведенные в пути. Мы ждем, когда выпадет случай съездить проведать квартиру и, переступив ее порог, нехотя начинаем ждать время отъезда обратно. Вся страна ожидает одного о того же: мира и возвращения домой, с востока и на восток.

Так же как украинские воины облачились в броню, мы надели на себя непроницаемые панцири. Это не значит, что мы стали черствыми. Мы боимся того, что наши души настолько оголились, что из-за любопытства, на первый взгляд безобидного слова, заданного невпопад вопроса или просто внезапного воспоминания, затянувшиеся раны опять начнут кровоточить. Кто-то из переселенцев, отрезав по живому прошлое, на новом месте начал жизнь с нуля. Кто-то живет надеждой, пребывая в состоянии затянувшейся паузы. Но так или иначе, не зависимо от принятого для себя решения, мы все хотим одного и того же, боясь сказать это вслух, чтобы не сглазить. Самые сокровенные мысли и желания мы лелеем как дитя и прячем глубоко в сердце. Пусть они там пока посидят, их время еще настанет!

Да, мы никогда не будем прежними. Но мы станем лучше, уже стали. Теряя и разочаровываясь, мы находили новые жизненные идеалы, начинали заниматься тем, чем раньше и не помыслили бы. Мы стали еще больше ценить настоящих друзей и расставаться со ставшими недругами без горечи. Мы научились ценить каждый прожитый день, каким бы трудным он ни был. Мы стали ценить жизнь во всех ее проявлениях. В Библии есть такое высказывание «золото, огнем очищенное», пусть это громко звучит, но думаю, сейчас оно описывает всех нас, украинцев.

Александр Михайленко

ТАК ПОЧЕМУ ЖЕ ЛЮДИ НЕ ВЫЕЗЖАЮТ ИЗ «ДНР»/«ЛНР»?

Мне 36, я родился и вырос в Донецке. Прожил в этом городе большую часть жизни. Выехал из него в июле 2014-го, вскоре после того, как там появились «ополченцы» Гиркина-Стрелкова. Сейчас живу в Киеве,

© А. Михайленко, 2015

однако время от времени совершаю поездки в родной город. Мне кажется, что в моей ситуации есть определенное преимущество: ведь я могу сравнивать жизнь на «большой земле» с жизнью людей в зоне АТО и, не находясь в Донецке постоянно, отслеживать постепенные изменения, происходящие с городом и остающимися в нем жителями.

По новым правилам, для проезда на территорию, неподконтрольную украинской власти, необходимо оформить специальный пропуск в одном из семи пропускных пунктов, из которых, фактически, работает только один – в поселке Великая Новоселка, что находится по пути из Запорожья в Донецк. Мне удалось сделать это, несмотря на сумасшедшие очереди и полнейший бардак, царящий в «штабе» при местном РОВД, где происходит оформление пропусков.

Самый главный вопрос, которым задаются там буквально все: «Для чего эта пропускная система нужна?» Что она позволяет упорядочить? Кого и от чего защитить?

Я ехал в Донецк с большим туристическим рюкзаком. На него никто не обратил внимания: ни наши солдаты, ни сепаратисты. И на обратном пути то же самое. При желании я мог бы провезти туда и вывезти оттуда все, что угодно. Вообще, при проверке документов на блокпостах меня не покидало ощущение, будто все это какая-то игра, какой-то спектакль. Несерьезно все это выглядит – при том, что выражения лиц у всех участников игры очень серьезные.

Что касается самого Донецка, то от того, что я наблюдал там, у меня возникало чувство уже не спектакля, а просто абсурда. Работающие ювелирные магазины соседствуют с очередями за гуманитарной помощью. Постоянно слышны звуки залпов и разрывов. Состоящая из пенсионеров очередь в кассу, чтобы оплатить услуги «Укртелекома». Полки супермаркетов заставлены товарами, привезенными из других областей Украины, в том числе, из Галичины: «Перша приватна броварня», «Моршинська», соки «Galicia», и конечно же, сладости от «Roshen». Даты производства (разлива, упаковки), как правило, октябрь-декабрь 2014. В супермаркете «Брусниця» я неожиданно смог расплатиться карточкой «ПриватБанка». Однако это не терминал. Насколько я понял, это что-то вроде покупки в интернет-магазине.

Город пытается делать вид, что живет. Театры (в том числе кукольный) работают. Концертный зал филармонии тоже. Интеллигенция собирается на литературные вечера и на выступления местных бардов. Эти люди убеждены, что, не покидая город, продолжая жить, словно в мирное время, они поступают правильно. Им кажется, что, если прекратятся обстрелы, жизнь города постепенно вернется в прежнее русло.

Однако мне, дончанину, имеющему возможность взглянуть на родной город свежим взглядом, более-менее очевидно, что жизнь в нем постепенно угасает.

Днем Донецк напоминает сейчас просто большой райцентр. С наступлением темноты, часам к семи-восьми вечера, он производит впечатление уже маленького райцентра с редкими прохожими и автомашинами. «Ополченцев» на улицах сейчас стало заметно меньше, чем осенью. Зато постоянно слышны звуки обстрелов. Ночью я был разбужен ими несколько раз. А вот местные жители к ним уже привыкли, и, как правило, не просыпаются.

Еще осенью я обратил внимание на то, что город живет слухами. Тогда, в относительное затишье, многие поговаривали о том, что вскоре на территории «ДНР» начнет хождение российский рубль. Теперь же я обратил внимание на слух о том, что якобы скоро «ополчение» отодвинет линию фронта поближе к Запорожью и Днепропетровску, и тогда военные действия будут идти уже на территории тех областей. Благодаря этому в Донбассе, наконец, настанет мирная жизнь.

Большинство убеждено в том, что украинская армия ведет войну именно с гражданским населением, и потому занимается целенаправленными обстрелами жилых кварталов, остановок, школ и больниц. Многие верят в «укропских диверсантов», колесящих по городу с минометами.

Когда случается очередной обстрел гражданских объектов, они восклицают: *«Ну вот видите! Украинские фашисты воюют с нами, мирными людьми. А ополчение нас защищает».*

Но, разумеется, в городе остаются и люди, устойчивые к российской пропаганде и лояльные Украине. Мне довелось с ними поговорить. Одна семейная пара, к примеру, живет в районе, где уже довольно давно нет света и отопления. Шутят: *«Ну, зато телевизор и радио не работают. Хоть такая польза».*

Есть и те, кто считает одинаково виновными обе стороны: *«Хочется послать подальше и тех, и этих! Еле сдерживаю себя, чтобы не поддаться чувству ненависти и к тем, и к другим».*

В Киеве частенько можно услышать вопрос: *«Ну почему люди не выезжают оттуда? Тем более, если они против так называемых народных республик?»* Нормальному человеку это действительно трудно понять. У каждого какие-то свои причины, обстоятельства. Но побывав в Донецке, прожив там очередную неделю, мне хотелось бы поделиться вот каким впечатлением.

Примерно на четвертый день я заметил, что Киев, да и вообще спокойная мирная жизнь, начинают казаться мне чем-то нереальным. Слово приснившимся. Напротив, жизнь в Донецке, под постоянные звуки выстрелов и разрывов, начинает казаться мне единственно возможной и подлинной. И желание поскорее покинуть Донецк отчего-то ослабевает.

Это трудно объяснить. Возможно, люди, живущие там, независимо от их взглядов, испытывают нечто подобное? Не исключаю: если бы я задержался там подольше, то начал бы воспринимать обстрелы и опасность для жизни как нечто естественное, привычное.

Как бы то ни было, но я выехал оттуда. Автобусом до Запорожья. И сейчас, в Киеве, уже Донецк кажется мне нереальным, невозможным. Словно привидевшимся в дурном сне. Я читаю новости об очередном обстреле, в котором погибли простые люди, и задаюсь вопросом: «Ну как можно там находиться?»

Елена Рыжова

НЕДЕТСКИЙ ЛАГЕРЬ

Детский лагерь «Ромашка». Когда-то здесь отдыхали пионеры, ходили отрядами на спевки, занимались в кружках. Сегодня это лагерь для переселенцев, место, где люди, которых война на Донбассе застигла врасплох, могут найти приют. А это – моя героиня. Её зовут Оксана. С ней мы познакомились, когда «десант» из 20 молодых фотографов-переселенцев и 10 профессионалов, которых объединил фотокэмп, организованный журналом National Geographic, высадился в этом самом лагере.

Наверное, стоит все же начать с того, что такое фотокэмп. Это тоже лагерь, включающий в себя тренинги, лекции и практические задания, которые выполняли 20 ребят – переселенцев из Донбасса и Крыма. Каждый со своей историей переезда и вынужденно новой жизни. Когда мы впервые узнали, что мы должны делать, мы не понимали как. Ведь идеей проекта было показать жизнь ВПЛ. Это так тяжело, ведь чужие люди должны впустить чужих людей не только к себе в дом, но и в душу. Тут стоит отметить, что нам помогали именитые фотографы-тренеры, имеющие огромный опыт не только в выполнении технической работы с камерой, но и в общении с людьми. Джон Брэк, Витни Джонсон, Мэтт Мойер, Анастасия Тейлор-Линдт, Зорий Файн, Игорь Чекач-

ков, Юлия Кочетова и Эмине Зиятдинова верили в нас больше, чем мы сами, помогали советами. Мы же волновались, как первоклассники, которые впервые пришли на урок.

Но вернемся в «Ромашку», к Оксане. *«Извините, что я в таком виде. Давайте, я хотя бы переоденусь? Вы ведь фотографировать будете, да?»* – первое, что она сказала мне. Да, моей основной целью было показать её жизнь в этом лагере, но прихорошиться я ей не дала – пропадет правдоподобность. *«Я всю жизнь прожила в Красном Луче Луганской области. Там родилась, там жила, там вышла замуж и родила детей»*, – так я узнаю о составе её семьи и о предыдущем месте жительства. Ещё чуть позже я узнаю, что дочери Оксаны 9 лет, а сыну – 20 и они оба лишены своей привычной жизни: *«Ладно ещё мы. А дети? Дети-то за что страдают? Остались без друзей, без учебы... Что делать им и нам с ними?»* – сокрушается женщина уже в первые пять минут нашего знакомства. Ого. Так быстро? Почему она говорит мне такие вещи? Я ведь только сказала своё имя.

«Мы до последнего не верили в войну. Мы видели, что она идет, но война всегда где-то не с нами. Бомбить стали в начале августа, но где-то по окраинам, поэтому мы оставались дома. А вот 13 числа страх за детей победил и мы, собрав только самое необходимое, уехали», – типичная история переселенца. Мне даже показалось, что дальше я услышу всё то, что говорит обычно моя мама: *«Я переживаю за своего ребенка и отвезу его хоть на край света, если будет так нужно»*. «... Мы, собрав только самое необходимое, уехали. Очень переживали, ведь сын у нас призывного возраста, а байки о прохождении блок-постов ходили жуткие, но выхода не было и мы рискнули. Сбережений мы не имели, все деньги, что тогда были, мы потратили на проезд до ближайшего мирного города – Харькова. Всё, что осталось у нас в карманах мы тратили на хоть какую-то еду для детей, а сами с мужем практически голодали».

Тут я начала понимать, что в её рассказе что-то не так, что-то она мне недоговаривает. Боится признаться в чем-то, наверное. Ведь я для неё абсолютно чужая. *«Куда мы приехали, когда попали в Харьков?»* – Оксана начала мяться, видно было, что она хотела бы уйти от этого вопроса и сразу перейти к тому, как она оказалась в «Ромашке». Наверное, у каждого из нас есть то, что не хочется никому рассказывать: *«По приезду мы обратились в центр помощи переселенцам «Станция «Харьков», они немного помогли нам продуктами и обещали найти жильё»*, – все никак не находила в себе силы Оксана. А вот я уже начала переживать. Я понимала, что нельзя на неё давить, ведь она может отказаться от про-

должения общения, но её признание может стать ключевым для меня. *«Денег у нас не было. Друзей, знакомых или родственников тоже нет в Харькове, но дальше мы ехать не могли. Две недели мы вчетвером прожили на вокзале»*. Эта фраза стала для меня ударом в самое сердце. Оксана её произнесла настолько быстро и тихо, что я даже подумала, что ослышалась или не так поняла свою собеседницу, которая дальше стала говорить немного спокойнее. После мы долго с ней гуляли по лагерю, она рассказывала о том, как они попали в «Ромашку», где сейчас работают мужчины её семьи, как учится дочь. Я старалась её слушать и запоминать всё, но слова о вокзале не отпускали меня. Время пролетело быстро, я и не заметила, как оказалась в кровати своего номера, но ещё долго не могла уснуть, прокручивая в голове то, что могло с ними там произойти. Голодные, холодные, несчастные. Разве это они заслужили? Разве для этого Оксана и её муж работали всю жизнь, чтобы всё бросить и две недели жить на вокзале? Дальше из этого выплывали более философские вопросы: кому нужна эта война? что будет дальше? и в чем мы, жители Донбасса, провинились?

Я не знаю, где на них найти ответы до сих пор, куда бежать и к кому обратиться. Но только по сей день мне снится девочка с нарисованным кошачьим носиком, какой я её увидела в лагере, и говорит: *«Мы прожили на вокзале две недели. Будь счастлива тому, что у тебя есть»*.

Катерина Семивол

«НЕ СУДИТЬ, І НЕ СУДИМІ БУДЕТЕ!», або ДОНЕЦЬК ЗСЕРЕДИНИ

Я не корінна донеччанка, більше того, я прожила в Донецьку лише рік. Цього часу вистачило, щоб зрозуміти, що насправді там відбувається. Тепер я захищаю «своїх» донецьких, де б я не була. Намагаюся пояснити людям, що там не все так просто і однозначно. Я не втомлююся розвіювати міф про те, що нібито весь Донецьк прагнув «руського мира». Далеко не весь. Тяжко достукатися до людей, коли вони живуть стереотипами і на Донецьку вже давно поставили клеймо. Але робити це треба, бо там теж наша Україна.

Я зрозуміла, що не зможу далі жити в Донецьку, коли в Києві почався Майдан, а на Донбасі мітинги титушок на підтримку діючого на той час режиму. Пам'ятаю, як я йшла з пар в гуртожиток, а назустріч мені снував натовп підозрілих молодиків в чорному. Спочатку промайнула думка, що це можуть бути студенти якогось училища, та по мірі того, як вони наближались до мене, молодики все більше нагадували мені колону ув'язнених з якогось фільму. Зеки, хулігани, неблагонадійні – я не знаю, ким вони були насправді. Та точно можу сказати, що ці люди справді були ув'язненими, ув'язненими рабами чужої волі.

Вони агресивно розмахували блакитними прапорами Партії регіонів і щедро сипали матюками на кожного перехожого. Дві вулиці щільно заставлені автобусами, яким не видно кінця краю (мабуть, палкі прихильники Януковича самі так чудово зорганізувалися і приїхали підтримати свого лідера). Назустріч мені волочуться два чоловіки з дерев'яними кийками в руках, від них страшенно тхне алкоголем. Старенький дідусь зупиняється і говорить до них: «Кто вы такие? Что вы творите с нашим Донецком?» На що той йому відповідає, що вони приїхали, аби не впустити в місто «правосеків». А інший сміється і каже щось типу «ми и сами не знаем, за что здесь стоим». Дідусь каже, що в Донецьку все спокійно, і нікого захищати не треба. Перший молодик огризається, і називаючи дідуса «батьою», шле його куди подалі.

Йду далі, а молодиків в чорному стає все більше. Вони, наче мурахи, розповзлися по периметру навколо гуртожитку. Таке відчуття, що місто окупували. Окупували сили зла. «Гості» стоять по декілька чоловік біля кіосків і п'ють пиво. Вони ведуть себе тут як господарі і нікого не бояться. У моїх очах ненависть, а всередині все кипить від безпорадності свого становища. Перехожі йдуть мовчки і намагаються не реагувати на них.

Захожу в гуртожиток, сідаю на своє ліжко, дивлюсь у вікно на колону автобусів і переміщення цих продажних людей, і просто ридано. Я тільки зараз розумію, що коли йшла повз тих неадекватних «гопників», мені анітрішки не було страшно, мені було дуже і дуже боляче. Боляче від того, що ось так твої співгромадяни можуть продатися за 200грн. Продати свою Батьківщину, продати тебе. При цьому вони абсолютно не усвідомлюють, до чого це може призвести. Ось так все відбувається в нашій країні. Ось так все починається.

Може, багатьох не здивує те, про що я говорю, але особисто я вперше зіткнулася на власні очі з проплаченим мітингом та поводи́ла себе як маленька дитина, що зустрічається з першою несправедливістю у своєму житті. Ось, як насправді Донецьк підтримував колишній режим.

Я не бачила хоча б одну людину, яка в здоровому глузді вийшла б на вулицю з прапором «регіонів». Усі мітинги збиралися штучно. А зібрання комуністів біля пам'ятника Леніна не налічували й сотні осіб серед мільйонного населення міста. Взагалі, з самого початку вся ситуація в Донецьку виглядала такою ж штучною, несправжньою, несерйозною. Проїжджаючи в тролейбусі повз Донецьку ОГА, люди постійно тикали пальцями, обурювалися, називали ту зграйку підлітків з автоматами і в балаклавах ідіотами, але не втручались. Боялись втручатися.

Звісно, коли правоохоронні органи, замість того, щоб захищати адекватних людей від справжнього бидла, «кришують» це бидло, а патріотів своєї країни, свого міста саджають в автозаки, логічно, що люди боятимуться йти на вулиці. Потужно вийшли тричі, і всі ми пам'ятаємо, чим усе скінчилось. Та навіть коли кілька студентів із нашого університету вийшли на студентську акцію протесту з плакатами – одразу ж приїхала міліція. А чи можливо таке, скажімо, у Львові?

Тому перш ніж судити донеччан за те, що вони не змогли відстояти своє місто, треба залізити в їх шкуру, пожити там, хоч трішки відчутти ту політичну атмосферу, яка панувала там, щоб зрозуміти, наскільки легко було це зробити в тих жорстких умовах.

Юля Ваганова

«У ПРИРОДЫ НЕТ ПЛОХОЙ ПОГОДЫ...»

Замечали ли вы, насколько влияет погода на наше настроение? Солнце, легкий ветерок, голубое небо над головой – и в голове всплывают воспоминания о школьном первом сентября, когда веселые детишки спешат на свой первый звонок. Ощущение полета, безмятежности и больших возможностей – вот что дарит нам такой чудный денек. Хочется вдохнуть полной грудью и почувствовать все прелести и красоты этого мира!

А с чем ассоциируется у вас дождливая и пасмурная погода? Может, с теплым пледом, интересной книгой или горячим чаем? Возможно, с объятиями любимого человека? Мое восприятие пасмурной погоды я положила в «черный ящик», который совсем не хочется открывать...

29 ноября 2014 год. Место нахождения – Южный автовокзал, город Донецк. На часах 20.00 – время отправления последнего автобуса в Киев.

Родители и я тащим пять плотно утрамбованных чемоданов, каждый размером с меня. В голове не укладывается, как я смогу хотя бы сдвинуть их с места?! Этот багаж вмещает всю мою жизнь: вещи на все сезоны, документы, вплоть до водительских прав и свидетельства о крещении, ноутбук и любимые фотографии. Смотреть на родителей не трудно, а, скорее, невыносимо. Их единственная дочь, ни разу не уезжавшая дольше, чем на десять дней на море, едет в неизвестный ей город Винницу...

Как сейчас помню ту отвратительную погоду, которая будто воспроизводила душевное состояние. Начинал срываться дождь, ветер поднял всю пыль и нечисть убитого города... Грязь, сырость, псевдозащитники с автоматами и ненавистной мне символикой на плечах – виновники тысяч смертей и покалеченных судеб. В их глазах пустота, возможно, от осознания безысходности жизни, но, скорее всего, от собственной ограниченности и непонимания того, что они творят. Эти люди, что носят с собой автоматы и не боятся пустить их в ход при любом удобном случае, переполнили улицы родного, но уже не моего города.

Я не знала, когда вернусь домой, но уже тогда больше всего боялась не узнать место, где я выросла. Оно на моих глазах начало стареть и покрываться глубокими морщинами, а вместо аромата роз чувствовался запах нафталина и плесени. Мой город портился, как продукт без холодильника: терял свою свежесть, красоту и прежний вкус. Я прощалась с родителями, не зная, увижу ли их снова. В голове явно не хотела укладываться мысль и о том, что, вероятнее всего, я больше не увижу любимого кота. Никогда не считала его просто домашним животным, он был мне как брат! Знаете, когда я проводила ночь за учебниками, Персик мяукал, пока я не лягу с ним спать.

Тогда было ясно только одно: единственная задача – успеть уехать от заразы, заполонявшей сердца и головы людей в моем городе, желательно без лишних рыданий и эмоций. На ностальгии по семейному уюту и дому ставим жирный крест, будто табличка «Danger» на том уголке души, где хранятся воспоминания о прошлой жизни...

Я не боялась выходить из зоны комфорта. Стирка, готовка и прочие бытовые мелочи, с которыми я была слабо знакома, не пугали меня. Больше всего было жалко терять наши домашние вечера. Вы спросите, что же такого знаменательного в том, чтобы всей семьей попить чаю с печеньем? Во многих семьях это обычное, ставшее серой «бытовухой», дело, но только не в моей. Каждый раз вечером мы обсуждали события, произошедшие за день, советовались, делились планами, иногда сплетничали. Для меня такие посиделки были ориентирами в жизни, словно

указатель со стрелкой движения на синем фоне. Никакие проблемы не страшны, если знаешь, что дома всегда поддержат и помогут, а две пары плеч готовы стать стеной за тебя. Нет ничего прекрасней чувства искренней заботы и бескорыстной любви!

29 ноября 2015 год. Место нахождения – неизвестный мне в прошлом город Винница. На часах 15.00 – обычный пасмурный день, моросит дождь.

Прошел год размером в целую жизнь. Старые знакомые, которых раньше считала друзьями, быстро отсеялись, остались те, что навсегда. Я научилась обходиться без такого понятия как «дом», использую нейтральное «место пребывания». С того прощального вечера родителей еще не видела, дата встречи все так же неизвестна...

Небо (как будто помнит тот день 2014 года!) затянуто тучами, пожалуй, может начаться ливень. На улице чувствуется запах пыли от разгулявшегося ветра и уже срываются первые капли дождя. Из окна вижу, как люди торопятся домой, на их лицах недовольство и некая обреченность. Но в моем сердце радость и желание двигаться дальше, жажда жизни растет, и каждая упавшая капля этого дождя прибавляет мне сил. Ощущение полета, безмятежности и больших возможностей дарит мне такой обычный, но чудный день...

Р.С. Всегда говорите мамам «спасибо», когда они готовят вам завтрак или ухаживают во время простуды – вы начнете это ценить только тогда, когда с болезнью вам придется справляться в одиночку. Не забывайте быть благодарны отцам за их строгость и порой категоричность – это воспитывает в вас сильный характер, который пригодится вам в не менее категоричной жизни.

**Олексій Чмир
Марія Дробот**

ПРО МАЛЕНЬКУ БОРОТЬБУ ТА ВЕЛИКУ ПЕРЕМОГУ

Вересень 2014-го року розпочався для нас в евакуації: далеко від дому, батьків, університету. «Вільними», спраглими до знань ми ходили по київських вишах, намагаючись знайти університет, в якому і нам

було б місце. В футболках і шортах, в яких похапцем виїхали «з війни». Іншого одягу просто не було, але навряд чи це розуміли дівчата у вишуканих сукнях та хлопці в ділових костюмах, дорікаючи нам, мовляв: «Не по дресс-коду!»...

Звісно ж, знайшлося місце, де нас зустріли та прийняли як своїх, без упереджень щодо донецької прописки, зневаги до вбрання – Інститут міжнародних відносин Київського авіаційного університету. Саме тут, у Києві, згодом відбулися події, що залишили слід в історії нашої alma mater – Донецького національного університету.

Вересневі новини про захоплення ДонНУ представниками так званої «ДНР» ми, студенти-журналісти, сприйняли однозначно: коли під загрозою наші колеги та викладачі, наша освіта та взагалі майбутнє, неможна просто сидіти, потрібно діяти! Тож за порадою викладачів ми вирушили до Національної спілки журналістів на засідання вже евакуйованого до Києва Донецького прес-клубу, з яким кафедра журналістики давно та плідно співпрацювала. На щастя, в Спілці ми зустріли небайдужих до нашої справи людей, заручилися підтримкою медіа, порадами фахівців-юристів. У результаті того ж вечора, в кімнаті гуртожитку НАУ, ми написали листа прем'єр-міністрові України з проханням сприяти переведенню студентів до інших вишів України посеред навчального року зі збереженням за ними бюджетних місць. Це було найреалістичніше прохання на той час, а про глобальний порятунок Донецького національного університету ми могли тільки мріяти...

Минуло три дні, соціальними мережами вже активно поширювався текст нашого звернення до керівництва країни та анонс мітингу з питання права на освіту біля Кабінету Міністрів. Репостів було все більше, більшало й телефонних дзвінків до нашої імпровізованої «штаб-квартири» у гуртожитку. Лозунги та плакати готували всім світом: хтось з сусідів-студентів разом з нами продукував ідеї, інші допомагали малювати чи хоча б ділилися фарбами та папером. Телефон червонів від напруги – стільки студентів, їхніх батьків та просто небайдужих киян зверталися за детальними інструкціями щодо завтрашньої акції!

Але один дзвінок того вечора виявився надзвичайним, бо зателефонував... власне міністр освіти та науки Сергій Квіт. Такого ми, звісно, не очікували, передбачали навіть, що проблему університету можуть замовчувати, ігнорувати. Але на щастя нас почули. Нас не зрадили. Нам пообіцяли допомогу!

Сергій Миронович Квіт запевнив нас у своїй підтримці, тож було вирішено перенести акцію на кілька днів, щоб дати можливість владі підготувати низку конкретних пропозицій стосовно врятування Доне-

цького національного. А вже наступного ранку на нас чекав ще один приємний сюрприз – разом із ректором ДонНУ Романом Гринюком нас, студентів, запросили на зустріч з міністром! Саме там ми вперше почули про те, що планується евакуювати Донецький національний університет до Вінниці.

Вже за два тижні ми переїхали туди за університетом. Тоді нас було небагато – ректор, його найближчі однодумці, серед яких була і наша викладачка, доцент кафедри журналістики Олена Тараненко, та декілька активних студентів. Попереду нас очікувало багато випробувань: декілька тижнів поспіль команда ДонНУ працювала по 20 годин на добу, разом роблячи геть усе: телефонували студентам та співробітникам університету, відновлювали та обробляли бази даних та навіть власноруч мили підлогу семиповірхової будівлі, яка згодом стала головним корпусом ДонНУ...

Швидко минув буремний навчальний рік 2014-2015... Сьогодні ми з гордістю стоїмо на святковій лінійці, присвяченій Дню університету. Саме в такі моменти, коли бачиш сотні знайомих, які в унісон співають гімн ДонНУ, вдивляєшся в їхні щасливі обличчя та щирі посмішки, розумієш, що твої маленькі зусилля не були марними та посприяли великій справі на ім'я Донецький національний університет!

Карина Пестрякова

ТРИ ГОДА, ТРИ ГОРОДА

27 сентября – мой День рождения, и уже три года подряд я отмечаю его в разных городах. И не потому, что живу на широкую ногу и могу себе позволить поездки в любую точку мира, а потому что так распорядилась судьба.

Сегодня я вспоминаю начало моей взрослой жизни, мое восемнадцатилетие. Родом я из небольшого города Красный Луч (Луганская область), но совершеннолетие отмечала в Донецке, на тот момент городе больших возможностей и перспектив. Тогда я училась на втором курсе и думала, что в мегаполисе смогу все, как будто меня наделили суперспособностями!

Сидя со своими друзьями за праздничным тортом в общежитии, я загадала желание – в ближайшее время стать известным донецким журналом. Кто бы мог подумать, что это «ближайшее» так и не наступит...

Ровно через полгода, в прекрасный солнечный день 26 мая, мы наблюдали из окна общежития за вертолетами, кружащими над городом, с тревогой смотрели в сторону дымящегося вдаль аэропорта. Но тогда у нас, студентов, еще не было серьезного опасения или страха, больше любопытства. Мы и подумать не могли, что конфликт перерастет в настоящую войну.

Вскоре нам объявили о досрочной сессии. Тогда мы с подругой подумали: «Пусть за лето разберутся, мы пока поедem подзаработать на море, а 1 сентября вернемся в свои родные комнаты в общежитии, сядем за уже привычные парты и увидим наших любимых преподавателей в университете».

11 июня я уехала из Донецка. Ни с кем и ни с чем не прощалась, потому что думала, что через три месяца я вернусь.

Летние месяцы пролетели, и вдруг оказалось, что возвращаться некуда. Свои 19-ть я встречала уже в Харькове. Каким-то чудом на мой день рождения собрались все те же «общажные» ребята, и пели все те же песни под гитару. Особенно нашу любимую – песню Сережи-старшекурсника. Когда-то мы весело горланили ее под окнами общежития, не думая, какой пророческой она окажется: *«Пускаем побеги по белому свету, что-то теряем – не думай об этом. Что-то найдем и для этого идем»*. Помню, как к нам присоединились студенты из Харькова и Сум. Мы бурно обсуждали политику, делились своими переживаниями, размышлениями, страхами, и каждый выплескивал свою боль. После долгих споров мы пришли к одному выводу: всем нам просто очень хочется домой.

Та встреча длилась только одну ночь, и, задувая свечи на торте, я загадала увидеться со всеми присутствующими как можно скорее в родном Донецке. На рассвете у каждого впереди была своя дорога...

Я отправилась в Черкассы. Первое, что увидела, въезжая в город – сосновый бор, настолько красивый и величественный, что захотелось выйти из автобуса и прогуляться там. А воздух! Он был такой вкусный, аж сладкий, что я не могла им надышаться. Проезжая по городу, я видела лишь деревья, за которыми кое-где можно было рассмотреть дома. В общем, городской пейзаж в корне отличался от донецкого или харьковского...

Я очень переживала по поводу того, что моя донецкая прописка помещает устроиться на работу или изменит отношение людей ко мне. Но нет! Для работодателей я была таким же человеком, как и все, и очень быстро

получила место оператора боулинга. Я познакомилась со многими людьми. И знаете, они такие же, как и везде: со своими характерами, принципами, убеждениями. Есть плохие, есть хорошие, богатые и не очень, строгие и мягкие, высокие и низкие, стройные и в теле. И почему-то я не боялась отвечать на вопрос: «Откуда ты?». Всегда честно говорила, что из Донецка, и ни разу не получила в ответ грубых или жестких комментариев по этому поводу.

С проблемой «а, ты из этих, донецких» я не столкнулась и переехав в Винницу. Как я оказалась здесь? Донецкий национальный университет, в котором я учусь, эвакуировали в этот город. Как преданный студент, я последовала за своей Альма-матер.

Вспоминая, как впервые приехала на зимнюю сессию: показалось, что Винница мрачная и скучная. Отнеслась я к ней, скажу прямо, скептически. Наверное, потому, что я все сравнивала с родным Донецком. Но вот прошло полгода — и я понимаю, что это замечательное место для жизни, уютное и комфортное. А еще здесь очень много хороших и приветливых людей, что для меня всегда было важно.

Здесь я встретила и отпраздновала юбилей, 20 лет. Рядом не было ни одного старого друга, никого из родственников. Впервые я отмечала свой День рождения не в шумной компании, а только с любимым человеком. Он купил самый большой торт, какой только был у меня в жизни! В этом году желания я не загадала. Жизнь так перевернулась, что не могла решить, чего больше хочется. Пусть будет так, как будет, без всяких желаний и ожиданий.

За эти три года я научилась быть самостоятельной, как и большинство студентов Донецкого национального. Мы смогли преодолеть расстояние и расставание, оказались сильными и готовыми к переменам.

Я вспоминаю все города, в которых мне удалось побывать, и понимаю, как же здорово иметь много друзей и знакомых по всей Украине! Можно сорваться и поехать куда угодно, зная, что тебе будут рады.

А еще недавно меня спросили: «Если бы Донецк стал сейчас прежним, ты бы вернулась туда?» Впервые я ответила: «Нет». Впервые я с болью в сердце признала, что прежнего Донецка уже никогда не будет. Никто из уехавших уже не сможет вернуться в тот Донецк, в город огромных возможностей и перспектив...

Даниил Верейтин

КАФЕ-ЛОВУШКА

Тот праздничный первомайский день начинался как нельзя лучше, и планов было громадье. Погода на улице способствовала вылазке на природу или хотя бы прогулке по городу. Донецк хоть и претендовал на звание мегаполиса, но здесь всегда были места, где можно было спрятаться от шумной суеты, побыть наедине с самим собой или с тем, кто тебе дорог. Насладившись компанией одного близкого мне человека, я отправился на встречу с другим – старым приятелем, которого давно не видел.

Выбрав уютное место на втором этаже кафе NewYorkStreetPizza, что возле здания областной прокуратуры, мы приняли по бокалу холодного пива, завязался душевный мужской разговор, все шло просто замечательно... И вдруг с улицы до нас донесся гул, будто одновременно кто-то открыл 500 ульев с пчелами. Профессиональное любопытство сработало, и мы бросились к окну, впрочем, как и многие посетители кафе, имевшие несчастье оказаться в этом заведении в этот час. Картина открылась просто невообразимая: толпа людей с российскими флагами в руках, скандируя «Рос-си-я, Рос-си-я!», направлялась ко входу в здание прокуратуры. Памятуя о кровавых итогах митингов за единство Украины, наблюдая за этой неуправляемой толпой, я подумал, что отсюда мы можем и не выбраться...

Дурные мысли усугубились, когда я услышал звук мощного хлопка. «Это свето-шумовые гранаты бросают, скоты», – констатировал мужчина, стоящий рядом. Тем временем на улице разворачивалась сцена, которую я не забуду никогда: женщины руками выламывали плитки из тротуаров и бросали их в бойцов внутренних войск, которые попытались остановить агрессивную толпу. Количественно сотрудники правоохранительных органов заметно уступали своим «оппонентам», а некоторые милиционеры просто бросали щиты и бегом покидали поле боя...

В сложившейся ситуации ничего не оставалось, кроме как вернуться на исходные позиции и ждать, пока внутренний дворик прокуратуры не освободится. Минут через 15 мы все же решили прорываться через главный вход к ближайшей автостанции, чтобы разехаться по домам. Как только появилась возможность, мы вылетели оттуда со скоростью хорошего спортивного болида. Как миновали площадь – не помню. Тогда главной мыслью была только одна: «Хоть бы не зацепило». Градус агрессии к этому моменту несколько снизился, но наличие десятков

странных людей в балаклавах ставило под сомнение спокойное перемещения из одной точки в другую.

Остаток того дня я провел уже дома, в попытках представить все произошедшее каким-то нелепым сном. На следующий день, 2 мая, я смотрел трансляцию событий из Одессы и снова ужасался происходящему. Тогда я еще не знал, сколько всего предстоит пережить. Взрыв свето-шумовой гранаты, кирпичи, дубины и пруты оказались детскими шалостями в сравнении с работой крупнокалиберных артиллерийских установок, которые я впервые услышал в июне. Потом уже был депрессивный август, две недели без электроэнергии, пять дней без воды в 35-градусную жару... Частые артобстрелы моего микрорайона... Паника, страх, учащенный пульс стали нормой. А дальше была холодная осень, с которой связывалось так много надежд, трудный декабрь, сплошная пропаганда ДНР по телевизору, черный январь... Все это время в моем родном Донецке десятками гибли люди. Это было очень трудно осознать. Порой казалось, что начинаешь терять способность критически мыслить. Что не живешь, а выживаешь. И только яростнее ненавидишь тех, кто принес в твой дом войну...

Я покинул мой родной и любимый город в конце февраля. Бессонная ночь накануне выезда, переживания из-за пересечения линии разграничения, утомительная дорога до Киева... Уже из столицы я перебрался в Винницу, где теперь базируется мой второй дом – Донецкий национальный университет. За несколько месяцев жизни вдали от родных людей, улиц и зданий я осознал, насколько сильно люблю мой Донецк. Но когда вернусь туда снова – не знаю. Очень хочется верить, что это точно произойдет. И что когда я вернусь домой, войны в моем городе больше не будет.

Анна Беловольченко

ЧУЖИЕ ВЕЩИ

Сумки. Это то, что иногда получают из оккупированной территории переселенцы. Те люди, которые по каким-либо причинам не смогли покинуть Донбасс/Крым, теперь передают своим родственникам, знакомым вещи, которых им так не хватает вот уже второй год на свободной от агрессора земле.

В эту минуту кто-то получает по почте или от перевозчика свою любимую книгу, чтобы вновь прочесть пару строк в дождливую погоду; кто-то сегодня заберет плед, чтобы чувствовать тепло и уют родного дома с наступлением холодов; кому-то уже доставили материалы, без которых была невозможна работа; а кто-то через недельку-другую будет с радостью и тоской раскладывать по полочкам одежду, покупка которой здесь, в Виннице, была бы невозможной, в силу сложной денежной ситуации.

А кто-то не ждет ничего. И это я.

Знаете, я абсолютно не страдаю от недостатка вещей. Все самое необходимое при мне, а то, чего нет, смогу либо купить, немного подкопив денег, либо и вовсе отложить приобретение на долгий срок. А если так, значит, не сильно оно и нужно.

Сейчас меня больше донимает переизбыток чужих вещей. Переизбыток того, что я покупаю родным и близким на те или иные праздники, в надежде не сегодня, завтра отправить их в «заграничную» Луганскую область.

Слово «чужие» может показаться грубым в данном контексте. Но для меня это так и есть: ведь покупала то я все не себе, а значит и прямым владельцем не являюсь.

Прямо сейчас в съемной винницкой квартире на подоконнике и в тесной тумбочке под пыльным телевизором ютятся подарки, купленные бабушке на 8 марта, День рождения, День медицинского работника, Новый год... Хранятся там и вещички, купленные маленькой племяннице. Моей тезке уже скоро годик, а я еще ни разу не держала ее на руках. Ну что ж, зато игрушек насобирала вагон и маленькую тележку!..

Хорошо, хоть маме могу передать все, купленное ей, посылкой, или же поехать, чтобы отдать лично. Спасибо, что Славянск свободен.

Как передать вещи в поселок Кленовый, я сложно представляю. Кого не спрошу, ехать в эту глушь никому не нужно. А тем более везти с собой чей-то груз. На самом деле, ничего не удивляет, но легче то от этого не становится.

Каждый раз, когда я прихожу домой, чужие вещи смотрят на меня и напоминают о том, как все на самом деле: как далеко те, кому они предназначены, сколько мы уже не виделись, напоминают о том, как быстро растет племянница и с какой, черт ее побери, скоростью летят годы моей бабушки...

Некоторые знакомые говорят: «Зачем ты это покупаешь, если передать все равно не можешь? Только деньги зря тратишь». А я и даль-

ше никак не могу отказаться от привычки покупать родным что-то на праздники.

И, наверное, это хорошо. Немного больно, но хорошо. Ведь это значит, что вера в то, что все вернется на круги своя, еще меня не покинула. Это значит, что рано или поздно, я все равно торжественно вручу эти безделушки своим близким. Плюшевая овечка, кукла, картина, вязаные носки, кофе, фотографии, детский костюмчик, шарф, набор чаев, маленькая кофеварка и прочее окажутся в руках своих законных владельцев. Только вот повод для подарков уже будет другим: освобождение наших, украинских, родных земель и возвращение домой.

А пока я поберегу эти чужие вещи. Да прикуплю еще. Ведь скоро будет второй Новый год вне дома и День рождения маленькой тетки.

Наталья Парамонова

ЕЩЕ ОДНА ДОНЕЦКАЯ ИСТОРИЯ ПЕРЕ...

Мне казалось, что за год переселения уже всё выплакалось, выговорилось, осозналось и смирилось. Не так. Совсем не так. Сейчас мне кажется, что ещё долго чувства будут терзать сердца, эмоции будут захлёстывать душу, а инстинкты перекрывать здравый смысл. Ещё долго мы будем делать бесконечные выводы, пытаться разобраться и, наконец, чётко сформировать своё отношение к произошедшему. Потом, спустя десятилетия, перечитывая описания и воспоминания о нашем сегодня, мы снова и снова будем окунаться в атмосферу безысходности и безнадёги. Теперь становится понятным, что этим нас «наградили» пожизненно. Говорят, что если что-то однажды появилось в языке, то оно уже никуда не денется из него – оставит свой след, несмотря на все последующие этапы развития. Так и с нами: никуда не денется наша сегодняшняя реальность и вчерашняя «нереальность».

А нереальным казалось абсолютно всё: события в Славянске и Краматорске, побег гиркинцев в наш мирный Донецк, захват аэропорта какими-то непонятными ополченцами, ужаснейшие, совершенно незнакомые звуки при его авиа обстреле, приближение псевдореферендума... Сознание напрочь отказывалось воспринимать, идентифицировать и классифицировать происходящее. Всё, как во сне. Постоянно хотелось

спать (ночные буйства войны вызывали неведомый доселе регистр страха и истощали весь запас сил), а потом хотелось проснуться в другой реальности. Понимание, что реальность всё та же, мгновенно вызывало нереальное желание оказаться в другой Галактике...

Моя жизнь ни разу не ставила передо мной вопрос выбора своей национальности, своей причастности к какой-либо стране, народу. Этот выбор сделали за меня родители, родив меня в Донецке. Донецк – это областной город в Украине. Всё. И вдруг стало понятным, что наступил момент самоопределения.

Я всегда жила в Донецке, выезжая только на время отдыха, и то – не дальше нашей страны. Я никогда не рассматривала вариант переезда в другой город, тем более в другую страну – к незнакомому народу с незнакомыми традициями и культурой. Меня многое не устраивало, что-то не радовало, а что-то совсем расстраивало в процессе развития нашей независимой страны, но всё равно она моя, родная, единственная.

Мы все ждали, что «вот-вот закончится». Думали: поиграются – и успокоятся. Верили, что ненадолго. Мы научились жить сегодняшним днём. Мы научились искренне и коротко молиться. А потом, затаив дыхание, считать секунды между выстрелом и прилётом. Мы стали благодарны жизни за наступившее утро – значит, ещё живы. За каждую оптимистичную фразу в общении с родными или друзьями – значит, не только ты один веришь и надеешься. За отсутствие записей в Перекличке. В контакте – значит, никто не погиб и не пострадал.

В августе закончилось всё – вера, надежда, терпение, продукты, деньги. Все друзья разъехались, сделав свой выбор. И нам пора его сделать. Пора проститься с долгожданным-уютным-недавно-купленным-отремонтированным-уже-родным домом. Пора проститься с комфортом и привычным распорядком дня. С любимыми учителями и воспитателями наших детей. С безотказным педиатром, который поднимал трубку даже ночью. С терриконом, по которому пацаны всё свободное время гоняли на велосипедах. Со знакомой бабушкой, у которой 2 раза в неделю покупали домашние перепелиные яйца. Пора.

Хотя нет, неправда – выбор делать не надо, он уже сделан. Я, муж и дети – украинцы. Так решили предки. Так решил Творец. Значит, пришло время подтвердить этот выбор.

... Сейчас, спустя год, мне до сих пор не верится, что мы смогли. Смогли выехать. Смогли не только ПЕРЕселитьСЯ, но и ПЕРЕКлючитьСЯ, ПЕРЕзгрузитьСЯ (выделение приставок и окончаний, наверное, смогут понять только филологи-переселенцы). Смогли преодолеть страх перед неизвестностью. Смогли привыкнуть к новым реалиям.

Смогли вновь отыскать в себе веру, надежду, терпение. Смогли и многое другое, на что никогда бы не решились просто так, в других обстоятельствах.

Продолжаем верить, надеяться, терпеть. Продолжаем жить сегодняшним днём. Продолжаем благодарить Бога за всё, что имеем. Мы теперь по-другому жить не можем. Мы все теперь совсем другие. Качественно другие. Война принесла много горя, слишком много потерь. Но извлекая драгоценное из ничтожного, можно сказать, что она нас ПЕРЕплавила, ПЕРЕмолола, ПЕРЕткала. Эта приставка преследует теперь нас. Ведь мы – ПЕРЕселенцы.

Филологам известно: приставка ПЕРЕ- употребляется при образовании:

1. Существительных со значением повторного действия или явления (перевыборы, перерасчет).

2. Глаголов и обозначает:

а) направленность действия или движения через какое-либо пространство или предмет (перешагнуть);

б) направленность действия или движения из одного места в другое (передвинуть);

в) совершение действия вновь (переделать, перешить);

г) распространение действия на ряд предметов (переложить);

д) доведение действия до нужного предела (перезимовать);

е) доведение действия до излишнего предела (перекормить).

Прочитывая каждый пункт, каждый ПЕРЕселенец видит чёткие картины своей жизни. Они не выдуманы нашей бурной фантазией – они ПЕРЕжиты нашими сердцами, нашим сознанием и нашей жизнью. Они навсегда с нами. Они сделали из нас новых людей, живущих новой жизнью, с новым осознанием и мировосприятием.

За год моё сердце постепенно возвращает утраченное тепло. Появилось некое «землячество» в новом городе: есть мои земляки вокруг, есть мой Университет, есть мои новые друзья и хорошие знакомые, есть равнодушные новые соседи. Потихоньку приходит понимание, что жизнь продолжается, даже далеко от дома, от родного города.

Продолжаю верить в Украину. Продолжаю искренне и коротко молиться. Продолжаю жить сегодняшним днём. Теперь-то я уж точно это умею!

ОЛЯ ЗОЛОТАЯ

**«Повертатися в рідне місто - це приголомшливе відчуття.
Цього не зрозуміє той, хто не пережив окупацію»**

«Машинку для гоління? Добре, я запитаю», – усміхається Оля в телефонну трубку. За час нашої розмови їй кілька разів телефонували хлопці з передової. Хтось просив щось привезти, хтось просто хотів поговорити. Військові називають її «Золотая». Напевно тому, що у свої 20 років, вона вже багато разів була на передовій, в Пісках, Водяному. І все для того, щоб привезти хлопцям домашньої їжі, нове взуття, одяг і так необхідні їм тепловізори. А іноді дівчина передає військовим подарунки від дітей або просто приїжджає, щоб подарувати їм усмішку та теплі слова. А ще вона малює їхні портрети і дарує, прямо там, – на передовій.

Оля є волонтером та співзасновником громадської організації «Моя Незалежна». Наразі вона мешкає в Краматорську і займається діяльністю, якою кожен день наражає на небезпеку себе та своїх рідних. Молода волонтерка на собі випробувала, що означає раптово втратити дім, всупереч своїй волі виїхати з рідного міста. Вона не приховує, що любить свою країну. Зараз дівчина планує закінчити курси надання першої медичної допомоги і піти на службу в добровольчий спецпідрозділ «Одін» у складі полку «Азов».

- Де Ви були, коли почалася війна в Краматорську?

- У цей час я була на навчанні в Києві. Коли почалася війна, мама не дозволяла мені повертатися додому. Але я хотіла бути поруч з нею, так спокійніше. У червні я повернулася з Києва в Краматорськ і була вражена: скрізь були прапори Росії, ДНР, згорілі маршрутки. Було бридко. Мене не так лякала війна, як те, що відбувалося з людьми. Ставало все небезпечніше і страшніше. Мама втратила роботу, і нам довелося виїхати з міста. Але найгірше було те, що серед усього цього ти відчував себе, як брудом облитий. Під час ДНР у Краматорську, мені здавалося, що нічим дихати. Коли ми виїхали звідти, для мене це був як ковток свіжого повітря. Перше що я зробила – купила собі маленький прапорець України. Йшла і махала їм. Тому що можна, бо не вб'ють.

До кінця окупації Краматорська ми жили в Харківській області в маленькому селі Люлюківка. Ми з мамою хотіли зареєструватися і офі-

ційно отримати статус переселенця. Але від нас зажадали таку кількість документів, яких у нас з собою просто не було. У підсумку нас так і не зареєстрували. Нам тільки запропонували продуктову допомогу – майонез і приправу для бульйону.

- Що Ви відчували, вимушено перебуваючи далеко від дому? Що цей досвід поміняв у Вашому житті?

- Мій досвід не такий вже і страшний, я знаю страшніші історії. Ми вирішили, що поки в Краматорську буде ДНР, нас однозначно там не буде. За час, проведений далеко від дому, я зрозуміла, як важко втратити все і одразу. Ми не знали, коли повернемося, чи повернемося взагалі ... Це жахливо. Після повернення я вирішила, що буду допомагати іншим. Раніше я спокійніше до всього ставилася, була ніби осторонь. Зараз у мене є чітка позиція. Досвід вимушеного переїзду посилив мої патріотичні почуття. Я зрозуміла, що потрібно діяти, а не відсиджуватися вдома. Повертатися в своє рідне місто – це приголомшливе відчуття. Цього не зрозуміє той, хто не пережив окупацію і повернення.

- З чого почалася Ваша волонтерська діяльність?

- Почалося все саме після звільнення Краматорська. Я випробувала на собі, як страшно і погано бути «переселенцем». Після повернення для мене все помінялося. Зрозуміла, що Краматорськ це тільки початок. Не зможу просто відсиджуватися і нічого не робити. Почала допомагати військовим.

Спочатку тим, що були в Краматорську. Ми з мамою просто пекли пиріжки і носили до них на блокпости, пригощали. Потім зрозуміла, що цього мало, але все ще не знала, як можу допомогти хлопцям. Я не військовий, не медик, у мене немає грошей, я нічого не могла запропонувати їм. В мені було стільки злості на людей, які позбавили мене дома. У моєму оточенні не було жодної людини, яка б воювала чи була волонтером, та й просто, хто реально щось робив би для людей, для країни. Але я мала величезне бажання допомагати. Почала з того, що познайомилася з Краматорською організацією, де плели захисні сітки для військових. Спочатку допомагала їм, поступово у мене з'явилися знайомі, які займали таку ж активну позицію, як і я.

Ми вирішили об'єднатися і створили свій волонтерський рух, який назвали «Моя Незалежна». Спочатку було страшно. Поступово люди стали приходити до нас, збирали допомогу військовим. Про нас дізналися. Але, дізналися не тільки добрі люди, а й недоброзичливці. Мені погрожували в соціальних мережах, лякали, говорили, щоб їхала з міста. Було страшно, але я намагалась не звертати уваги на погрози.

Продовжувала збирати і возити хлопцям допомогу. Раніше я їздила на передову тільки в якості гостя і нічого не могла зробити чи організувати сама. Соромилася, боялася, не знала, як поводитися і що говорити. Тепер там мій другий дім. Хлопці стали моїми друзями.

- Чи підтримують Вас друзі, близькі?

Мама підтримує. А друзі... Вони втомилися мене слухати. Я вся там, зі своїми братами, на передовій. І душею, і серцем. Наші інтереси з друзями вже не співпадають. Після звільнення Краматорська вони продовжили жити, як і жили – погуляти, купити нових лахів, посидіти в кафе. А я намагаюся заощаджувати на всьому, збираю гроші військовим, матеріальні цінності мене не особливо цікавлять. Я вже просто не можу сидіти в компанії своїх однолітків і говорити з ними про те, про що зазвичай говорить молодь. Це не моє, я живу іншим ...

- Чи є серед волонтерів переселенці?

- Так, є, повно. І серед військових також. Я вважаю, що такі люди гідні поваги. Вони не повинні допомагати, а навпаки, мають просити допомоги. У них забрали будинок, позбавили всього. А вони знаходять час, кошти, щоб ходити до нас і допомагати військовим. 10 лютого в Краматорську був вибух, було багато поранених. Звичайно, людям було страшно, всі побоювалися, що війна може повернутися до Краматорська. Нам теж було небезпечно працювати. На той час у нашої організації вже був свій офіс і багато хто про нас знав. Але серед нас, волонтерів, і мови не було, щоб припинити роботу.

- Як ставляться до вас військові?

Посміхається: - Вони називають мене «Оля Золотая». Вони раді, коли ми приїжджаємо. Особливо раді дитячим малюнкам, фенечкам. Вони не так потребують продуктів і речей, які ми привозимо, як нашої уваги. Там, на передовій все по іншому. Там дуже важливо розуміти, що на тебе чекають, про тебе думають, тобі вдячні .

- А як Ви відпочиваєте?

- На передовій ... (*сміється*). Дивлюся на хлопців, які вони класні, жартують, дуркують як діти ... Я відпочиваю з ними душею.

- Які у Вас плани на майбутнє?

-Я буду продовжувати займатися волонтерською діяльністю, поки ми не звільнимо нашу країну від окупантів. Потім я поїду. Не хочу мати нічого спільного з Донецькою областю. Саме слово «Донбас» в мені викликає негативні відчуття. Я не пробачу людей, які покликали війну в мій дім. А вони ж всі тут – на Донбасі. Але це потім. А поки ми будемо

боротися за нашу свободу. Зараз я планую піти на курси при Червоному Хресті Краматорська, з надання першої медичної допомоги. Після їх закінчення я буду зарахована в спецпідрозділ «Одін» і поїду до своїх братів на передову. Вже не в якості волонтера. Тільки мамі поки не буду про це говорити.

Сьогодні Оля знає напевно, що буде продовжувати свою діяльність. Вже наступного дня після нашої розмови вона поїде в Маріуполь на проходження медичного огляду. А звідти сподівається потрапити до своїх хлопців, які за цей час стали їй рідними.

Інтерв'ю готувалося наприкінці серпня. Наразі, Оля здійснила свою мрію, – її було зараховано до лав спецпідрозділу «Одін» батальйону «АЗОВ». Сьогодні 20-ти річна дівчина служить своїй країні разом з чоловіками. Крім того, вона продовжує займатися волонтерською діяльністю в своїй рідній «Моя Незалежна».

Юлия Егорова

В ПОИСКАХ ФИНИША

Старт

Когда я только поступала в университет, я была неуверенным в себе абитуриентом. Помню, как четко решила, что главное – это выбрать город, в котором хочу быть, в котором ближайшие несколько лет пройдут мои счастливые студенческие годы. В поисках этого города я и приехала в Донецк. Раньше я не понимала, как можно влюбиться с первого взгляда. Но очутившись в Донецке, я почувствовала, что я дома... Незнакомый город, много людей, которые спешат куда-то, светофоры, машины, и в центре всего этого я – взволнованная абитуриентка, почувствовала, что все хорошо, я была уверена, что никто меня не обидит.

Преодоление дистанции

Находясь в Донецке, я наслаждалась своим присутствием там. Помню, как гуляла по вечерним улицам, вглядывалась в лицо каждому прохожему. Все они спешили... Кто-то мчался домой после рабочего дня, в надежде поскорее очутиться в теплой кровати. Кто-то опаздывал на

свидание и боялся расстроить любимого человека. А кто-то вывел на прогулку любимого пса. Но если бы они знали, что случится совсем скоро, они бы замедлили шаг и попытались бы запомнить каждую улочку, каждый дом любимого города. Если бы мы только знали...

Камень на дороге

Все говорили о Майдане. Одни поддерживали, другие осуждали, но безразличных не было. Помню, как сдавала сессию. Мои мысли были посвящены только экзаменам. Сидя в комнате в общежитии, читая учебник, я услышала, как кто-то разговаривал в коридоре. Говорили о войне, о том, что нужно уезжать. Я не верила. Будучи на летних каникулах дома, в Днепропетровской области, я представляла, как вернусь в Донецк. Я знала, что обязательно вернусь туда очень скоро! Ошиблась... Начался процесс перевода. Забывшись, я была уверена, что сейчас кто-то позвонит, и скажет, что все хорошо, мы можем возвращаться в Донецк. Я представляла, как войду в такую родную комнату общежития, немного потускневшую без меня за время летних каникул. Но я бы все исправила. Я бы снова сделала ее уютной, и снова войдя в нее, с уверенностью сказала бы: «Я дома». Но никто не позвонил...

Второе дыхание

Сейчас, прогуливаясь по Виннице, я уже не замечаю чужих лиц. Все родное, теплое. Здесь я всегда с гордостью говорю, что я учусь в Донецком национальном университете. Разную реакцию я получала в ответ... Но знаете, чаще всего я слышу: «Вы молодцы, держитесь, все будет хорошо». Спеша на пары и подгоняя сонных однокурсниц, я вспоминаю, как все это было в Донецке. Я часто вспоминаю его, думаю о нем. Не смотря на то, что в Виннице мне хорошо и уютно, я чувствую, что домом назвать этот город не могу. Но, пропитавшись искренней симпатией к Виннице, могу сказать, что его жители – прекрасные люди, такие добрые и воспитанные, честные и дружелюбные. Поэтому я желаю им, а вернее их родному городу самых ровных дорог, самых низких цен, самых честных чиновников, а самое главное – мирного неба над головой.

Финиш

Наш финиш еще не наступил. Мы в пути. Никто не может знать наверняка, где мы его настигнем. Кто-то, возможно, останется в Виннице, кто уедет в другие города, страны. А фантазеры романтики, могут мечтать о финише на другой планете. Знаю одно, лично я на финише хочу отметить в самом родном сердцу городе – в Донецке.

Катерина Вахненко

ПАТРІОТИЗМ: УКРАЇНСЬКИЙ, ДОНЕЦЬКИЙ ЧИ ЛЮДСЬКИЙ?

Почалася буря. Кажуть, звірі можуть дізнатися про її наближення заздалегідь. Нібито ще за декілька годин вони відчують смертельну загрозу, – або іще щось, нам не зрозуміле, – і прагнуть швидше полишити небезпечні місця. Бажання врятувати своє життя є таким же безумовним законом природи, як те, що сонце сходить на сході, а сідає — на заході.

Тільки люди вже давно свідомо і наполегливо відділяють себе від тварин, впевнено стверджуючи, що між нами не може бути нічого спільного, бо ми зовсім не схожі. Ми ж верхня гілка еволюції, чи якимось так. Ми – царі природи і вищі над нею. Ми не їмо, не народжуємо дітей, не виховуємо їх і не турбуємося про своє життя, бо нам нікого боятися. У людини немає природних ворогів, бо вона найстрашніший хижак – навіть тварини, за рідким виключенням, своїх не їдять. І тому ми наполегливо впевнюємо себе, що закони природи, в тому числі так званий «закон джунглів», не для нас.

Що ж відрізняє Homo sapiens? Що в ньому такого? Розум? Почуття? Від смерті тікають і люди, і звірі, то в чому ж різниця?

Людина, як і тварина, перш за все захищає своє життя, а повинна захищати свою оселю, свою землю. І якщо вона цього не робить, то вона боягуз, або хтось ще гірший. Бо «справжня» людина, нібито, між подвигом і життям завжди вибере перший, незалежно від статі та віку, адже це правильно і патріотично. Здається, все логічно. Але в зв'язку з цим у мене виникає питання: «А що таке патріотизм?» Може, я його неправильно розумію.

В Україні тема патріотизму зараз, мабуть, одна з найбільш актуальних. Але в світлі останніх подій цей термін набуває якогось негативного забарвлення. Його забруднюють усі вигуки, дебати, звинувачення, де це поняття втратило своє первинне значення і заочно стало останнім аргументом, який дозволяє казати один одному: «Ти не українець», «Ти не патріот своєї країни», «Ти дурень і боягуз». Все, що завгодно сказати, аби поділитися на правих і лівих, на «бендерів» і сепаратистів, на патріотів і проросійських донеччан. Залишається тільки поділитися на жовтих і блакитних. Хоча це дуже характерно для людини: шукати винуватого

в сусіді, а не в собі. Привід завжди знайдеться. Але через ці свари вже здається, що патріотизм та любов до рідного краю – це різні речі.

Прийнято вважати, що слово «патріотизм» означає любов до рідної землі, заради якої людина готова пожертвувати власними інтересами, а дотримання виключно цим інтересам – звичайний егоїзм. Мені ж з невідомих причин завжди здавалося, що ці інтереси, вірність яким і є патріотизм, дещо ширші за інтереси окремої людини. Бо що таке «рідна земля»? Область? Місто, в якому народився? Вулиця, на якій стоїть твій дім? Або все країна, в якій, можливо, за все життя так нічого і не побачиш, крім того самого міста, вулиці і рідної оселі? І чи має е значення, коли стає вибір між так званим патріотизмом та егоїзмом? Адже у моєї Вітчизни вони не можуть бути діаметрально протилежними моїм? А якщо це можливо, то в чому сенс? І чи можливо таку вітчизну любити?

Пам'ятаю перші дні конфлікту на Донбасі. Як замирало серце, коли дивилися та читали новини, дзвонили рідним і близьким, зі страхом рахуючи кожний гудок, щоб спитати: «Як ви? Не заділо?». Пам'ятаю, як боялися за свій дім, бо він – те єдине, що пов'язувало нас з землею, на якій народились і жили. І цей дім на цій землі – все, що в нас було. Страшно ж все втратити, правда?

Коли я на початку минулого літа їхала з Донецька, починався сильній дощ. Я завжди любила спостерігати за падінням наповнених свіжістю крапель та срібними зблисками неба між ними, коли суха земля аж чорніє, і навіть трава ніби стає зеленішою. Та в той раз мені чомусь було неспокійно. Я стояла під поривами холодного вітру в легкому сарафані, з важкою сумкою в руці і озиралася на свій дім. Можливо ще тоді, після перших крапель, розуміла, що не побачу його не два тижні поїздки на море, а півтора року. Як дикий звір, що передчуває біду.

Починалася буря.

Ольга Крыловецкая

В ПОИСКЕ ПРИСТАНИЩА

Война...это страшное событие. Война почти всегда начинается внезапно и застает всех врасплох. То, что произошло в апреле 2014, стало шоком и привело в негодование многих жителей Украины. К такому повороту событий никто не был готов...

Эта история не обо мне. Я хочу рассказать о людях, которые стали вынужденными беженцами. У нашей семьи были знакомые из Донецка. После начала боевых действий семейной паре Т. и А. пришлось уехать из родного города и искать где-то пристанище. Так как я с семьей жила в довольно большом доме, решили помочь нашим знакомым. Т. и А. приняли предложение некоторое время пожить у нас. Им пришлось нелегко, даже не смотря на нашу помощь. Значительных сбережений у них не было, а тут еще и младшую дочку надо отправить в школу, где она никого не знает. А. искал работу, но в маленьком городе ее не так легко найти. Хотя его попытка увенчалась успехом. А. начал заниматься тем, чем зарабатывал и в Донецке. Т. осталась дома и помогала моей маме с работой по дому. Иногда она ходила за гуманитарной помощью в Бердянское отделение «Красного креста».

Вот там творился ужас, а точнее хаос. Один раз я пошла с ней, чтобы помочь донести продукты. Я еще никогда не видела такого большого количества беженцев, которые остались ни с чем. Война и безвыходность настолько озлобили людей, что порядочные на вид мужчины и женщины затевали драки, лишь бы им досталось больше продуктов питания и личной гигиены. Я была свидетелем того, что беженцы стояли с самого раннего утра и до закрытия в надежде хоть на какую-то помощь. Т. занимала очередь, но в течение часа все вокруг превращалось в хаос. Люди несутся, сбивают с ног. Ты перестаешь ориентироваться в пространстве и теряешь членов семьи или знакомых в потоке толпы. Когда же люди получали гуманитарную помощь, выходили, словно победитель из кровавой битвы. После похода с Т. в «Красный крест» я осознала, что творит с людьми война, и насколько это печально.

Взрослым всегда легче адаптироваться к новым условиям, чем детям. Родители оценивают обстановку, понимают причины изменений событий. Если говорить о резкой смене обстановки, это всегда тяжело сказывается на детях. В связи с военными действиями Т. и А., переехав в Бердянск, отправили свою дочку А. в местную школу. Девочке было крайне трудно адаптироваться к новой среде. Во-первых, дома А. училась в русскоязычной школе, а теперь ей пришлось идти в украиноязычную. Это кажется маленькой проблемой для взрослых. Но каково ребенку, который привык к одному, резко изменить условия и среду общения? Во-вторых, все ее друзья и знакомые переехали. Она осталась одна, никого не зная в новом для нее городе. Сперва А. было нелегко, но так как она всегда была очень общительным ребенком, ей удалось подружиться с новыми одноклассниками. И уже через некоторое время А. прибегала ко мне и рассказывала о своих друзьях, о том, что проис-

ходило в школе. Она была радостной и счастливой, что обрела новых знакомых. Но часто А. говорила, что скучает по друзьям из Донецка. Ей не хватало подружек со старой школы и кружков. Новые знакомые – это, безусловно, хорошо. Хотя всегда скучаешь по прошлому, особенно это касается детей. Часто А. приходила ко мне за помощью по урокам, и мы просто общались. Я стала для нее, как старшая сестра. Возможно, это из-за нехватки общения, или из-за интереса. А может быть потому, что А. не хватало родной старшей сестры, которой пришлось уехать в Россию, чтобы не оставаться на оккупированной территории. В глазах А. я видела, как она скучает по сестре. Ведь А. всегда так восторженно рассказывала о ней. И тогда я понимала, что этот ребенок не может адаптироваться в новой среде в полной мере, ведь все ее воспоминания связаны не с Бердянском, а именно с Донецком, родным для нее городом.

Прошел год. Много изменилось. Т. и А. сняли квартиру и переехали от нас. Они продолжают работать и жить в Бердянске. А. ходит в школу. Она перешла в 4 класс. У А. много друзей. Она ходит на три кружка, и ей это безумно нравится. Люди научились жить с нуля. Оставив все в Донецке, эта семья не отчаялась и решила бороться. Но все же они надеются, что смогут вернуться в любимый Донецк... И таких людей много. Тех, кто не опустил руки, и верит в светлое будущее. Верит и надеется на то, что вернется в любимый город...

Майя Кульбедюк

ДА ЧТО ТЫ ЗНАЕШЬ ОБ ОДИНОЧЕСТВЕ,

или

#ТонуВоСнах

Да что ты знаешь об одиночестве, когда единственный твой собеседник – это ты сам. Рев мотора. Люди, люди. Свет огней. Светофор, зеленый, я наконец-то могу перейти дорогу, в ушах до сих пор слышу, как бьёт пульс, глаза, вроде перестали мотаться из угла в угол, и будто зомбированная толпа не сносит меня потоком на другую сторону дороги. Раньше я думала, что люблю чужие города и сам процесс адаптации, как же можно было так ошибаться...

В моём городе началась война, и я вынуждена была покинуть его пределы. Знаете, я с детства хотела переехать, думала – начну жизнь с чистого листа, добьюсь чего-то, кину мир к своим ногам и всё мне будет не по чем, так я жила большую сознательную жизнь. До недавних пор я забыла, каково это жить в безопасности, засыпать со светлыми мыслями, а не думать проснёшься ли ты завтра живой, или пойти сказать родителям, как сильно ты их любишь, вдруг это последний разговор с ними.

Целых полтора года я не слышала звука самолета. Вы, наверное, думаете, что, когда он пролетел надо мной снова, я испугалась? Да, моя первая мысль была «неужели все повторяется?» Сегодня я проснулась от закипающего чайника, который включила моя соседка, шум был похож на ракетную установку ГРАД, сквозь сон, мне показалось, что я снова дома, в Донецке. Решила прогуляться в сквере и задала сама себе вопрос, хотела бы я вернуться обратно домой или лучше жить в тихом, укромном местечке? Знаете, как говорится «Дом там, где мама», и тут я поняла, что для меня не важна обстановка и разные политические взгляды, лишь бы увидеть до боли родные глаза родителей, кажется, я готова перейти через минное поле, не зацепив не одной мины. Запомните, ни вы, ни я, ни кто-либо другой не бьёт так сильно, как жизнь.

«Не важно, как сильно ты ударишь, главное, какой держишь удар», – такие слова всегда говорил мне мой папа, это, наверное, единственное, что не дает мне сломаться. Как бы старательно тебе не устраивали атмосферу дома, комфорта и уюта, всё для тебя будет чужое, да и ты сам будишь для всех чужим...

Мой родной город я представляю маленьким и капризным ребёнком, который натворил столько пакостей, что растерялся, и вот теперь сидит один в углу, не знает, как ему быть, ведь родители буду ругать. И каким бы противным и вредным не было бы это дитя, сколько бы глупостей оно не совершило, ребенок всё равно остается родным, со всеми его недостатками.

По дороге домой я вдруг замечаю, как сильно похожи все города между собой, как много людей с похожими проблемами, а есть еще я, девочка, которая верит, что вернется домой. Рев мотора. Люди, люди. Свет огней. Светофор, зеленый, я наконец-то перехожу дорогу, в ушах слышно, как бьётся пульс, глаза мечутся из стороны в сторону, я загнана в угол, и толпа, будто зомбированная, сама сносит меня потоком на другую сторону дороги...

Да что ты знаешь об одиночестве, когда одиночество – ты сам.

Анна Черникова

ЗАПИСКИ ЛУГАНСКОГО «НЕДОБЛОГГЕРА»

Я говорю...

Так много уже сказано за это время, за эти полтора года, когда я не видела родных комнат, в которых заточены миллионы воспоминаний; когда я не видела близких мне людей, в которых теперь осталась частица моей души... Я смотрю на бегающий курсор на белом полотне мертвого монитора, и, честно сказать, не знаю, что еще говорить. Насколько сильную откровенность простит мне бумага? Я, наверное, в силу своего возраста буду слишком экспрессивна в письме, наивна и, возможно, категорична... И нужна ли моя история миру, когда в нем человек может стать ракушкой, затерявшееся в песке, затонувшей в глубине океана, или когда человек может быть раздавлен чьей-то пяткой? Нужна. Потому что я теперь знаю, как отыскать в себе жемчужину...

Март, 2014

Я прожила несколько месяцев у моря. Звучит круто – оно так и есть, но для меня крутость расширена до возможности наслаждаться морем каждодневно без «приложений», без набережных, без фонарей, без кораблей на горизонте, без коктейлей. Утром – зной и пустота. Ночью – тьма и пустота. Почти девственное. Это жизнь.

В нескольких километрах разрываются снаряды, мой отец спускается в шахту и полностью отдает себя стихии риска, а я впечаталась поясницей в песок и жмурю глаза от полуденного солнца. И нет ничего важнее, чем потом молитва в беседке. Я в потертом зеленом свитере, окружена листвой, шепчу слова прошения о спасении папы. Это жизнь.

Переезжаю. Родственники окружают заботой. У них дочь умерла в четырнадцать – сейчас ей было бы около тридцати. А они строили свой двухэтажный малюсенький домик по кирпичику, сустились, сейчас их постигла мудрость, никаких амбиций: остались шутки, воспоминания, горечь этой мудрости и маленькие радости. Поесть в кругу семьи мороженого во дворе на складном столике. Это жизнь.

Я бегу навстречу к другу, однокласснику, он по случаю тоже здесь. Ты здесь... Поцелуй украдкой, когда провожаешь на трамвай. Я бы хотела, чтобы ты предложил пройтись пешком – что тут, час быстрым шагом, не больше. Но хоть так. Зато в нас столько юмора и бесстрашия. Это жизнь.

Декабрь, 2014

Переезд породил во мне сильнейшую дееспособность: работать, преодолевать себя, стремиться, ломать свои стереотипы, перестраивать мышление, пытаюсь сохранить свою индивидуальность, своё непосредственное очарование. Переезд заставил меня искать себя, задаваться вопросами, которые раньше без угрызений совести откладывала в долгий ящик. Переезд вынудил меня сжимать кулаки, когда хочется разразиться гневом, ненавистью – только если к себе самой, тогда можно, тогда он праведный. Теперь меня окружают корпоративные квартиры, съёмные, чьё-то, не мой дом. Теперь, когда меня одолевает скука, я брожу по книжному магазину с завышенными ценами на бесценные книги, нахожу знакомое издание – и не могу сдержаться от внутренней истерики, что в сотнях километров такая же книга стоит в темном шкафу моего дома, где папа приходит уставший с работы, одинокий и пасмурный, ложится спать, и сон предаёт его.

Я хочу жить. И пусть сейчас моя жизнь меня шокирует. Боже, всё изменится. И будет море, утро, ночь, и вечная блаженная пустота.

Октябрь, 2015

Вокзал. Винница.

Хитросплетения вокзальных железок – конструкции мертвых изваяний.

Спустя полтора года ко мне приехала школьная подруга из Одессы. Мы выросли с ней в одном шахтерском районе на Донбассе. Мы выросли... на Донбассе. И вот сейчас я провожаю её на винницком вокзале – после трехдневного свидания – снова обратно к её новому дому. А сама остаюсь здесь. Конечно, эмоции рвутся наружу, и тоска, и грусть выливаются в слёзы. Но не потому, что я рассталась с близким человеком, а потому что я будто снова встретилась со своим детством, со своим городом, с воспоминаниями о том, как там было. Снова встретилась, и снова рассталась.

В голове смешиваются образы вокзала в Луганске со стеклянным переходом от центрального зала к платформам, куда прибывали бесконечные поезда, приближавшие меня к студенческим друзьям. Моя студенческая жизнь там и оборвалась, на этом вокзале, на который под шум взрывающихся вдалеке снарядов прибыл очередной поезд и увез меня в пять часов утра, в тревожном состоянии, в родной город. Где я просидела, словно в заточении два с половиной летних месяца, а потом уехала в деревушку на морском берегу еще на сорок один день,

каждый из которых отмечен пометками в дневнике. И хотя я не верю в языческие обряды поминания, что-то остается в подсознании, и эти сорок один день становятся будто символом ушедшего года. Умершего в сердце. Хотя тогда, как и всегда, когда теряешь что-то значимое безвозвратно, мне казалось, что еще не всё утрачено, и тлеет надежда, что всё будет, как прежде.

Я открываю глаза. Вокзал. Винница.

И темный, старый вокзал в Угледорске, и почти аристократический вокзал в Дебальцево, модернизированный вокзал в Луганске – теперь только в памяти.

Я перевелась в Донецкий национальный университет. Благодаря людям, которые здесь, я чувствую себя комфортно и на своём месте. Но... Но... Я уже не студентка. Я будто прихожанка. Я заполняю свою жизнь благотворительной деятельностью, служением винницким подросткам и студентам, а сама больше не студентка. Мне чуждо всё то, что я испытывала, будучи в Луганске. Выросла ли я на Донбассе? Физически, без сомнений, да. Но повзрослела я в Виннице. И теперь люблю этот город так же, как любила всё, что было до него...

Я не держу ни на кого зла. Я просто скучаю по родным местам, по своему детству, и особенно по пирогам бабушек. По любимому папе, который остался там работать, по своей комнате, по своей драгоценной библиотеке. И по сотне бумажных журавлей на летней веранде, что свисают с потолка. Скучаю, как скучала бы и получив диплом в Луганске, когда мне пришлось бы уехать строить свою жизнь и карьеру дальше. Что ж. Просто время сжалось в моей жизни, ну и что? Сейчас все, кто появляется в моей жизни, оказываются по-особенному ценными и верными. Теперь проверка на подлинность строится по другим внутренним критериям. Я не делю на «своих» и «этих». И когда кто-то говорит, что приехал «оттуда», один из этих внутренних «критериев» не издаёт, как может, было в самом начале переезда, долгое тревожное, даже истеричное «дзыыынь». Теперь просто улыбаюсь внутри. Если оттуда – не значит хороший человек. Я была оттуда, и я была никем.

Мой путь расстоянием в полтора года состоял из взросления в экспресс-режиме. Было бы это всё в моей жизни, не будь войны? Скорее всего, есть доля неизбежности и рока. Но потом Небеса раскрылись над моей головой, посыпанной пеплом. И встретились молодые ребята, которые прошли реабилитацию от нарко- и алкозависимостей, школьники и студенты, жаждущие что-то менять в тех мальчишках и девчонках, что встречаются им с потускневшими глазами каждый день на винницких

улицах. Так я попала в Общественную Организацию «Пламя надежды», и, став частью команды, я осознала одну неприкосновенную истину – ты можешь выжить в любых условиях, имея силу воли или хотя бы долю инстинкта самосохранения. Но ты не будешь ЖИТЬ, пока не начнешь служить другим людям.

Всё хорошо.

Всё наполнено словно божественным провидением.

Я теперь даже лучше. Я теперь, как никогда, лучше.

Я живу.

Алина Бурова

МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ ПОРОЙ НЕ ТАК...

У каждого из нас есть мечты, желания, цели, но не все они сбываются, исполняются и достигаются. Если говорить откровенно, я никогда не понимала, как формулировка чего-то заветного и желанного может повлиять на воплощение этого в жизнь. Для меня дикостью были книги с названиями «Мечтай и действуй», «Сила намерения», а также различные тренинги вроде «Формулируй мечты правильно» или «Как добиться успеха и достигнуть целей». Но сейчас все стало предельно ясно. Война расставила все на свои места.

С детства мне нравилось изучать разные города и страны, наверное, поэтому одной из любимых игрушек был глобус, а из книжек – атлас. В подростковом возрасте я стала таскать у мамы с полки женские журналы только для того, чтобы почитать рубрики «Моя страна» и «Вокруг света». Все это переросло в одну заветную мечту – путешествовать по Украине и миру. В юности стала понимать, что для поездок в далекие и экзотические страны нужны средства, которых у моей семьи не было, поэтому решила мечтать скромнее – хотелось для начала увидеть просторы родной страны. И все же, родители были привязаны к работе, денег на путешествия всегда не хватало, и к восемнадцати годам, кроме нескольких городов Донецкой области, я увидела только Киев, Харьков и побережье Крыма, когда отдыхала в «Артеке». В это время большинство моих ровесников побывало и в Польше, и в Болгарии, и в Египте, и на Кипре, но мне тогда хотелось отправиться в путешествие хотя бы по своей стране, о большем и не мечтала. Все время представляла, как в

поездах и автобусах мчусь навстречу новому городу с его достопримечательностями, секретами и красотами.

Долгое время на вопрос о сокровенной мечте я отвечала: «Хочу поездить по Украине». Эту фразу я повторяла вслух и прокручивала в голове. Мечты сбываются – теперь я езжу по Украине. Только сейчас это не приносит мне радости. С тех пор, как на Донбасс обрушилась война, каждый месяц я преодолеваю тысячи километров, чтобы собрать воедино все кусочки своей души – родных и друзей. Часы, проведенные в дороге, уже не кажутся прекрасными, чтение «на колесах» не радует, музыка не вдохновляет, вагонная романтика куда-то исчезла. И знаете, моя душа остается разбросанной по всей Украине так же, как и рассеяны по разным городам близкие мне люди. Приезжая в Киев, я не бегу на Крещатик, я спешу к любимой бабушке, в Полтаве меня совсем не интересуют театры, там мне хочется поскорее прижаться к любимому и провести как можно больше времени вдвоем, в Днепропетровске, Запорожье, Житомире, Харькове я не знаю ни одной достопримечательности, потому что в этих городах встречи на кухне у друзей для меня дороже любых экскурсий.

Война исполнила мою мечту, сформулированную неправильно. Ведь не хотела я метаться с запада на восток, через север, через юг, возвращаться, сделав круг... Иногда мне кажется, что мы сами спровоцировали эту войну: кто-то хотел квартиру в столице – пришлось переехать и арендовать, кто-то работу во Львове – пожалуйста, теперь много компаний имеют грант на трудоустройство переселенцев, кто-то мечтал снять робу и надеть красивый костюм – так и есть, теперь он не прораб, а менеджер по персоналу, кто-то желал смерти врагу – так и произошло... Подобные мечты можно перечислять бесконечно, только воплотились они в реальность, принеся с собой много горя, бед и разочарований. Всегда думайте, перед тем, как чего-то пожелать, и формулируйте свои мечты правильно, словесно выстраивая все условия их исполнения, проговаривая и уточняя все нюансы.

Дарья Куренная

ЛЮБИМОМУ Д., ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ...

Мы должны были расстаться раньше... Ещё в 2012, после окончания проекта. Он тогда намекнул, что я уже сделала то, что должна была.

Но я упрямая. Я держалась за него, даже когда он отвешивал мне пощёчины. Упорно поднималась, утирала слёзы, прощала и падала в его объятия. Он лишь хмуро улыбался, выпуская кольца дыма, и соглашался меняться. Я с друзьями учила его украинскому, носила для него вышиванку.

Он дарил мне море роз и вывешивал жёлто-голубые флаги. Он научил меня быть сильной, и никогда не разрешал мне сдаваться. Терпеливо ждал меня из моих побегов в другие города, любил футбол и шумные праздники. Как же он был прекрасен в праздники! Как смешно выглядел после... У него были тёмные стороны, но он становился лучше с каждым годом.

Впервые надолго мы расстались летом. Сначала он отправил меня на море, потом во Львов. Он знал, что я могу не выдержать, видя, что с ним происходит. А может, не хотел больше подвергать меня опасности, ведь в мае ему пришлось прикрывать меня от врагов, а может, и от смерти. Сначала он меня прятал, а потом успел посадить в последний поезд. Тогда ему уже становилось очень плохо, болезнь пожирала его изнутри.

Два месяца я билась в истерике, рвалась к нему, как сумасшедшая. И он сдался. Неделью держал меня на расстоянии вытянутой руки, потом обнял. Мы были вместе три дня. Три сложных, душераздирающих и откровенных дня. Я увидела его раны, он уже их не прятал. Мне очень хотелось его обнять, но он, как настоящий мужчина, принял решение спасти меня, отставив сантименты. Быстро собрал мои вещи, аккуратно завернув мне украинский флаг. «Сохрани его, привезешь, когда я справлюсь с болезнью», – сказал он, оставляя меня на последнем вражеском блокпосту. Он остался воевать...

Мой Донецк остался рубиться в одиночку с врагом. И пусть в него мало верят, он не сдаётся. Они вешают на него свои тряпки, бьют из Градов, рвут танками, забирают его любимых, окружают и пытаются убить. А он стоит, и он выстоит! Он оставил мне свой флаг, я ему оставила 90-й псалом, написанный трясущимися от страха руками во время обстрела.

Побеждай, мой родной! Ты же учил меня быть сильной, и я, кажется, смогла.

Зміст

ПЕРЕДМОВА. <i>О. Тараненко</i>	3
Евгенія Бильченко	4
КТО Я?	4
КАНТ	5
Владислава Пилипенко	7
«ПРИВІТ, БАБУСЯ!»	7
ИСПОВЕДЬ ДОНЕЦКОЙ БЕЖЕНКИ	8
Олена Тараненко	10
ВОНЗДА: ГЕТЬ З ДОНБАСУ?	10
Веніамін Білявський	13
ПРОЩАННЯ ЗІ СТЕПОМ	13
ШАХІВНИЦЯ	13
Елена Самойленко	15
ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ – ВСЕ, ЧТО МЕШАЕТ ЖИТЬ	15
Еліна Свенцицька	19
ДОНЕЦЬК – 2014	19
Татьяна Нагорняк	21
ОСЕНЬ, ЗИМА, ВЕСНА, ЛЕТО... И СНОВА ОСЕНЬ	21
Ирина Исаченко	26
ОКО ТАЙФУНА	26
Костянтин Родигін	30
СОВА МІНЕРВИ НАД ПОРОХОВИМ ПОГРЕБОМ	30
Тарас Москалюк	34
РЕВОЛЮЦИЯ ЛИЧНЫХ ОБИД	34
Ніна Урсані	41
СПОВІДДЮ ПРО ГОЛОВНЕ	41
Андрій Тараненко	45
СОБАКА З ЖОВТОЮ КЛПСОЮ	45
Анна Хрипункова	51
ДОНЕЦКИЕ. РОД ПРОБУЖДЕННЫЙ	51
Інна Цікава	55
35 ХВИЛИН	55
Наталья Казеннова	58
Марія Дробот	60
МИ ЩЕ ПОБАЧИМОСЯ, ДРУЖЕ	60
Артур Біберін	63
ГОТЕЛЬ «ДОНБАС»: ІСТОРІЇ З ВІДКРИТИМ ФІНАЛОМ	63
Владимир Брадов	65
НЕОКОНЧЕННЫЕ ХРОНИКИ «МОРДОРА»	65
Михайло Драпак	73
ПРАВО НА СВОБОДУ МАРЕНЬ	73

Анна Манухина.....	75
СОЛНЦЕ УКРАИНЫ ВСТАЕТ НА ДОНБАССЕ.....	75
Екатерина Пилипенко.....	78
ДОЧЬ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ.....	78
Валерія Пилипак.....	81
НАША ІСТОРІЯ.....	81
Светлана Павлюкова.....	84
МОЁ ЛЕКАРСТВО.....	84
Олена Росінська.....	89
«СЕРЦЕ МОЄ УКРАЇНСЬКЕ ЗІ СХОДУ...».....	89
Татьяна Дурнева.....	94
БРОШЕННЫЙ ДОНБАСС. ЧТО ИЗМЕНИЛИ ПОЛТОРА ГОДА ВОЙНЫ.....	94
Олександра Родигіна.....	96
When we walked in fields of gold.....	96
Анна Глушко.....	97
И ТОЛЬКО ЛОШАДИ ЛЕТАЮТ ВДОХНОВЕННО.....	97
Ліна Бахаєва.....	100
ПЕРША ЛІНІЯ.....	100
Ирина Чиграй.....	102
ТАМ СОЛОВЕЙ ВЕСНУ ВСТРЕЧАЕТ, ОН БУДЕТ ПЕТЬ НЕ ДЛЯ МЕНЯ.....	102
Інна Єрмакова.....	104
ВДЯЧНІСТЬ ЩАСЛИВОЇ ЛЮДИНИ.....	104
Викторія Хороших.....	105
ТРЕНИНГ ПОД НАЗВАНІЕМ «ВОЙНА».....	105
Христина Захарчук.....	107
РЕКВІЄМ ПО ІДЕАЛАМ «КРАЇНИ МРІЙ».....	107
Елена Флоренская.....	109
ЖЕСТОКИЕ УРОКИ ВОЙНЫ.....	109
Александр Михайленко.....	112
ТАК ПОЧЕМУ ЖЕ ЛЮДИ НЕ ВЫЕЗЖАЮТ ИЗ «ДНР»/«ЛНР»?.....	112
Елена Рыжова.....	115
НЕДЕТСКИЙ ЛАГЕРЬ.....	115
Катерина Семивол.....	117
«НЕ СУДИТЬ, І НЕ СУДИМИ БУДЕТЕ!», або ДОНЕЦЬК ЗСЕРЕДИНИ.....	117
Юля Ваганова.....	119
«У ПРИРОДЫ НЕТ ПЛОХОЙ ПОГОДЫ...».....	119
Олексій Чмир, Марія Дробот.....	121
ПРО МАЛЕНЬКУ БОРОТЬБУ ТА ВЕЛИКУ ПЕРЕМОГУ.....	121
Карина Пестрякова.....	123
ТРИ ГОДА, ТРИ ГОРОДА.....	123
Даниил Верейтин.....	126
КАФЕ-ЛОВУШКА.....	126
Анна Беловольченко.....	127
ЧУЖИЕ ВЕЩИ.....	127

Наталья Парамонова.....	129
ЕЩЕ ОДНА ДОНЕЦКАЯ ИСТОРИЯ ПЕРЕ.....	129
Євгенія Валіцкас.....	132
ОЛЯ ЗОЛОТАЯ.....	132
Юлия Егорова.....	135
В ПОИСКАХ ФИНИША.....	135
Катерина Вахненко.....	137
ПАТРІОТИЗМ: УКРАЇНСЬКИЙ, ДОНЕЦЬКИЙ ЧИ ЛЮДСЬКИЙ?.....	137
Ольга Крыловецкая.....	138
В ПОИСКЕ ПРИСТАНИЩА.....	138
Майя Кульбедюк.....	140
ДА ЧТО ТЫ ЗНАЕШЬ ОБ ОДИНОЧЕСТВЕ, или #ТонуВоСнах.....	140
Анна Черникова.....	142
ЗАПИСКИ ЛУГАНСКОГО «НЕДОБЛОГГЕРА».....	142
Алина Бурова.....	145
МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ ПОРОЙ НЕ ТАК.....	145
Дарья Куренная.....	147
ЛЮБИМОМУ Д., ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ... ..	147

Літературно-художнє видання

ДОНБАС – АРЕНА ВІЙНИ

(Укр. та рос. мовами)

Упорядник – О. Тараненко

Фото – А. Манухіна

Підписано до друку 10.11.2015 р.

Формат 60х84 1/16. Папір офсетний.

Гарнітура Times New Roman. Друк різнографічний

Ум. друк. арк. 9,2. Обл. вид. арк. 9,63. Наклад 1000 пр.

Замовлення № 383

Видавець ФОП Барановська Т. П.

21021 м. Вінниця, вул. Порики, 7.

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 4377 від 31.07.2012.

Друк ФОП Штиков О. М.

